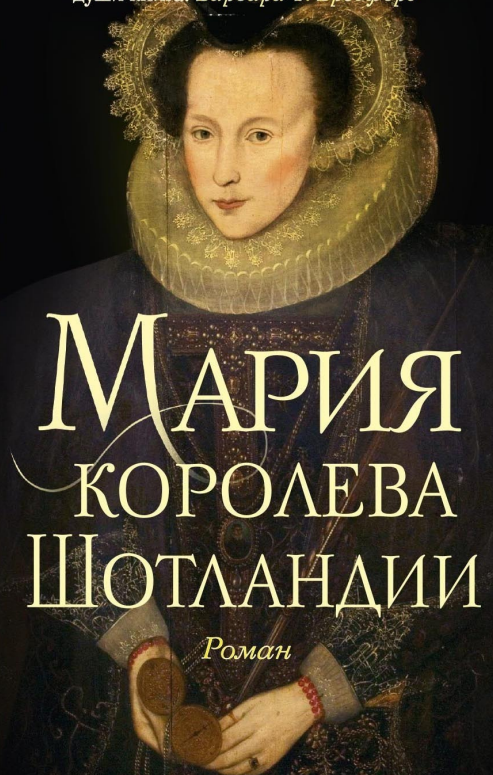

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Завораживающая, трогаящая до глубины души книга. *Барбара Т. Бредфорд*

МАРИЯ
КОРОЛЕВА
ШОТЛАНДИИ

Роман

МАРГАРЕТ ДЖОРДЖ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Маргарет Джордж Мария – королева Шотландии. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73397423

Мария – королева Шотландии. Том 1:

ISBN 978-5-9524-6611-1

Аннотация

Захватывающий роман американской писательницы Маргарет Джордж – это подлинная история Марии Стюарт, жизнь которой стала величайшей трагедией, не померкшей в веках. Правление прекраснейшей из королев, стремившейся к миру и процветанию, стало временем мятежей и заговоров, а ее законное право на английскую корону привело к распре с Елизаветой Тюдор, многолетнему заточению и гибели на эшафоте.

В первом томе описаны ранние годы Марии Стюарт – детство и юность во Франции, роскошная жизнь в качестве невесты дофина при дворе Генриха II, недолгий брак с юным королем Франциском и возвращение в Шотландию, где ей предстояло отстаивать свое право на власть, объединить страну и впервые полюбить.

Содержание

В моем конце – мое начало	5
Королева Шотландии, королева Франции	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	80
Глава 8	107
Глава 9	132
Глава 10	141
Глава 11	163
Глава 12	176
Глава 13	183
Глава 14	187
Глава 15	195
Глава 16	206
Глава 17	218
Глава 18	225
Конец ознакомительного фрагмента.	230

Маргарет Джордж Мария – королева Шотландии Том 1

Посвящается Джорджу Скотту (1920–1989)

любимому отцу, другу и учителю

MARGARET GEORGE

MARY

QUEEN OF SCOTLAND AND THE ISLES

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,

2026

В моем конце – мое начало

Англия, 1587

Глубокой ночью, когда все стихло, когда были погашены все свечи, кроме одной, женщина бесшумно приблизилась и села за письменный стол. Поставив справа эту единственную горевшую свечу, она осторожно – не дай бог зашуршать – расправила перед собой лист бумаги. Левая рука ее, придерживавшая лист, была белой, с длинными тонкими пальцами. Это ее руку назвал однажды французский поэт Ронсар «древом с неровными ветвями». Казалось, то была рука пятнадцатилетней девочки. В полумраке залы при свете единственной свечи лицо женщины выглядело столь же юным. Но вблизи на этом прекрасном и еще не утратившем очарования лице с удлинненным носом и миндалевидными глазами явственно проступали морщины. Некогда упругая кожа, туго обтягивавшая скулы, была теперь дряблой, подчеркивая впалость щек.

Своей изящной рукой с тонкими, унизанными кольцами пальцами она потерла глаза с тяжело набухшими веками и следами явной усталости. Вздохнув, она обмакнула перо в чернильницу и начала писать:

«Генриху III, Благочестивейшему королю Франции
8 февраля 1587

Месье, брат мой¹, волею Божьей – полагаю, за грехи мои – оказавшись во власти королевы, моей кузины, почти двадцать лет обрекавшей меня на страдания, я приговорена теперь ею и ее приближенными к смертной казни. Я просила вернуть мне изъятые у меня бумаги, дабы выразить свою волю, но мне не удалось получить ничего, чем я могла бы воспользоваться, или хотя бы заручиться разрешением на свободное составление завещания или заверением в том, что посмертно, как я того желала бы, тело мое будет переправлено в Ваше королевство, где я имела честь быть королевой, Вашей сестрой и давней союзницей.

О моем приговоре мне сообщили сегодня вечером, после обеда. Меня должны казнить как преступницу в восемь часов утра. У меня даже нет времени подробно описать Вам все, что произошло, но, если Вы выслушаете моего доктора и других моих несчастных слуг, Вы узнаете правду и то, что я, благословляя Господа, презираю смерть и клянусь, что встречу ее неповинной ни в одном преступлении, даже если и явилась неволью поводом к оному.

Католическая вера и отстаивание Богом данного мне права на английский престол – вот за что я осуждена».

Она перестала писать, неподвижно глядя перед собой, будто внезапно утратила способность излагать свои мысли

¹ Мария иногда называла в своем письме Генриха III, брата ее первого мужа Франциска II, короля Франции, братом, а себя сестрой согласно принятому в те времена обращению в королевских семьях к братьям и сестрам супругов.

или лишилась их вовсе. Лишь изложение всего происшедшего на французском языке позволило ей писать о событиях так, что они не казались столь ужасными. Ее разум не мог, не смел формулировать их по-шотландски.

«Тот, кто доставит Вам это письмо, и сопровождающие его лица – чуть ли не все они Ваши подданные – поведают Вам о моем поведении в мой последний час. Мне остается просить Ваше Благочестивейшее Величество, брат мой и давний союзник, всегда относившийся ко мне с любовью, доказать теперь свое благоволение ко мне, исполнив следующее: во-первых, оказать милость, выплатив моим несчастным слугам причитающееся им жалованье – снять эту тяжесть с моей совести можете только Вы, – и, во-вторых, вознести молитвы Богу за королеву, которая носила титул Благочестивейшей королевы Франции и которая умирает католичкой, лишенной всех своих владений.

Я взяла на себя смелость послать Вам два драгоценных камня, талисманы от болезней, надеясь, что Вы пребудете в добром здравии и у Вас будет долгая и счастливая жизнь. Примите их от Вашей любящей сестры, которая, умирая, свидетельствует Вам свои самые теплые чувства. Если будет на то Ваша воля, повелите, чтобы во спасение моей души часть Вашего долга мне была бы использована на оплату поминальной мессы и на положенную обычаем милостыню, и все это – во имя Иисуса Христа, которому завтра, умирая, я буду

молиться за Вас.

Среда, два часа утра.

Ваша самая любящая и самая верная сестра

Мария, королева Шотландская».

Она положила перо и аккуратно прижала бумагу двумя маленькими книжками. Все ее движения выдавали усталость, но не были лишены изящества. Красивые, тонкие пальцы сделали последнее движение, и она задула свечу.

Медленно подойдя к кровати, стоявшей в другом конце комнаты, Мария наконец легла, как была, во всей одежде и, вытянувшись, закрыла глаза.

Дело сделано, подумала она. Ее жизни, начавшейся в самый горький час в судьбе Шотландии и повторившей судьбу этой земли, теперь пришел конец. Губы ее чуть скривились в улыбке. «Нет! Наступает мой конец. Или, вернее, со мной будет покончено. О Господи! Не оставь меня хоть в этот раз!»

Королева Шотландии, королева Франции 1542–1560

Глава 1

В сизом тумане не было видно ничего, кроме еще более густого тумана. За плотной пеленой солнце едва угадывалось по смутно светящемуся ореолу, и это было единственным, что могли видеть люди, пытавшиеся вести бой. Но если они не видят своего врага, то как они могут защищаться.

Туман расплзался, клубясь и низко расстилаясь над зелеными болотами и топями, обволакивая промокшую землю и изводя людей, пытавшихся выбраться из предательской трясины. Было холодно и противно, даже омерзительно, как от прикосновения смерти, которая подстерегает их на каждом шагу.

На болоте стояли несколько чахлах деревьев, листва с которых была уже давно сорвана осенними ветрами. Обнаженные и убогие, они возвышались над полем боя. Люди пробирались к их посеревшим стволам в тщетной надежде найти там укрытие. Тысячи ног истоптали землю вокруг деревьев, превратив ее в вязкое месиво.

На следующий день, когда туман рассеялся, отступив в сторону моря, стало ясно, что Солуэй-Мосс – неподходящее место для боя. Топи и тростниковые заросли вдоль излучины реки Эск оправдывали название этого места – Мосс, что означает болото. Там, на юго-западной границе между Англией и Шотландией, столкнулись давние враги, словно сцепившиеся рогами и барахтавшиеся в навозной жиже олени. Английский одержал победу, болото было усеяно кожаными щитами отступивших шотландцев. Там они и сгниют.

Один английский воин, сопровождавший пленных, оглянулся и посмотрел на мирно зеленевшие поля, освещенные косыми лучами осеннего солнца. «Помилуй тебя Господь, Шотландия», – сказал он тихо.

Пошел снег – сначала тихо, затем все сильнее и сильнее, как будто кто-то вытряхивал огромную перину. Небо совсем побелело, а вскоре и землю покрыла белая пелена, снегом замело деревья и постройки так, что не прошло и часа, как все вокруг стало белым-бело. Большие башни замка в Фокленде превратились в гигантских снеговиков, замеревших у входа, словно часовые.

Король смотрел в окно, словно в пустоту.

– Ваше величество, – робко обратился к нему обеспокоенный слуга. – Не угодно ли вашему величеству дать какие-нибудь распоряжения?

– Тепла, тепла. Здесь так холодно, – пробормотал король, трясая головой и закрывая глаза.

Слуга подбросил в огонь поленьев и помахал над ними, чтобы пламя скорее охватило сырое дерево. Было только начало осени, но стояла такая стужа, какой никто не мог и припомнить. В гаванях корабли вмерзали в лед, а замерзшие поля стали твердыми, как металл.

Неожиданно появившиеся воины королевской армии боязливо заглянули в комнату. Казалось, король увидел их сквозь смеженные веки.

– Что происходит на поле битвы? – спросил он. – Есть какие-нибудь новости?

Они робко приблизились и пали перед ним на колени. Старший по званию ответил:

– Нас атаковали и жестоко разбили. Многие, отступая, утонули в Эске. А еще больше попало в плен – двенадцать тысяч воинов находятся в руках англичан.

– Требуют выкупа? – чуть слышно спросил король.

– Пока они молчат об этом. Говорят... их всех могут отправить в Англию в качестве пленников.

Внезапно король резко поднялся и, стиснув кулаки, застонал будто от нестерпимой боли. Метнув на воинов взгляд, полный ярости, он спросил:

– Нас разгромили? – и, получив подтверждение, воскликнул: – Все кончено!

Повернувшись к ним спиной, он, спотыкаясь, дошел до двери и вдруг осел, словно пронзенный копьем. Схватившись за бок, король, шатаясь, удалился в свою опочивальню,

куда войти вслед за ним мог только его собственный камердинер.

Король со стоном упал на кровать и, продолжая стонать и прижимать рукою бок, неустанно повторял:

– Все потеряно!

Один из его слуг кинулся за лекарем; другой отправился поговорить с воинами.

– Действительно ли так плохи дела, как вы доложили? – спросил он.

– Да, даже хуже, – ответил один из воинов. – Нас не только разгромили, как под Флодденом, но и опозорили. Нашего короля не было с нами; он покинул нас, чтобы предаваться хандре и унынию вдали от поля боя, будто кисейная барышня!

– Тсс! – Слуга оглянулся – не подслушивает ли кто-нибудь. Убедившись, что опасаться нечего, он продолжал: – Король болен. Он заболел еще до получения этих известий; горе и печаль от потери наследников – малолетних принцев – сразили его окончательно.

– Долг короля – нести бремя таких потерь.

– Смерть обоих его наследников одного за другим всего за несколько дней убедила его в том, что удача отвернулась от него. А раз человек убежден в этом, то вряд ли может повелевать как подобает.

– Он похож на кисейную барышню или страдающего падучей! – выкрикнул один из воинов. – Нами должен повеле-

вать воин, а не баба.

– Да, конечно, но он выздоровеет, оправится после удара, – ответил слуга, пожимая плечами. – У короля скоро будет новый наследник, королева на сносях и вот-вот родит.

Воин огорченно покачал головой:

– К сожалению, притом что у него множество незаконно-рожденных детей, ни один из них не может быть наследником.

Король отказался подняться с постели и, обессиленный, лежал, словно в забытии. Некоторые придворные подходили к нему и оставались около постели. Дородный граф Арран, глава рода Гамильтонов и законный наследник трона после детей короля, выглядел очень озабоченным. Кардинал Битон, государственный секретарь, склонился над королевским ложем, словно боялся пропустить его последние слова. Стюарты, кузены короля, каждый из них – представитель могущественного клана, держались особняком. Все они носили под яркими придворными костюмами одежду из толстой грубой шерсти, так как по-прежнему стояла стужа. В остальных комнатах застыли в ожидании бывшие и теперешние любовницы короля, обеспокоенные судьбой своих детей. Будет ли король в состоянии вспомнить о них?

Перед взором короля, словно в тумане, то появлялись, то исчезали лица придворных. Ах, эти лица... ни одно из них не было ему дорого, увы, ни одно.

Шотландия повержена – эта мысль пронзала его острой

болью.

– Королева, – прошептал кто-то. – Вспомните о своей королеве. Она скоро разрешится от бремени. Думайте о своем принце.

Но принцы мертвы, эти милые мальчики, умершие один за другим в течение нескольких часов, один – в Стерлинге, другой – в Сент-Эндрюсе. Эти места, отмеченные смертью. Никакой надежды. Все ушло. Никакой надежды. И не стоит уповать на следующего: он тоже обречен.

Но вот перед ним возникло новое лицо. Кто-то заглядывал ему в глаза, пытаясь в них что-то увидеть. Кто-то другой, не из тех, что стояли вокруг него.

– Сир, ваша королева благополучно разрешилась от бремени.

Король напрягся, чтобы что-то произнести. Странно, как трудно стало говорить. Раньше он был красноречив, а теперь силы его иссякли, а так много нужно сказать, но язык не слушается его.

– Мальчик или девочка? – наконец заставил он себя произнести.

– Очаровательная девочка, сир.

Девочка! Значит, проиграна и последняя битва.

– Это правда? Проклятье! Это все, прощайте! Женщина принесла Стюартам корону, с женщиной мы ее и утратим, – пробормотал он.

Это были его последние слова, и лекарь, увидев, что со-

знание покидает короля, взмолился:

– Благословите ее! Дайте благословение вашей дочери, да снизойдет на вас Божья благодать! Не уходите, не оказав вашей дочери этой милости!

Но король ответил лишь коротким смешком и улыбкой, поцеловал свою руку и протянул ее для поцелуя окружавшим его лордам. Потом отвернулся к стене и скончался.

– Что он имел в виду? – шепотом спросил один из придворных.

– Корону Шотландии, – ответил другой. – Она перешла к Стюартам от Марджори Брюс, и он опасается, что она будет утрачена принцессой – кстати, как ее назвали?

– Принцесса Мария.

– Нет, – возразил его собеседник, наблюдая, как лекарь переворачивает тело мертвого короля и складывает его руки, готовя его к обряду погребения. – Королева Мария. Мария, королева Шотландская.

Вдовствующая королева прилагала все усилия, чтобы как можно скорее прийти в себя после родов. Она не могла позволить себе долгого выздоровления, когда счастливая мать принимает в своей опочивальне гостей с дарами, разрешая в ответ на их добрые пожелания взглянуть на новорожденную инфанту, которая лежала в золоченой королевской колыбели, утопая в море белоснежных кружев, тафты и тончайшего бархата.

Нет, Мария де Гиз, вдова – какое странное слово, думала

она, – его величества короля Шотландии Якова V, должна была защищать свою инфанту подобно волчице, оберегающей своих щенят в суровую зиму. А эта зима в Шотландии и впрямь была на редкость суровой, с обильными снегопадами, стужей, гололедицей. Но не только и не столько это. сурова была сама судьба страны.

В отблесках полыхавшего в камине огня ей казалось, что зубы у всех придворных были похожи скорее на звериные клыки. Один за другим они направлялись в замок Линлитгоу, вызолоченный дворец на берегу длинного, узкого озера, расположенного к западу от Эдинбурга, дабы поклониться инфанте, их новой королеве. Они явились в пышных мехах, ноги их были обернуты в звериные шкуры, а бороды в сосульках были почти неотличимы от меховой оторочки их головных уборов. Падая на колени, они бормотали о своей преданности королеве, но в глазах их светилось недоброе.

Здесь были представители всех могущественных кланов. Подобно лесным хищникам, сбегаящимся на легкую добычу к убитому оленю, они явились для того, чтобы кто-то один, не дай бог, не оттеснил других от власти. Ведь открылась величайшая возможность: монархом стала беспомощная инфанта, единственной защитой которой была мать-иностранка, француженка, оторванная от родины и не знавшая их жизни.

Среди них был и Джеймс Гамильтон, граф Арран. Если бы не родилось это дитя, он стал бы теперь королем.

Он доброжелательно улыбнулся инфанте.

– Я желаю ей долгой жизни, – промолвил он.

Вскоре появился Мэтью Стюарт, граф Леннокс, считавший себя, а не графа Аррана законным наследником престола. Он пристально посмотрел на малютку.

– Пусть небо дарует ей грацию и красоту, – сказал он.

Затем Патрик Хепберн, Красавец-граф Босуэлл, вышел вперед, поцеловал руку королевы-матери и, подняв глаза на Марию де Гиз, произнес:

– Пусть ей будет дано пробуждать любовь к себе у всякого, кто увидит ее.

Дородный, раскрасневшийся граф Хантли с севера страны прошествовал к колыбели и, поклонившись, сказал:

– Пусть ее всегда окружают друзья, и пусть ее судьба никогда не окажется в руках врагов.

– Милорд, – возразила Мария де Гиз. – Зачем поминать врагов? Зачем думать о них сейчас? Вы связываете ваши добрые пожелания с чем-то мрачным. Умоляю вас, скажите другие слова.

– Я могу слегка изменить их, но не взять их назад. Однажды произнесенные, они уже оказываются в ином мире. Ну, хорошо: пусть ее враги впадут в полное смятение и будут отвержены.

– Я возражаю не против слова.

– Я не могу обещать, что врагов не будет, – сказал он упрямо. – Да и это было бы не очень хорошим пожеланием. Имен-

но враги закаляют и формируют характер. Только у ничтожества не бывает врагов.

После ухода лордов Мария де Гиз присела у колыбели, тихонько покачивая свое дитя. Девочка спала. Отсветы пламени окрасили в розовый цвет ее личико: инфанта сжимала и разжимала свои маленькие, пухленькие, в ямочках пальчики.

«Моя первая дочка, – думала Мария, – она совсем другая, не такая, какими были ее братья. Или мне так кажется? Нет, сразу видно, что это девочка.

Как говорят шотландцы, девочка всегда отличается от мальчика, с момента появления на свет. У дочки кожа цвета миндального молока. А волосы, – она осторожно приподняла чепчик, – какого же они будут цвета в сочетании с такой кожей? Об этом пока слишком рано судить. Пушок у всех младенцев одинакового цвета.

Мария... Я назвала ее в свою честь и в честь Девы Марии. Ведь она родилась в день Непорочного зачатия, и, быть может, Дева Мария будет охранять и особо оберегать ее.

Мария, королева Шотландии. Моя дочь уже королева, она стала ею шести дней от роду».

При этой мысли ее внезапно охватило чувство вины. «Король, мой господин и муж, умер, и именно поэтому моя дочь так быстро стала королевой. Я должна испытывать глубокую печаль, оплакивать короля, жаловаться на свою судьбу, а не с восторгом смотреть на свою дочь, королеву-дитя.

Девочка непременно будет красивой, – думала она, вглядываясь в ее черты. – Цвет и черты ее лица обещают, что она будет красивой. Я уже вижу, что у нее отцовские глаза, глаза Стюартов: раскосые, с припухлыми веками, так много обещающие, успокаивающие и в то же время очень скрытные».

– Моя дорогая королева, – услышала она за спиной знакомый голос кардинала Битона. Он не покинул ее опочивальню вместе со всеми придворными. Теперь, после кончины короля, он, как никогда прежде, чувствовал себя здесь вполне свободно. – Смотрите на свое дитя? Остерегайтесь влюбленности в собственного ребенка.

Она выпрямилась и повернулась к нему.

– Трудно ее не обожать. Она мила, и она – королева. Моя семья во Франции будет вне себя от счастья. Наконец и дом Гизов дал монарха.

– Ее родовое имя не Гиз, а Стюарт, – напомнил ей грузный кардинал. – На трон ее возносит не французская, а шотландская кровь. – Он позволил себе склониться над ребенком и коснуться ее щеки. – Ну, что же вы намерены предпринять?

– Всеми силами сохранить для нее трон, – ответила Мария.

– Тогда вам придется остаться в Шотландии.

Он выпрямился и, подойдя к глубокому серебряному блюду со сладостями и орехами, взял один цукат и положил в рот.

– Я знаю, – раздраженно ответила Мария.

– И вы не собираетесь вернуться во Францию? – усмехнулся он, поддразнивая ее. – Сладости сделаны из севильских апельсинов, – заметил он. – Недавно я пробовал засахаренную апельсиновую кожуру из Индии, она намного слаще.

– Нет. Если бы не родилось это дитя или если бы я была бездетной вдовой, я, конечно, не осталась бы здесь. Но теперь у меня есть долг, от выполнения которого я не могу уклониться. – Поежившись, она добавила: – Если только не умру здесь от холода или не схвачу чахотку.

За окнами снова повалил снег. Она пересекла комнату и остановилась у большого камина, выложенного в виде арки, в котором по ее приказу постоянно поддерживали ярко пылающий огонь. Несмотря на свирепствовавший по всей Шотландии холод, в комнате ребенка всегда должно быть тепло.

– О, Дэвид, – ее улыбка внезапно угасла, – что теперь будет с Шотландией? Эта битва...

– Если англичане одержат верх, Шотландия станет частью Англии. Они любыми путями постараются захватить ее, и скорее всего – с помощью брачных уз. Победив в битве при Солуэй-Мосс и захватив в плен тысячи знатных вельмож, они теперь станут диктовать свои условия. Возможно, они вынудят вашу дочь выйти замуж за принца Эдуарда.

– Никогда! Я не допущу этого! – воскликнула Мария.

– Но она должна будет выйти за кого-то замуж. Именно это имел в виду король, сказав: «И с женщиной корона будет утрачена». Мария выйдет замуж, и корона перейдет к ее му-

жу, а подходящего французского принца нет. У наследников французского короля Франциска – Генриха Валуа и Екатерины Медичи – нет детей. Если маленькая Мария попытается выйти замуж за одного из своих подданных, за шотландца, все остальные восстанут из ревности. Так что, за кого же, кроме англичанина?

– Только не за английского принца, – повторила Мария. – Не за английского принца! Они же все еретики!

– А что вы намерены делать с незаконнорожденными детьми короля? – тихо спросил кардинал.

– Я соберу их всех вместе и буду воспитывать здесь, во дворце.

– Вы сошли с ума. Уж лучше собрать всех их вместе и избавиться от них.

– Как султан? – Мария не удержалась от усмешки. – Нет, это не по-христиански. Я возьму их к себе и буду к ним милосердна.

– И будете их воспитывать вместе с собственной дочерью, законной королевой? Вот как раз это не по-христиански, это – пренебрежение к своему долгу. Вы сами потом увидите пагубные последствия своей ненужной доброты. Будьте осторожны, не пригрейте на своей груди змей, которые потом ужалят ее, когда вас не станет. – Гладкое, толстое лицо кардинала выражало искреннюю тревогу. – А сколько их там?

– О, я полагаю, девять или около этого. – Она засмеялась и сразу почувствовала себя виноватой.

«Мне следовало бы печалиться из-за неверности короля, – подумала она. – Но я не испытываю печали. Почему? Должно быть, я не любила его. Иначе я накинулась бы на этих женщин и выцарапала бы им глаза».

– Это все мальчики, и только одна-единственная девочка, Джин. Его любимец – мальчик, которого зовут так же, как короля. Джеймс Стюарт. Ему девять лет, и живет он с матерью в замке Лохливен. Говорят, он умен, – сказала Мария.

– Я не сомневаюсь в этом. Королевские бастарды – всегда самые умные дети. И они всегда питают слишком большие надежды. Отдайте его церкви, и пусть он там и останется, если вам дорога безопасность королевы-малютки.

– Нет, лучше всего взять его во дворец, и пусть он научится любить свою сестру.

– Его сводную сестру.

– Господи, как же вы упрямы. Я ценю ваши предостережения и не буду спускать с детей глаз.

– А как быть с нашей знатью? Ведь вы никому из них не доверяете, не так ли?

– О да, я доверяю только тем, кто женат на девушках, приехавших вместе со мной из Франции: лорду Джорджу Сетону, женатому на моей фрейлине Марии Пьери; лорду Роберту Битону, женатому на Джоан де Рейнвей; лорду Александру Ливингстону, женатому на Иоанне де Педфер.

– Но в этом списке нет самых знатных.

– Нет.

В этот момент заплакала королева-малютка, мать склонилась над ней и взяла ее на руки. Малюсенький ротик сморщился и задрожал, а большие глаза наполнились слезами.

– Опять голодная, – сказала Мария, – я позову кормилицу.

– Она такая красавица, – заметил кардинал, – трудно представить себе, что кто-то может пожелать ей зла. – Он пощекотал щечку ребенка: – Поздравляю вас, ваше величество.

«Все люди сокрушались о том, что в королевстве не было наследника мужского пола», – медленно, предаваясь раздумьям, писал молодой священник Джон Нокс.

Опустив перо в чернильницу, он устремил взгляд на распятие, висевшее у него над столом, и, глядя на крест безмолвно, с мольбой вопрошал: «О, почему Ты не позаботился об этом? Почему лишил Шотландию своей милости?»

Глава 2

Сентябрьская погода куролесила весь день. Сначала был ливень с резким порывистым ветром, особенно сильным у замка Стирлинг, на высоте двухсот пятидесяти футов. Затем облака развеялись, уходя на восток, к Эдинбургу. Открылось пронзительное яркое голубое небо, вызывавшее в душе ощущение чистоты. Потом снова начали наползать черные тучи. Пока еще светило солнце, Мария де Гиз любовалась радугой, повисшей вдали над уплывающими грозowymi облаками, которые уносили с собой стелившуюся до самой земли завесу тумана.

Не знамение ли это? Тревога королевы-матери была в этот день вполне оправданной – сегодня состоялась коронация дочери.

Церемония готовилась в спешке, и это был акт смело-го, открытого неповиновения Англии, который тем не менее был поддержан всеми шотландцами, возмущенными издевками и заносчивостью Генриха VIII. Его самодовольные требования и вздорные угрозы, которые можно купить или продать; его убежденность в том, что вся полнота власти принадлежит ему и поэтому он должен повелевать, – все это побуждало шотландцев к тому, что они должны и будут сопротивляться до конца.

Первое, что следовало сделать, – это воспрепятствовать

обручению Марии с Эдуардом и ее переезду в Англию, что было одним из условий обручения. Встретив отпор, Генрих решил оставить ее в Шотландии, но отдать на воспитание в английскую семью, лишив ее общения с матерью. Он был полон решимости изолировать ее от шотландцев и воспитать в английском, а не шотландском духе, считая, что тогда ей будет легче в будущем предавать интересы своей родины.

«Верные» Генриху шотландские лорды – те, кто попал в плен к англичанам в битве при Солуэй-Мосс, – при первой же открывшейся возможности отказались следовать английской политике. Теперь готовился следующий акт неповиновения Англии: сегодня в полдень состоится коронация Марии и она станет королевой Шотландии, что будет означать: Шотландия – независимая страна со своим собственным сувереном, даже если он – всего лишь дитя девяти месяцев от роду.

День выбран весьма неудачно, думала королева-мать: девятое сентября – годовщина ужасной битвы с англичанами при Флоддене, в которой ровно тридцать лет назад погиб дед Марии, зарубленный англичанами.

И все же в этом вызове был какой-то особо волнующий смысл: он брошен не только Генриху, но как бы и самой судьбе.

Она еще раз бросила взгляд на темнеющее небо и поспешила вернуться в замок. Теперь ей было не до любования произведениями искусства французских мастеров, по жела-

нию ее покойного супруга украшавшими серым каменный дворец, или причудливыми статуями, установленными вдоль его фасада. Одна из них изображала саму Марию, и теперь она как бы взирала на свою живую модель, торопливым шагом направлявшуюся в замок.

Ее дочь, облаченная в тяжелое королевское одеяние в миниатюре, уже была готова к церемонии. Малиновая бархатная мантия со шлейфом, отороченным мехом горноста, была застегнута на тоненькой шейке Марии. На инфанте, которая еще не ходила и могла лишь сидеть, было надето украшенное драгоценными камнями атласное платье с длинными, свисающими рукавами. Мать пригладила ей волосы – скоро ее головку увенчает корона – и беззвучно молилась за нее, а затем торжественно передала ее в руки Александра Ливингстона, ее лорда-опекуна. Во время торжественной церемонии он должен был нести дитя к королевской часовне. Едва они вышли из дворца, королева-мать увидела, что солнце скрылось и небо почернело. Но дождь еще не пошел, и девочку в ее церемониальном наряде в сопровождении эскорта из придворных доставили в часовню сухой.

Людей в часовне было немного. Английский посол Ралф Седлер, усмотревший в акте коронации крах планов своего повелителя, стоял мрачный, мысленно проклиная церемонию и ее участников. Французский посол д'Уазель вообще чувствовал себя крайне неудобно, ибо его присутствие могло быть истолковано как согласие с происходившим. Но

король Франции должен получить подробную информацию, иначе он строго накажет своего посла за неосведомленность. Другие лорды-опекуны, ответственные за королеву-малютку, выстроились в длинный ряд. Кардинал Битон стоял в ожидании, когда сможет начать церемонию.

Сама коронация не была столь пышной или хотя бы обстоятельной, какой она была бы в подобном случае в Англии. Шотландцы готовы были смириться с этим. Лорд Ливингстон просто вынес Марию вперед, к алтарю, осторожно посадил ее на трон и встал рядом, поддерживая, чтобы не дать ребенку сползти вниз.

Кардинал Битон быстро положил рядом с ней текст Королевской присяги, которую произнес за нее ее лорд-опекун; его устами она поклялась оберегать и направлять Шотландию, быть ее истинной королевой во имя Всемогущего Бога, как Его избранница. Затем он быстро расстегнул ее громоздкие одеяния и приступил к ритуалу помазания, окропив святым елеем ее спину, грудь и ладони. Как только холодный воздух коснулся Марии, она начала плакать.

Кардинал остановился. Конечно, ведь это всего лишь ребенок, который плачет, как и все малютки, ни с того ни с сего и совершенно безутешно. Но в тишине каменной часовни, где в атмосфере тайной и мятежной по своему смыслу церемонии нервы у всех были и так напряжены до предела, этот плач звучал ошеломляюще. Дитя кричало, будто охваченное ужасом перед вечными муками, на которые обречен человек

при своем грехопадении.

– Тсс, тсс... – шептал кардинал, но королева-малютка не успокаивалась и продолжала кричать до тех пор, пока граф Леннокс не внес серебряный с позолотой скипетр, украшенный хрусталем и шотландским жемчугом. Когда он поднес его к ручке девочки, она вцепилась в него своими пухленькими, в ямочках пальчиками и смолкла.

Затем граф Аргайл внес позолоченный и богато украшенный меч, и кардинал совершил традиционный ритуал: обнес трехфутовый меч вокруг Марии, как бы опоясывая ребенка.

Затем появился граф Арранский с тяжелой золотой короной, усыпанной великолепными драгоценными камнями. Кардинал осторожно опустил ее на бархатную прокладку, возложенную на головку девочки. Глазки Марии выглядывали из-под короны, свидетельницы всех печалей и горестей ее предков. Кардинал поддерживал корону, а граф Ливингстон выпрямил спинку сидевшей на троне девочки. В знак вассальной верности первым поцеловали ее в щечку граф Леннокс и граф Арран. За ними последовали остальные приближенные вельможи. Опустившись на колени и возложив руки на корону, они клялись королеве в верности.

Глава 3

Генрих VIII дал волю своему бешеному нраву. Он послал армию штурмовать замок Стерлинг, захватить Марию, сжечь и уничтожить все вокруг. Он повелел заколоть мечами мужчин, женщин и детей, Эдинбург разрушить, Холируд – стереть с лица земли, пограничные аббатства уничтожить, а собранный урожай предать огню. Английские солдаты на всем протяжении своего пути в Эдинбург рубили и убивали всех подряд. Спустившись к Кенонгейту, они подошли к аббатству Холируд и вошли в храм.

В поисках могил Стюартов они наткнулись в храме, рядом с алтарем на большое огороженное место с надгробиями, ворвались туда и разгромили королевские склепы. Могила отца Марии была вскрыта, его гроб извлечен наружу. Надругавшись над останками, они бросили гроб в одном из притворов церкви.

Шотландия заливалась слезами и стенала. Она была ранена и исходила криком, но некому было услышать ее и помочь ей. Горы трупов источали зловоние, дети засыпали голодными; о них заботились лишь немногие выжившие родственники. Чадили и дымили обращенные в прах улицы Эдинбурга. Шотландцы, взирая на разрушенные аббатства, покидали церкви, и им оставалось лишь каким-то иным путем искать помощи Всевышнего. Вопреки запрету на всякую про-

тестантскую литературу, в Шотландии тайком провозили переводы протестантских священных книг, и среди них – перевод Священного Писания Уильяма Тайндейла и даже копии Великой Английской Библии 1539 года. Там, где проповедникам-еретикам не удавалось укрыться от преследований, Библию можно было надежно спрятать; там, где, казалось, глас Божий перестал доходить до людей через прежнюю, Римскую церковь, Всевышний начал являть Свое Слово непосредственно через Священное Писание. Повсюду в стране появились проповедники, обученные в Женеве, Голландии и Германии. Шотландцы слушали их и в словах Всевышнего, протянувшего им руку помощи, которой они так жаждали, находили утешение.

В замке Стерлинг королева-мать и ее дочь были в безопасности. Старинный дворец, расположенный на высившейся над равниной скале, был неприступной для англичан крепостью. За ее стенами Мария де Гиз создала для дочери свой мирок, окружив ее детворой, воспитателями и любимыми прирученными животными. Это был особый мир, вознесенный высоко над долиной форт, откуда хорошо были видны и Стерлинг-Бридж, и проход к Нагорью, где можно было надежно укрыться от угрозы любых иноземных врагов. Обитатели замка лишь изредка покидали его, отправляясь на соколиную охоту или на прогулку, чтобы полюбоваться окрестностями; однако экскурсии эти были непродолжительными, и их участники спешили поскорее вернуться за прочные кре-

постные стены.

Обледенелые холмы, окружавшие дворец с противоположной стороны, часто окутывали туманы и пронизывали воюющие ветры. Лишь иногда дети отправлялись туда покататься на санках, которыми служили коровьи черепа. Были у них и маленькие лохматые пони. Мария и ее ближайшие подружки – тоже Марии, ибо все они носили ее имя и это было так весело, – обучались верховой езде. Перед взором детей открывались узкие зеленые долины, заросшие мхом и вереском, а над всем этим – огромный небосвод, по которому проплывали причудливой формы облака.

Наверху, в покоях короля, была ныне пустовавшая комната, потолок которой украшали деревянные барельефы в медальонах. Маленькая Мария забежала в эту комнату, и в слабом свете, едва проникавшем через закрытые жалюзи, она замороженными глазами разглядывала вырезанные из дерева головы. Руки одной из мужских фигур так цепко держались за края медальона, что казалось, будто фигура вот-вот вылезет из медальона в реальный мир. Однако фигура эта оставалась неподвижной и так и осталась навечно у края неведомого ей мира, в который войти не могла и лишь только взирала на него с потолка.

Матери не нравились эти ее посещения. Обычно она отыскивала ее там и приводила обратно в покои королевы, где дочь жила и училась. Там были камин, мягкие подушки и всегда людно.

Иногда в памяти Марии всплывали туманные образы раннего детства, и она вспоминала своих сводных сестер и братьев. Ее мать с ее странным пристрастием к благотворительности – или это была хитрая политика? – собрала четверых из незаконнорожденных отпрысков мужа и привезла их в замок Стерлинг. Мария любила их всех, ей нравилось быть в большой семье; и, поскольку мать не считала оскорбительным их происхождение, она относилась к ним столь же терпимо.

Джеймс Стюарт был суровым и мрачным, но, поскольку он был самым старшим из них, дети считали его суждения самыми умными и слушались его. Если он говорил, что в сумерках не следует ходить кататься на санках с горки, Мария знала, что он прав, и если она его не послушается, то, спустившись вниз, может оказаться совсем одна в полной темноте.

Еще до появления во дворце сводных братьев и сестер Марии мать уже создала для нее небольшую семью из четырех дочерей своих друзей, девочек, названных тем же именем: Мария Флеминг, Мария Битон, Мария Ливингстон и Мария Сетон.

Мария Флеминг была чисто шотландского происхождения, в ее жилах тоже текла кровь Стюартов, но с известной оговоркой: она была внучкой Якова IV. Ее мать, Джетен, унаследовала свойственные Стюартам достоинства: красоту и высокую духовность. Она и стала гувернанткой всех пяти

маленьких Марий. С самых ранних лет Мария Флеминг – по прозвищу Фламина – была единственной среди подружек Марии, которая могла поспорить с ней в смелости и озорстве.

Три другие Марии, хотя и носили шотландские фамилии и отцы их были шотландцами, родились от француженок, прибывших в страну вместе с Марией де Гиз. Королева-мать была рада, что их дети будут дружить с ее дочерью. Это давало ей возможность чувствовать себя в чужой стране и в этой крепости как дома. Хотя их матери говорили между собой по-французски, дети, похоже, не проявляли ни интереса, ни желанья к изучению французского языка, хотя, вероятно, понимали отдельные слова. Если матерям нужно было посеCRETничать о подарках или сюрпризах для детей, они могли спокойно говорить по-французски.

Чтобы отличать девочек друг от друга, Марию Ливингстон, атлетически сложенную крепышку, прозвали Ласти.

Высокую и сдержанную Марию Сетон называли по фамилии так же, как и высокую, милостивую и сонливую Марию Битон, ибо их фамилии легко рифмовались. За свой бурный нрав Мария Флеминг получила кличку Фламина. И только дочь Марии де Гиз всегда звали просто Марией.

Восемь младших детей устраивали возню, шумели, дрались, разбивались на враждующие группировки. Они возились с любыми ручными животными, гадали на картах, сплетничали друг о друге и тут же на следующий день кля-

лись друг другу в любви. Девятый, Джеймс Стюарт, верхово-
дил в этом маленьком кругу с присущей пятнадцатилетнему
подростку важностью. Находясь как бы между двух лагерей
– взрослых и детей, – он, однако, до конца не принадлежал
ни к одному из них, и обе стороны всегда старались совето-
ваться с ним по различным вопросам.

Марии было всего шесть месяцев, когда ее привезли в
Стерлинг, и вся ее жизнь проходила в стенах этой построен-
ной на вершине скалы крепости. Здесь она была коронова-
на, сделала первые в жизни шаги, здесь, в передней покоев
королевы воспитатели преподали ей первые уроки. Когда ей
исполнилось три года, ей подарили привезенного с островов
крайнего севера Шотландии маленького пони. И здесь же ее
обучали верховой езде. Ласти пристрастилась к езде на по-
ни столь же быстро, как и Мария. А Сетон и Битон предпо-
читали оставаться дома и проводить время более спокойно.
Фламина вполне сносно справлялась с верховой ездой, но ей
больше нравилось играть с детьми.

Перед Джеймсом Мария буквально преклонялась и охот-
но следовала за ним повсюду. Когда она была совсем малень-
кой, она льнула к нему и докучала требованиями играть с
ней. Повзрослев, Мария поняла, что ему не нравится, когда
к нему пристают или прикасаются, и что такое обращение с
ним приводит к обратному результату. Если она хотела, что-
бы он обратил на нее внимание, ей следовало болтать с дру-
гими и не смотреть в его сторону и таким образом пробуж-

дать его любопытство.

Однажды, когда ей было около четырех лет, она удрала с верхней площадки, где дети играли в мяч между часовней и Большим залом, прокралась в запретные покои короля. Там всегда были закрыты жалюзи и царила темнота, но ее тянуло туда. Огромные круглые медальоны на потолке придавали комнате таинственность, будто они хранили какой-то секрет. Ей представлялось, что если бы она заглянула в каждый уголок и как следует поискала, то обязательно нашла бы там своего отца. Он, должно быть, прятался, чтобы подшутить над ними. Подумать только, как счастлива была бы мать, если бы она, Мария, смогла вывести его отсюда.

Ее сердечко громко стучало, когда она быстро пересекла огромную комнату для стражи. Она сразу поняла, что там ничего нет. Комната была пуста, и королю спрятаться в ней было бы нигде. Следующая комната, для посетителей, тоже была пуста. Но около опочивальни короля было несколько небольших, незаметных для постороннего взгляда комнат. И вероятно, именно там и находился король, если только он вообще прятался.

Эти комнаты были самыми дальними, и там было очень темно. Она никогда прежде не отваживалась пройти туда. Однажды она дошла до двери опочивальни короля и, приоткрыв ее, увидела темный ход в другую комнату, но тут мужество покинуло ее и она повернула назад.

Сегодня она решила войти туда. Она почти желала, чтобы

с ней была Фламина, но знала, что ее отец не появится, если с ней будет кто-то еще. Она должна была пойти одна.

Но она знала также, что это только игра, что в действительности там его нет. Это было всего лишь испытанием ее смелости, которое она сама себе устроила. В полном мраке она крадучись шла к опочивальне. Ее глаза привыкли к темноте, и теперь она видела намного лучше. Достигнув двери спальни, она заглянула внутрь.

Там все еще стояла кровать, и даже сохранился полог над ней. Дрожа и почти теряя сознание от страха, она отважилась встать на четвереньки и заглянула под кровать, но там ничего не было, кроме пыли.

И вот теперь она должна это сделать: войти в смежную с опочивальней комнату. В полной темноте слышалось лишь ее собственное дыхание. У нее был соблазн повернуть назад; и все-таки она не поддавалась ему. Затаив дыхание, Мария рванулась в заветную комнату.

Там было ужасно темно, у нее появилось ощущение, что она здесь не одна, и это было очень неприятно. Она заставила себя обойти комнату по периметру, ощупывая стены, но на полпути испытала вдруг такой страх, что ей стало дурно. Начали дрожать колени, она опустилась на четвереньки и поползла к двери.

Она оказалась в еще более темном помещении. Вероятно, в комнате было две двери, а возможно, и три. Как она выберется отсюда? Ее охватил ужас, она растерялась. Свер-

нувшись на полу калачиком, она дрожала от сознания своей беспомощности.

И вдруг она услышала шум. Привидение! Привидение ее отца! Он шел на свидание с ней. Внезапно у нее пропало всякое желание видеть его. В конце концов, ей вовсе не хотелось встречаться с привидением.

– В чем дело, Мария? – услышала она спокойный голос. – Ты заблудилась?

– Да, я хочу вернуться обратно на площадку для игр, – ответила она, пытаясь придать голосу достойное звучание. Однако колени ее по-прежнему дрожали.

– Что ты здесь делаешь? – снова раздался голос, не обращающий внимания на ее просьбу.

– Я хотела осмотреть это помещение, – важно ответила она. Зачем рассказывать ему о привидении или о возможности его появления.

– А теперь ты заблудилась. – В голосе звучала насмешливая нотка или притворное сочувствие. – Какая жалость. – Наступила пауза. – Ты знаешь, где сейчас находишься?

– Не совсем.

– Я мог бы тебя вывести.

– Кто ты?

Она узнала голос; она была в этом уверена. Говоривший подошел к ней и взял ее за руку.

– Ты что, ведь я – Джеймс, твой брат, – сказал он.

– О, слава богу! Скорее пойдём отсюда!

– Я же сказал тебе, что могу тебя вывести. – В его голосе было что-то недосказанное. – И я сделал бы это с наибольшим удовольствием, но в обмен я хотел бы, чтобы ты для меня кое-что сделала.

– Что именно?

Это было очень странно. Почему он вел себя так необычно?

– Я хотел бы получить вознаграждение – ту самую миниатюру нашего отца, которую ты сейчас носишь.

Сегодня утром она приколотла эту брошь на лиф платья как талисман, который мог бы ей вызвать отца. Миниатюра нравилась ей, она считала ее самой дорогой памятью о нем. Ей нравилось изучать его лицо; продолговатый овал, тонкий нос и четко очерченные губы. Втайне она задавалась вопросом, похожа ли она на него и будет ли похожа, став взрослой. Она знала, что у нее нет ничего общего с матерью – ничего, кроме роста.

– Нет, – ответила она. – Выбери что-нибудь другое.

– А больше мне ничего не нужно.

– Я не могу отдать тебе эту миниатюру, она очень дорога мне.

– Тогда я ничем не могу помочь тебе. Сама ищи выход. – Он быстро отдернул руку и побежал к двери. Она слышала, как затихают его шаги, и вот она снова осталась одна в темноте.

– Джеймс! – позвала она. – Джеймс, вернись!

В соседней комнате раздался его смех.

– Джеймс, я приказываю тебе! – завопила она. – Иди сюда сейчас же! Я же королева!

Его смех оборвался, и через мгновение он снова появился около нее.

– Ты можешь приказать мне вернуться, – сказал он сердито, – но не можешь приказать мне вывести тебя отсюда, если я вдруг решу остаться здесь с тобой. Я притворюсь, будто тоже заблудился. Или ты даешь мне миниатюру и я выведу тебя, или мы будем сидеть здесь и считаться заблудившимися до тех пор, пока стража не найдет нас.

Мария раздумывала, губы ее дрожали. Наконец она сказала:

– Хорошо, бери миниатюру. – Она отказалась отстегнуть ее сама; пусть Джеймс уколется.

Он ловко отколол брошь; вероятно, долго присматривался к ней и хорошо знал, как ее отстегнуть в полной темноте, подумала она.

– Готово, – сказал он. – Ты забываешь, что он и мой отец. Я хочу, чтобы у меня было что-нибудь в память о нем, и обещаю, что буду бережно хранить эту вещь, как драгоценное сокровище.

– Прошу тебя, выведи меня отсюда, – промолвила она.

Утрата броши была для нее столь болезненной, что ей хотелось как можно скорее выбраться снова к солнцу; будто солнечный свет мог каким-то мистическим образом вернуть

ей эту брошь.

Она пыталась забыть о происшедшем, и через некоторое время ей почти удалось убедить себя, что брошь она просто потеряла в темных комнатах, оставив ее отцу в качестве подарка. Она обрадовалась, когда Джеймс уехал на несколько месяцев к матери в Лохливен. Ко времени его возвращения у нее уже прошла острота воспоминания о миниатюре.

Глава 4

По пустынному, чуть припорошенному снегом полю под резкими порывами ветра небольшая группа всадников продвигалась рысью от Лонгниддри к городку Хэддингтон, где Джордж Уишарт, презрев предостережения местного лорда Патрика Хепберна, графа Босуэлла, повинуюсь зову Всевышнего, намеревался вознести молитву Господу нашему.

Всадники все время были начеку и, прокладывая себе путь этим серым январским полднем, всматривались в любое подозрительное движение. Ведь это могли быть друзья – лорды, обещавшие встретить их здесь, а может быть, и враги.

Впереди группы скакал худой, прямо державшийся в седле всадник; его внимательный взгляд был устремлен на дорогу, а руки держали тяжелый двуручный меч. Это был молодой человек лет тридцати, приставленный воспитателем к двум юным сыновьям сэра Хью Дугласа из Лонгниддри и служивший к тому же в округе общественным нотариусом. Его звали Джон Нокс; он уже больше не преклонял колени перед распятием Христа и не просил у Господа ответа на вопрос, почему тот лишил Шотландию своей милости. Ответ был найден и сформулирован словами Джорджа Уишарта: «Это Шотландия покинула Бога, сбита с пути истинного „сворой папистов“». Нокс отказался от сана священника и принял реформатскую веру. Это было весьма опасное ре-

шение.

За стенами замка Стерлинг, где пребывала королева, равно как и за стенами столь же надежного замка Сент-Эндрюс, в котором обитал кардинал Битон, реформисты сновали из дома в дом, тайно принося с собой Библию с ее запрещенными законом духовными идеями. Хоронясь от бдительного ока королевы и кардинала, они обращали в свою веру всех тех, кто, быть может, и не испытывал «голода и жажды познания праведности», но по меньшей мере хотел попытаться найти новые пути к Богу. Это желание витало тогда в воздухе во всем христианском мире, подобно завлекающим песням сирен: приди и испей из этого источника. И люди откликались на зов, ибо их всегда влечет к запретному; некоторые действительно жаждали познать путь истинный, другие делали это из любопытства, а третьи – из побуждений бунтарского духа и отваги. Троянским конем Генриха VIII были вовсе не подкупленные и запуганные шотландские дворяне, которых он послал на север, а реформисты, выполнявшие свою миссию по зову сердца.

Джордж Уишарт, ушедший с головой в познание привнесенной из Европы протестантской теологии, учил и проповедовал столь смело, что кардинал, подобно охотничьей собаке, натасканной на след бобра, буквально наострил уши, пытался его выследить. Уишарт же продолжал открыто выступать с проповедями перед большими скоплениями верующих и пока успешно ускользал от кардинала. И вот те-

перь он направлялся в местечко, расположенное недалеко от Эдинбурга, не вняв предупреждению преданного ему лица о том, что королева и ее приверженец граф Босуэлл хотят схватить его.

Сторонники Уишарта упрасивали его хотя бы столь открыто не появляться на публике.

– Так что же, неужели я должен прятаться, подобно джентльмену, стыдящемуся своего дела? – отвечал миссионер. – И я осмеливаюсь проповедовать, если другие осмеливаются меня слушать.

И вот теперь, пересекая Лотианскую долину, всадники направлялись к месту встречи со своими сторонниками в Западной Шотландии. Ради этого они покинули безопасное место Файф, большинство жителей которого уже приняли протестантскую веру.

Джон Нокс поднял воротник грубошерстного пальто и пристально оглядел окрестности. Если, не дай бог, вдруг появится какой-нибудь враг, он тотчас же сразит его, и он еще сильнее сжал рукоять своего меча.

«Вообще лица духовного звания не должны носить оружия. Но разве я все еще церковный священнослужитель? Нет, клянусь кровью Христа! Та комедия возведения меня в сан священника, в которой я участвовал по своему неведению, была ничто и даже хуже, чем ничто! Нет, пока меня не позовет сам Господь, я – не священник».

В Хэддингтоне, где была самая большая в округе церковь,

Уишарт прочитал две проповеди. Здесь послушать его явились очень немногие, хотя в других местах на его проповедях собирались тысячи горожан.

– Это дело рук графа Босуэлла, – сказал он во время вечерней малой трапезы в доме Джона Кокберна из Ормистона. – Он ведь из этой округи! Должно быть, он велел жителям держаться подальше, – молвил он, тщательно прожевывая кусок ржаного хлеба. Предварительно он благословил хлеб и возблагодарил Господа, после чего вкус хлеба стал совсем иным. – Что он собой представляет, этот Босуэлл? – Он оглядел сидевших за столом: Дугласа из Лонгниддри, Кокберна из Ормистона, землевладельца Бранстейна, Сэндилендса из Колдера. Уишарт был мало знаком с шотландскими хозяевами Лотианских земель.

– Мерзавец, – произнес Кокберн. – Человек, который предает всех. Его слово ничего не значит. И страшно амбициозен. Ради карьеры он готов продать и душу свою, и даже родную мать...

– Он уже продал свою жену, – заметил Бранстейн. – Он только что развелся с ней, прекрасной леди, урожденной Синклер, потому что надеялся втереться с доверием к самой королеве-матери.

– Он надеялся забраться к ней в постель, – грубо добавил Кокберн. – Законным образом, конечно.

– Вы имеете в виду, что он предполагал попытаться жениться на королеве-француженке? – спросил потрясенный

Уишарт.

– Да, он еще не отказался от этой затеи.

Джон Нокс раздумывал, стоит ли ему вступить в разговор. Он съел еще несколько кусков баранины в соусе, а потом сказал:

– Моя семья знала Хепбернов на протяжении нескольких поколений. Мы сражались под их знаменами во многих войнах. Это отважные люди и обычно лояльны. А вот Красавец-граф – какая-то аномалия! Но нельзя поэтому чернить всех остальных членов этой семьи. Один из его замков находится всего лишь в нескольких милях отсюда вниз по реке – замок Хэйлс-он-Тайн. Возможно, граф сейчас там.

– Он... предан вере? – спросил Уишарт.

Нокс не удержался от смеха:

– Единственный алтарь, на который он молится, – это его зеркало.

За окнами опустилась тьма, поднялся ветер. Присутствующим все более становилось не по себе, хотя они старались скрыть это. Обычно, будь это другая компания, каждый из них справился бы со своим беспокойством, выпив еще несколько бокалов вина. Теперь же они лишь перемигивались и ждали. Наконец Уишарт встал и сказал:

– Давайте почитаем Священное Писание и помолимся.

Они собрались в другом конце комнаты, у камина, где теплился слабый огонь. Уишарт достал потрепанную книгу.

Он зачитал отрывок из восьмой главы о римлянах, и все

погрузились в молитву.

По окончании молитвы Дуглас сообщил Уишарту, что сегодня же вечером возвращается в Лонгниддри.

Уишарт улыбнулся; он знал, что именно там случится и что это даже к лучшему. Он повернулся к Ноксу со словами:

– Тогда тебе придется сопровождать своего господина.

Нокс запротестовал:

– Нет, я должен быть здесь, чтобы охранять вас! Я буду биться, как святой Петр в Гефсимании², и прославлюсь тем, что отрежу ухо стражнику преосвященника.

– Отдай мне меч, Джон, – приказал Уишарт.

С большой неохотой, но все же Нокс послушно отдал меч.

– А теперь возвращайся к своей пастве, да благословит тебя Бог. Для жертвоприношения достаточно и одного.

Наступила ночь, все уже спали, и только Уишарт продолжал сидеть в ожидании. С ним остался Кокберн; не мог же он улечься спать и оставить гостя одного – это было бы нарушением закона гостеприимства.

Кокберн приказал принести побольше дров для камина и подогретый эль для проповедника. Уишарт сидел, безмолвно созерцая огонь в камине. Наконец он заговорил.

– Бедная Шотландия, – молвил он. – Ей предстоят тяжелые роды: вызволение реформаторской веры из подполья на свет божий. Только вера может спасти ее.

– Но у них же на протяжении тысячелетий была какая-то

² Г е ф с и м а н и я (библ.) – сад в Иерусалиме.

вера.

– Совершенно очевидно, что она не в состоянии помочь им. Посмотри на Шотландию! Она вот-вот потеряет свою независимость! Англичане избивают ее снаружи, а внутри ею управляют французы. Королева-мать и ее союзник кардинал повсюду насажали на все посты одних французов. А маленькой королеве всего четыре года, и она пока просто кукла.

Кокберн натянул на плечи одеяло.

– Я не вижу, каким образом реформаторская вера сможет что-то изменить.

– О, она даст людям надежду – веру в то, что они избраны Богом. И как только в человеке возникает это ощущение, он уже больше не раб – ни англичан, ни французов, ни королевы. Тогда шотландцы поднимутся и станут хозяевами своей судьбы.

Раздался громкий стук в дверь. Кокберн вскочил, а Уишарт остался сидеть на месте. Хозяин поплелся открывать дверь и столкнулся лицом к лицу с самим Красавцем-графом Босуэллом.

– А, вот и Уишарт! – воскликнул граф, кивнув ему. – Рад нашей встрече, сэра.

За спиной графа Кокберн мог слышать и видеть большую группу мужчин, а с ними – юношу, еще не совсем взрослого, но уже и не мальчика.

– Вы должны сдаться мне, – сказал граф. – Пошли.

Уишарт поднялся, но не сдвинулся с места.

– У вас нет другого выхода, – сказал граф. – Дом окружен, и в миле отсюда, в замке Элфинстон, с отрядом солдат находится сам кардинал Битон. Но обещаю вам, что сам позабочусь о вашей безопасности и не отдам вас кардиналу.

Он бросил взгляд в сторону, где в этот момент приоткрылась дверь и в комнату вошел юноша.

– Мой сын, Джеймс. Ему всего одиннадцать лет, и ему очень интересно посмотреть на знаменитого Уишарта. Ну, сэр, вы готовы мирно сдаться?

Уишарт посмотрел на него долгим и печальным взглядом, потом взглянул на мальчика, который не спускал с него глаз.

– Для меня большая честь, что вы пришли повидаться со мной, – сказал он и снова взглянул на графа. – Даете ли вы мне слово чести, что не сдадите меня кардиналу?

– Слово чести! – воскликнул граф.

Граф отвез Уишарта в замок Хэйлс и на следующий день сдал его кардиналу Битону.

Кроткий проповедник был допрошен и приговорен к смерти. Его повесили и затем сожгли на глазах у кардинала, наблюдавшего за действием с крепостного вала замка Сент-Эндрюс, восседая на мягких подушках.

Палач по традиции попросил прощения у своей жертвы, Уишарт наклонился и поцеловал его в щеку. Затерявшись среди толпы, Нокс мог видеть легкую улыбку, игравшую на губах неподвижно сидевшего кардинала.

По сигналу элегантно одетого кардинала исполнители казни подождгли вязанки хвороста под осевшим телом Уишарта, привязанного веревками к столбу. Как только хворост затрещал и пламя разгорелось, палачи прыгнули с эшафота. Нокс видел, как взвившийся столб пламени поглотил тело Уишарта, казалось, будто тело жертвы дергается и извивается в раскаленном мареве. Кожа почернела и начала сползать, как шелуха; глаза вылезли из орбит и сочились. Ноксу казалось, что ореол пламени вокруг охваченных огнем волос и бороды – это нимб святого. Затем порывы ветра разнесли омерзительный едкий запах паленого и зажаренного человеческого мяса.

Нокс заметил, как кардинал поднес к носу кружевной платок. Но он, Нокс, полной грудью вдыхал запах пепла от своего друга, наполняя легкие дымным воздухом, как бы отдавая тем самым ему последние почести и проникаясь его духом. Вот теперь он знал, что Господь позвал его!

Глава 5

Кардинал повернулся на кровати и растянулся на шелковых простынях. Было великолепное майское утро, и по танцующим на потолке спальни отблескам океана он мог угадать настроение моря. Оно было шаловливым и приветливым, совсем как у спавшей рядом его любовницы Марион Огилви. Ее густые черные волосы были подобны облакам забвения. Забвение: именно это она помогла найти ему этой ночью. Но утром, увы, ему пришлось возвратиться в мир людей, и он уже не нуждался в забвении.

Стук в дверь удивил его. Сколько же сейчас времени? Судя по солнцу, подумал он, еще очень рано. А не проспал ли он?

– Минутку, пожалуйста, – сказал он, натягивая шелковый халат.

Марион что-то пробормотала и зашевелилась, открывая глаза. Кардинал поднялся с постели и направился к двери, в которую продолжали стучать.

– Я вас прекрасно слышу, – добавил он. Кто бы это ни стучал, он был груб и невоспитан.

Он открыл дверь и увидел перед собой толпу простолюдинов с кинжалами, вернее – убийц в одежде простолюдинов. Они кинулись вперед. Он попытался захлопнуть дверь, но они снова широко распахнули ее и ворвались в комнату.

Марион завизжала, когда один из них схватил кардинала за шею, а другой занес над ним нож.

– Раскайся в своей прежней грешной жизни, – прошипел человек с кинжалом. – Бог послал нас наказать тебя! Клянись, что не ненависть к твоей мерзкой персоне, не желание овладеть твоими богатствами, не страх преследования побуждают меня убить тебя. Я поступаю так только потому, что ты – заклятый враг Иисуса Христа и его Истинного Учения.

– Я – священнослужитель! – воскликнул кардинал. – Я – священнослужитель! Ты не можешь убить слугу Господня!

Кинжалы вонзились в его мягкое, белое тело, ничем не защищенное, кроме одеяния из легкого шелка.

– Раскайся в убийстве Уишарта, – были последние услышанные им слова.

Солнце было еще не полпути к полуденному зениту, когда собравшиеся у замка Сент-Эндрюс увидели жуткое зрелище: на том же самом месте, откуда два месяца назад кардинал наблюдал сожжение Уишарта, висел подвешенный за руку и за ногу сам кардинал с засунутым в рот членом.

Под майским солнцем Мария и две другие Марии – Ливингстон и Флеминг – ждали, когда конюхи выведут их пони. Сегодня им предстояло объехать на своих маленьких лошадках раскинувшийся внизу, у стен замка Стерлинг, парк Кингс-Нот. Засаженный декоративными кустами, розами и фруктовыми деревьями, он поднимался террасами, подобно рукотворной горе. У основания горы пролегала великолеп-

ная тропа для верховой езды, и королевские садовники, пока еще не начавшие обрезать кусты и деревья и удобрять почву, не возражали против верховой прогулки детей.

Мария решила устроить состязание. Она любила быструю езду. Прильнув к миниатюрной шотландской лошадке, она представляла себе, что летит, будто птица, только ей очень редко предоставлялась возможность мчаться так быстро, как ей хотелось бы, особенно на ее любимом пони Джуно. Иногда ей разрешали выехать за стены замка. Это случалось, когда мать и кардинал брали ее с собой на соколиную охоту с ее собственной птицей по имени Раффлс. Она всегда любила эти прогулки по лесистой местности.

Ожидая под теплыми лучами солнца выезда, она объявила Марии Ливингстон о предстоящем состязании. Ласти, тряхнув волосами, выразила огромную радость и сказала, что не собирается проигрывать. Но это должно быть настоящее, подчеркнула она, а не притворное соревнование.

Привели пони, и три девочки кинулись седлать своих любимцев. Это были совсем небольшие жавшиеся друг к другу животные, высотой не более ярда, с грубой густой шерстью и небольшими широкими мордами. Их отловили на северных островах и доставили сюда морем. Их приручением долго и любовно занимались конюхи. Теперь пони были ласковыми и слушались своих юных наездниц, совсем забыв о том, что когда-то были дикими.

Мария первой вскочила в седло и поскакала, но Ласти от

нее почти не отставала.

– Быстрее, быстрее, – шептала Мария на ухо Джуно, прильнув к шее лошади, которая перешла с рыси на легкий галоп.

Небо было ярко-голубым и почти безоблачным. Воздух пронизывал острый, чистый аромат весны, разносимый ветром с просторов севера. Это был смешанный аромат талого снега, прогревающейся земли и тонкого запаха тысячи дикорастущих цветов, только-только начинавших распускаться на травяных коврах в узких долинах.

– А ну, дай дорогу! – крикнула Ласти, обходя Марию на своем черном Синдерсе.

– Быстрее! – приказала Мария Джуно, который был быстрее Синдерса, но не так охотно слушался команды. Однако сейчас пони послушался; и Мария стала нагонять Ласти.

Неожиданно в той стороне, где не было никаких охотников, послышался звук рога. От замка к ним на большой скорости скакал конюх.

– Стойте! – крикнул он и снова затрубил в рог. – По приказу ее высочества королевы-матери вы должны вернуться во дворец! – объявил он девочкам.

Мария рассердилась, а Ласти – еще больше. Скачки были сорваны. Они взглянули друг на друга, горя желанием не послушаться и ускакать. Но они знали, что им не оторваться от конюха и настоящей лошади, поэтому им пришлось по-

следовать за ним в замок. Фламина уже спешила и ожидала остальных, чтобы подняться наверх по крутым ступеням всем вместе.

Три девочки устало тащились по этим казавшимся бесконечными ступеням, чтобы добраться до ворот замка.

Королева-мать взволнованно ходила в ожидании, едва сдерживая дрожание рук.

«Только бы не показать им моего страха, – говорила она себе. – Если они здесь в безопасности, незачем их тревожить. Кажется, они идут? О, благодаренье Господу», – вздохнула она с облегчением, увидев девочек, входящих в ворота.

– Мое сокровище, моя радость! – Она кинулась к Марии и с рыданиями обняла ее, обливая слезами волосы девочки.

Мария, стиснутая в крепких объятиях, едва могла дышать. Мать не отпускала ее, и слова ее были загадочны для маленькой девочки: «Они ни перед чем не остановятся... они хуже, чем звери... против Бога и церкви... злые люди...»

Леди Флеминг, мать Фламины и гувернантка детей, подошла успокоить королеву и забрать девочку.

– Я сейчас открыла один сундук, там есть платья времен Якова IV, – сказала она. – И головные уборы с золотым шитьем. Все это находится в маленькой комнате около спальни королевы. Примерьте их и посмотрите, кто из вас больше всего похож на свою бабушку.

Она весело махнула рукой, и девочки стремглав умчались.

– Ну вот, – обратилась она к королеве-матери, взяв ее за

руку, – теперь мы по крайней мере знаем, что они в безопасности.

Мария де Гиз вся дрожала, несмотря на тепло солнечных лучей, содрогаясь от страха:

– Бедная малютка Битон; они убили кардинала, ее родственника! Боже, как же я теперь скажу ей об этом? Но если не я, то ведь скажут другие. О, Дженет, – обернулась она к леди Флеминг, – они убили его и повесили, как скотину; я боюсь! – Слова застревали у нее в горле. – Теперь очередь за нами.

– Нет, нет! – воскликнула Флеминг. – Этого не будет, они не смогут. Стерлинг – самая надежная крепость в Шотландии; именно поэтому вы ее и выбрали.

– Но ведь считалось, что Сент-Эндрюс тоже надежна. Кардинал укреплял ее день и ночь, там трудились строители. И все же... все же они проникли в замок, – содрогнулась она.

Леди Флеминг гордо подняла голову.

– Да, но он создавал эти укрепления против англичан. Он и не думал прятаться от соотечественников. А они вошли под видом рабочих. Кто они?

– Протестанты – радикальные еретики, мстящие за сожжение их лидера – Джорджа Уишарта.

– А, понятно. – Флеминг сделала жест рукой.

– Я напугана, Дженет, я очень боюсь. Кто бы мог подумать, что они способны на такую месть?

– Тогда просите помощи извне. Обратитесь к своим мо-

гучим родственникам во Франции. Ваш брат, герцог Франсуа, – замечательный воин и сможет убедить короля послать корабли и оружие.

Мария нервно улыбнулась:

– Увы, это не так. Король Франции очень болен; единственно, чем он сейчас озабочен, – это выбраться из болезни. До него сейчас не достучаться.

Стоя у крепостного вала, они смотрели на расстилавшуюся внизу долину. Их взору предстала манящая холмистая даль, убегавшая в гористый северо-восточный край, откуда все лето в долину прилетал прохладный бриз. Река струилась в своем ложе, подобно серебряной цепочке, уложенной в шкатулке на бархатной подушечке. Нигде никакого передвижения войск, все спокойно, но ведь эти фанатики и не приходят под видом войска.

Стоя под ветром на крепостном валу, Мария вдруг отчетливо осознала, насколько она одинока. Ее союзника и советчика больше нет. Кто теперь будет направлять ее в политике; кто будет защищать ее? Она старалась отогнать от себя представшее перед ее мысленным взором тело кардинала, повешенного на собственных простынях и раскачивавшегося на крепостном валу. Или жуткую картину того, во что, как говорят, они превратили его теперь, засолив, как говядину, в бочке и бросив ее в подвал.

Они отпустили Марион Огилви после того, как заставили ее сначала присутствовать при зверской расправе и казни

кардинала. Ею они не занимались: для этого они были слишком святы, эти лэрды³ – реформаторы из Файфа, прибывшие рано утром в замок на телеге под видом рабочих.

– Кто эти лэрды? – громко спросила Дженет.

– Говорят, что самих убийц было человек шестнадцать, – ответила Мария, которая расспросила гонца подробнее, чем это сделала потрясенная гувернантка, – но остальные тоже готовы присоединиться к ним. Они собираются завладеть этим замком.

– Завладеть? Зачем?

– Они называют себя кастильцами и послами в Англию за помощью.

– А... Теперь понятно. Все это часть агрессии Англии против Шотландии, которая никогда не прекращается. Англия полна решимости проглотить нас! С того самого момента, когда шотландцы отвергли брачный контракт, англичане пытаются вновь принудить нас к этому с помощью военной силы, – заключила леди Флеминг.

Болью отозвалась в сознании Марии мысль о том, что англичане теперь никогда не остановятся. А у Шотландии, если они именно так настроены, совсем нет сил, и она не сможет долго сопротивляться.

Этой ночью, когда Мария готовилась ко сну, – она знала, что не сможет уснуть, – она разрешила горничной расчесать свои длинные волосы. Ритмичные движения щетки от затыл-

³ Лэрд – помещик, владелец наследственного имения, участка земли.

ка по всей длине волос действовали успокаивающе и вызывали приятное пощипывание кожи. Огонь в камине и свечи отбрасывали на стену длинные прыгающие тени, которые скрывали очаровательные красочные изображения богов и богинь, рыцарей и дам на гобеленах, вывезенных из такой спокойной и безопасной страны, как Фландрия.

Все точно так же тьма и тени в Шотландии, думала она, уничтожают все, что служит опорой; ее мысли текли все более легко и свободно под мерные, ласкающие движения щетки. Эта страна на краю земли, где люди превращаются во что-то иное. Вся Шотландия подобна этому замку Стерлинг – древний и обгаренный кровью, лишь кое-где украшенный статуями, декором или такими достопримечательностями, как белые павлины, разгуливающие у дворца, вокруг бассейнов с рыбами. Сами по себе они ничего не значат и просто отвлекают взор от тонущих в туманной дали гор или от крадущихся в долине Форт врагов.

Добрая половина знати, продолжала размышлять Мария, похоже, увлекается колдовством. Говорят, что мать лорда Джеймса леди Дуглас – ведьма, которая использовала свои чары, чтобы привязать к себе короля. А назначенный парламентом один из личных охранников Марии – Патрик, третий лорд Рутвен, как утверждают, сам – колдун. Похоже, здесь и собрались все темные силы.

– Ну хватит, Мег, – обратилась Мария к горничной; щетка стала ее раздражать. – Теперь я буду отдыхать.

– Как пожелаете, мадам.

Мег принесла кружевной ночной чепец, который королева-мать всегда надевала перед сном, задернула полог. Лежа в постели, Мария продолжала размышлять: «Ведь и во Франции есть колдовство. Итальянка Екатерина Медичи, как говорили мне братья, советуется с колдунами и чародеями, с любимым, кто пообещал бы исцелить ее от бесплодия. Она готова иметь дело с самим сатаной, и, может быть, даже имеет – так как по прошествии десяти лет она и Генрих Валуа обрели наконец сына Франциска. Он родился через год после моей Марии и в самый неблагоприятный момент – во время затмения. Любой дурак знает, что это плохое знамение, худшее из всех возможных, ибо предвещает угасание этого человека (а что другое оно может предвещать?). Но они попытались придать этому иной смысл и создали для ребенка его геральдический знак с изображением Солнца и Луны и смелого девиза: „Между ними я родился“. После этого итальянка родила дочь, Елизавету, и снова забеременела. Дьявол соблюдает условия сделки, по-своему он – честная тварь. Так говорят те, кто имеет с ним дело».

Мария повернулась и устроилась поудобнее. Теперь она немного согрелась и сбросила тяжелое покрывало.

Говорили, что Франциск был болезненным ребенком, но, подрастая, он стал набирать силы. «Быть может, высшая точка затмения пришлась на самый момент его рождения и этим все ограничилось, – подумала она. – Возможно, он будет

жить, и это будет велением судьбы для моей Марии... О, если бы только кардинал мог мне помочь! О, Дэвид!»

Никто не мог слышать ее, и она горько плакала о своем единственном друге и единственном советчике.

Глава 6

Не прошло и полгода, как скончался Генрих VIII; английский трон был унаследован девятилетним Эдуардом, а вернее сказать, герцогом Сомерсетом, дядей мальчика и его опекуном. Смерть Генриха VIII несколько не ослабила «крутого сватовства», как шотландцы саркастически окрестили ожесточенные попытки англичан принудить Шотландию с помощью военной силы – убийств, поджогов и мародерства по всей стране – согласиться на брак маленькой Марии с Эдуардом, новым королем Англии.

Как только зима повернула к весне, вслед за Генрихом VIII сошел в могилу и французский король Франциск I. Теперь Францией правил его сын Генрих II, слабый, бездарный и еще больше, чем старый Франциск I, желавший ублажить могущественную семью Гиз; а ублажать Гизов безусловно означало защищать шотландцев от англичан.

Бунтовщики и убийцы кардинала Битона удерживали крепость Сент-Эндрюс несколько месяцев, тщетно надеясь на помощь англичан. За прочными стенами замка, где в темнице подземелья хранилось засоленное в бочке тело кардинала, убийцы то впадали в воинственный раж, то предавались покаянию. Некоторые отцы, стосковавшись по развлечениям и компании, приказали наставнику их детей привести мальчиков в замок. Наставник Джон Нокс подчинился приказу и на

Пасху прибыл в замок.

После некоторых колебаний он все-таки облачился в мантию священника и начал читать проповеди, совершать богослужения и вести полемику со своей «конгрегацией», конгрегацией в изгнании.

Тридцатитрехлетний школьный учитель, предавшись церковному красноречию подобно Иоанну Крестителю, громовым голосом провозглашал великое наказание для тех, кто не откажется от этой синагоги сатаны, вавилонской блудницы, Римской церкви с ее папой, носителем греха. Он доводил слушавших его до безумия религиозного экстаза.

Французы направили к замку военный отряд, и к концу июля 1547 года Сент-Эндрюс вынужден был сдаться.

Нокс, захваченный врагами, был отправлен на галеры французского флота, где в качестве гребца-каторжанина он присоединился к таким же непокорным заключенным.

Англичане, ошеломленные акцией французов и вторжением в Шотландию, перешли к решительным действиям. Поход в Шотландию возглавил сам регент Англии, двинувшийся через Нортумберленд со стороны побережья у Бервика.

Его армия насчитывала около восемнадцати тысяч человек, треть которых составляла кавалерия. Пехотинцы были вооружены мушкетами; имелась и артиллерия, а также сорок фургонов с военными запасами; совсем близко к берегу стояла мощная английская флотилия.

Шотландцы отовсюду стекались для защиты своей стра-

ны, и граф Арран располагал армией, вдвое превосходившей силы врага, – около тридцати шести тысяч лучников из северной и северо-западной нагорной части Шотландии. У них не было ни ружей, ни артиллерии, ни лошадей; вооружены они были лишь пиками и шли под белым знаменем с надписью на латыни: «Святая Церковь просит защиты у Христа».

Готовясь к сражению, граф Арран окопался в местечке Пинки-Клаф близ города Масселборо, милях в шести восточнее Эдинбурга. Он выстроил на небольшой возвышенной площадке в боевую линию четыре дивизиона; их сверкающие копья выглядели как четыре поля спелого ячменя. По описанию одного англичанина, свидетеля событий, ряды солдат были такими же тесными, как иголки у ежа. Ясно выделялись державшиеся вместе священнослужители в своих черных сутанах; их тонзуры⁴ воспринимались издали противником как шлемы.

Обе стороны знали, за что сражаются. Сам Сомерсет вышел вперед и предложил увести свои войска, если шотландцы согласятся разрешить Марии, когда наступит ее брачный возраст, самой выбрать мужа, а не решать за нее.

В ответ шотландцы бросились на врага, безрассудно покинув свою выгодную позицию. Английские корабли открыли по ним огонь и разметали лучников; их приканчивала налетевшая кавалерия, нанося смертельные удары по шее и рубя

⁴ Т о н з у р а – выбритая макушка – форма стрижки католических духовных лиц.

головы. Большинство погибших было ранено в голову, так как ниже всадники просто не могли достать мечом. Убито было десять тысяч шотландцев, и мертвые тела лежали так плотно, что на расстоянии казалось, будто на зеленом лугу пасется скот. Белое знамя с лозунгом было извлечено из-под груды тел священнослужителей, и вымазанный в грязи трофей был отправлен на юг, чтобы преподнести его королю Эдуарду VI в знак его победы.

Теперь даже толстые стены замка Стерлинг не могли защитить его обитателей от ужасов, царивших снаружи. Среди мертвых, лежащих повсюду в скользких кучах гниющих тел, был и лорд Флеминг – отец Марии Флеминг и муж леди Дженет Флеминг.

Эту весть в Стерлинг принес запыхавшийся гонец, и стоявшая во дворе у стены мужественная леди Флеминг тяжело опустилась на землю. Над ее головой безмятежно взирали на мир статуи богов – Меркурия, Юпитера, Сатурна. Французские скульпторы воздвигли их здесь, будто на этой земле могут привиться порядок и красота, подумала Мария, видя, как ее спутница и подруга пытается справиться с потрясением. Эти скульптуры поставили здесь по приказу ее мужа, умершего загадочной смертью и тоже преждевременно.

– Мужайся! – только и смогла тихо проговорить Мария. – Мужайся!

Леди Флеминг поднялась, держась рукой за стену.

– Я должна сказать дочери, я должна ей сказать, – повто-

ряла она и, спотыкаясь, побрела в детскую.

В ту ночь Мария Флеминг горько плакала в спальне, которую она делила со своими тезками. Они пытались утешить ее, но все это были рассказы о своих собственных потерях, тоже типично шотландских.

– Мой отец умер после битвы у Солуэй-Мосс, – сказала Мария.

– А дедушка был убит на поле боя во Флоддене, – всхлипывала Флеминг.

– Вся моя семья теперь погибла в битвах против англичан.

– Мой дедушка тоже умер во Флоддене, – добавила своим тихим, печальным голосом Мария Сетон.

– И мой тоже, – сказала Мария Ливингстон, жизнерадостной душе которой была ненавистна сама мысль об убийствах и крови.

– Мы все – сестры по несчастью, – заметила Мария, никогда прежде над этим не задумывавшаяся. Она знала о смерти своего деда и отца, но не знала о последовавшем позже осквернении их могил и тел. До сих пор ее жизнь была немного беспорядочной, но счастливой. В ее натуре жило стремление видеть во всем светлую, а не темную сторону бытия и бежать от теней, которые, казалось, так неотступно ее преследовали. Но печаль ее подруг – это было нечто иное, и здесь не могло быть и речи, чтобы уйти от этого.

Через несколько дней, в самую темную ночь, Мария проснулась от того, что в ее комнате тихо зажгли свечу. Ее

личная служанка Джин Синклер, совсем одетая, двигалась по комнате. Мария видела, как она собирает вещи и, поднимая свечу, заглядывает в темные углы. Что она там ищет?

Джин подошла к ней, под села на кровать и осторожно дотронулась до Марии.

– Ваше высочество, вам следует одеться, тепло одеться. Вы должны тайком уехать отсюда.

Мария приподнялась. Да ведь это просто мечта! Она знала, что не должна расспрашивать, куда поедет, раз это был секрет.

– Мы отправляемся одни? – прошептала она, вылезая из постели.

Миссис Синклер уже согревала перед камином одежду девочки.

– С вами отправляются мать, все четыре Марии и школьный учитель Скотт, а также стража, лорды Эрскин и Ливингстон. И больше никого.

– Мы удираем? – Мария начала натягивать на себя одежду из толстой шерсти, которую обычно надевала для верховой езды или игр на льду.

– Да, и чтобы никто никогда не смог нас найти!

– Мы там останемся навсегда и никогда больше сюда не вернемся?

– Все может быть.

– И мы никогда снова не увидим этот замок?

– Возможно.

Собираясь в путь, Мария заметалась по комнате, сердце ее сильно стучало.

Во дворе группу путников уже ждали люди с факелами. На них были плащи с капюшоном и прочная грубая обувь. В руках они держали лишь небольшие походные мешки. Взрослые разговаривали очень тихо, чтобы их не слышали жавшиеся друг к другу дети. Предстоящая полуночная прогулка вызвала у Фламины и Ласти радостное возбуждение, Сетон покорилась судьбе, а Битон сохраняла спокойствие и безмятежность. Мария же ощущала, как душа ее в предчувствии приключения обретает крылья. И хотя оно таило в себе опасность, она чувствовала себя заново рожденной.

Спускаясь по длинной лестнице вниз, в темноту, путники не рискнули зажечь факелы, ибо, как стало известно вечером, англичане находились всего в шести милях от замка. Внизу у лестницы их ожидали лошади, и девочек посадили в седла за спинами взрослых седоков, но ни один шотландский пони не мог бы бежать так быстро, как это требовалось от них сегодня ночью.

Итак, кавалькада во главе с главным конюхом тронулась в путь, растворившись в темноте безлунной ночи.

Было холодно, землю окутывал туман, и разрезавшие пелену тумана всадники оставляли за собой его белые клочья и завихрения. Мария плотно прижалась к спине лорда Джона Эрскина; Мария Ливингстон скакала в седле со своим отцом, Александром. Среди ночи Мария слышала в лесной ча-

щобе звуки животных; то были дикие олени и другие копытные. Она улавливала шум хлопающих крыльев потревоженных водоплавающих птиц. В подлеске возились ласки и горностаи. А один раз даже мурашки побежали у нее по спине, когда она услышала в темноте вой волчьей стаи. Все это казалось сном: и темнота, и тряска в седле, и незнакомые запахи и звуки, и это ощущение не покидало ее даже тогда, когда они вышли на берег озера, где их встретил лодочник. Светлеющее небо окрашивалось в молочный цвет, в висевшем над озером тумане, словно часовые, выстроились желтые камыши. Лодки уносили их на зеленый остров с белыми строениями, ярко выделявшимися в перламутровом свете утренней зари. Мария ступила на ковер мягкой, как губка, зеленой травы. Ее встречал высокий человек в сутане с капюшоном.

– Добро пожаловать, дитя мое, – сказал он, опускаясь на одно колено. – Добро пожаловать в Инчмахом.

Его верхняя одежда была черной, а капюшон был надвинут так низко, что Мария не могла рассмотреть его лицо. Но голос, успокаивающий и мягкий, казался таким же сновидением, нереальным, как и все остальное в эту магическую ночь и в этот ранний час. Вздохнув, она в изнеможении упала на руки настоятеля монастыря, убаюканная мирной тишиной.

Она проспала три четверти дня, и, когда проснулась, был уже вечер. Длинные, медового цвета лучи пробивались

сквозь окна в большой, очень просто убранной комнате. Отштукатуренные и без всяких украшений стены. Каменный пол. Кровать, на которой она лежала, была жесткой, а простыни из грубой ткани. Здесь стоял легкий, сладкий аромат жасмина.

До нее откуда-то доносились звуки пения. Мария поднялась – она спала в одежде – и медленно подошла к окну. Она увидела деревья, ярко-зеленую траву, водную гладь озера и совсем рядом – маленькую церковь. Звуки пения неслись оттуда. Казалось, что это звуки пения какого-то далекого хора, льющиеся с небес. Она склонилась над подоконником, мягкий ветерок коснулся ее волос. Так она лежала в полудреме, наслаждаясь солнцем и красотой парящих в воздухе голосов. Никогда прежде она не испытывала такого умиротворения.

Именно в этой позе и застал ее настоятель, вернувшись в свою комнату после церковной службы. Девочка спала на подоконнике с улыбкой на очаровательном овальном личике.

Как птичка в клетке, подумал он. Вот уж никогда не думал увидеть свою королеву здесь, в монастыре. Она – прелестное создание, о котором все слышали, но никто никогда не видел: они всегда прятали ее в Стерлинге.

Приор, брат Томас, наложил на себя епитимью, ибо «возрадовался злу», что было осуждено в Послании коринфянам: «Не ищи ее милости, не помышляй о зле, не возрадуйся несправедливости». Брат Томас не то чтобы действительно

радовался смерти Роберта Эрскина, мирянина, получившего в подарок от короля место настоятеля монастыря Инчмэхом, однако по меньшей мере был рад, что хотя бы на время вновь получил контроль над своим монастырем. Пинки-Клаф призвал юного Роберта. Его отец, страж юной королевы, прибывший с царственными особами, несомненно, назначит на место Роберта своего второго сына – Джона. А пока этого не произошло, делами монастыря снова правил брат Томас, и вполне по праву, размышлял он. Правителем монастыря должен быть монах, а не назначенный королем мирянин, который не знает даже названий богослужений. Предаваясь этим мыслям и даже одобряя их, он с тоской подумал: «О, мне следует подвергнуть себя еще большему наказанию».

Он тихонько коснулся плеча девочки, и она открыла свои глаза нежно-янтарного цвета с золотыми искорками.

– Добрый вечер, ваше величество, – обратился он к Марии.

Она непроизвольно потянулась.

– Я заснула, слушая самую чудесную музыку. Это было похоже на пение ангелов.

– Пели живущие здесь монахи. Видите, вон они гуляют в монастырском двореке? – спросил он, показывая на ярко-зеленую лужайку, со всех сторон окруженную изящной аркадой.

Там действительно двигались в пересекающихся друг с другом направлениях фигуры, одетые в черное и белое. По-

всюду были только три цвета – черный, белый и зеленый, создававшие изысканное сочетание движения и неподвижности. Даже камни монастырских стен были в тех же тонах: черные, белые и серые с оттенком зеленого мха.

– Они молятся Богу, – объяснил брат Томас. – Мы все собираемся в этой церкви на молебен восемь раз в день.

– Восемь раз! – воскликнула Мария.

– Да, да. Первый раз – в полночь. Это наше бдение.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем вы поднимаетесь молиться в полночь?

– Затем, что мы чувствуем себя ближе к Богу, когда все спят, а мы ожидаем рассвета.

Мария зевнула.

– Вы, должно быть, очень любите Бога, во всяком случае, больше, чем сон.

– Не всегда, но существует послушание, которое есть высшая форма любви. Просто такая форма любви иногда не столь приятна, как ее другие проявления.

Как, например, мистический союз или даже страдания, подумал он, почувствовав под грубой шерстяной одеждой рубцы от «дисциплинарных» побоев.

Послушание – невеселый, скучный вид любви, не то что чувство возлюбленных. Но Господь, видимо, предпочитает именно такой вид любви, как послушание, и это – не единственная из его странностей.

– Вы пропустите вашу главную трапезу, – обратился он к Марии. – Вы, должно быть, очень голодны. Я могу распорядиться, чтобы еду принесли прямо сюда – хлеб, суп, яйца...

– Не могу ли я есть вместе с монахами?

– Да, только не сейчас, я боюсь, что последняя трапеза была весьма скудная. Разве что положить на один зубок.

– Я хотела бы есть за одним столом с монахами.

В ее возрасте такие вещи – своего рода игра, новинка, подумал он. Монахи, «постный ужин» – все это становится одновременно и естественным явлением, и жертвой лишь с годами.

– Как вам будет угодно, – сказал он.

В тот вечер Мария заняла свое место за длинным столом в трапезной рядом с матерью и четырьмя Мариями. Она внимательно наблюдала, как монахи отламывают хлеб и едят суп, делая медленные и ритмичные движения. По сравнению с ними движения гостей, когда они подносили пищу ко рту или пили из деревянных кружек, казались резкими и неловкими.

Мария испытывала смущение за своих спутников и очень хотела есть так же, как монахи. Она посматривала на мать, которая с аппетитом жевала кусок хлеба. О чем она думала? Мария пыталась поймать ее взгляд, но королева-мать была целиком погружена в свои мысли.

«Здесь, на острове, мы в безопасности, – думала Мария де Гиз. – В этом месте англичане нас никогда не найдут. но

теперь я знаю, что Шотландия в одиночку не сможет выстоять: битва в Пинки-Клаф доказала это. С Шотландией, как с действительно независимой борющейся силой, покончено. Мы должны отдаться на милость Франции».

Мысль о таком унижительном пресмыкании была очень горька. Но если она хотела сохранить Шотландию для дочери...

Она посмотрела на Марию, сидящую рядом с подругами. Девочка пристально наблюдала за монахами, едва касаясь еды. Глазами она следила за каждым их движением: как они отламывают хлеб и опускают головы над тарелками с супом.

«Для нее все это – приключение, – подумала мать. – Ночной галоп, прибытие на остров, необходимость скрываться здесь у монахов... но для меня это не игра, это крайне серьезно. Мое сегодняшнее решение определит, есть ли у моей дочери будущее, как королевы Шотландии, и есть ли будущее у самой Шотландии.

Но я решила, мы сами отдадимся Франции. Жаль, что здесь нет кардинала, он мог бы поймать меня на слове — „мы“ и „сами“. Неужели я наконец становлюсь шотландкой? Он нашел бы это любопытным. Но если я должна выбирать нашего господина между Англией и Францией, я выберу Францию, мою родину, католическую страну, близкую мне по духу во всем, что важно и значимо. Моя дочь наполовину француженка... Все будет хорошо».

Она взяла свой серебряный кубок и выпила до дна фран-

цузское вино. Да, похоже, все хорошее имеет французское происхождение.

Франция... Она предалась воспоминаниям, и на ее лице появилось мечтательное выражение. Очаровательные осенние дни в семейном имении в Жуанвиле; на ветвях деревьев еще держатся пожелтевшие листья, пронизанные косыми лучами низко стоящего солнца: приятное шуршание опавших листьев, когда она наступала на них; свежий яблочный сидр, приготовленный из фруктов их сада; ранние утренние туманы, поднимающиеся в лесу во время охоты на дикого кабана...

Она считала свое решение правильным со всех точек зрения. Как странно: когда принимается абсолютно правильное решение, оно приходит так легко и беспрепятственно, преодолевая все преграды сознания; когда же решение бывало неправильным, оно пробивало себе дорогу с таким трудом, через такие тернии и преграды, что страшно изводило и раздражало.

Королева-мать внезапно почувствовала, как она отчаянно устала. «Теперь все уже позади, – думала она. – Позади. Я это сделала, я приняла решение. Осталось только известить об этом Францию. Но это уже не составит труда. Теперь я могу отдохнуть, я заслужила это».

Мать и дочь расположились в комнате настоятеля на верхнем этаже западного крыла монастыря. Брат Томас достал для королевских особ великолепные спальные принадлеж-

ности, а полы застелили коврами. Устав Ордена августинцев относительно менее строгий, и потому здесь держали такие вещи для почетных визитеров.

Глубокой ночью Мария внезапно проснулась, что было весьма необычным. Она тихо лежала, окостенев от напряжения, сдерживая дыхание, и ей казалось, что мать тоже затаила дыхание и что вся комната – это каменное, но наделенное разумом и чувствами создание, которое хоть и безмолвствует, но не спит. Она слышала, как на острове шелестели и вздыхали на ветру листья на деревьях, но в этом шелесте и вздохах не было ощущения одиночества, а скорее возникало чувство утешительного общения.

Потом она услышала какое-то шевеление, легкие шорохи, приглушенные шаги и характерные звуки, будто щеткой чистят одежду. Это монахи собирались на молебен.

За окнами царила непроглядная тьма. Мария сползла с постели и подошла к окну. Луны не было, но ярко светили звезды. На фоне темной сверкающей поверхности озера было хорошо видно, как трепещет и шевелится листва гигантских деревьев: в окнах церкви мерцал слабый свет.

Монахи собирались для ночной молитвы. Мария горячо, всем сердцем желала присоединиться к ним и вдруг поняла, что именно поэтому она пробудилась. Ощупью она нашла туфли и шерстяную мантию. Очень осторожно и медленно продвигаясь к двери и стараясь не споткнуться, она ухитрилась обойти кровать матери, не разбудив ее. Она осторожно

подняла деревянную щеколду и без скрипа открыла дверь: монахи содержали хозяйство в отличном порядке, считая эту обязанность частью служения Богу.

На лестнице, ведущей вниз, было холодно, и Мария плотно укуталась в мантию. Она спустилась по ступеням и побежала по мокрой траве к боковому входу в церковь. Здесь на двери запор также работал отлично, и она смогла беззвучно проникнуть в церковь, прокрасться в нишу бокового алтаря и спрятаться в его тени. Монахи уже собрались; должно быть, они ее не заметили. Они уселись на каменные лавки по обе стороны сверкающего алтаря, по бокам которого горели две высоких свечи. Их головы в капюшонах были склонены, а бормотание слов молитвы звучало как жужжание пчел вокруг улья.

Аве Мария,
Благодарение
Господину, хранящему тебя:
Благословенна ты среди жен...

Она не смела пошевелиться, стоя сгорбившись в холодной и покрытой сыростью каменной нише. Казалось, время остановилось. Затем постепенно она смогла разглядеть в восточном приделе, за высоким алтарем пять выделявшихся на фоне ночи высоких окон. Сначала они были едва различимы – мутные опаловые пятна во тьме; но постепенно каждый цвет и оттенок начал проясняться и становиться все отчетливее,

пока наконец похожие на узкие, длинные панно из драгоценных камней цвета красного граната, желтых ноготков, синего сапфира, фиалок и зеленоватой морской волны, создающих изысканные картины, не засияли в лучах зари.

Монахи зашевелились, и послышалось позвякивание металла: это кадило наполняли ладаном. Густой, ароматный дым за клубился мягкими облаками вокруг алтаря, и послышалось пение: началась заутреня.

Тебя, Бога, славим...

Глубокие, размеренные звуки песнопения устремились ввысь вместе с клубящимся ладаном. Солнце послало свой первый луч, словно пронзив оконное стекло пурпурным копьем. В нише близ высокого алтаря засияла Дева Мария, как только ее гипсового лика коснулись первые лучи света.

Мария чуть не упала в обморок от холода, возбуждения, красоты всего этого и от самовольности присутствия.

Она бывала на мессе в Стерлинге, в королевской часовне, но это происходило днем и казалось каким-то бесцветным; здесь же во всем ощущалась особая магия, словно перед ней приоткрывались врата в иной мир, который ошеломил ее и притягивал с такой силой, что она могла бы сразу раствориться в нем.

Пламенные краски, таинственный запах, глубокие, манящие, неземные голоса и сияющее лицо Девы потрясли ее

взволнованную душу. Чувствуя себя во власти экстаза, Мария прижалась к стене и, закрыв глаза, отдалась этому ощущению. Так вот он, Бог, подумала она, и, беззвучно сползая по стене, отдала себя ему.

Позднее монахи обнаружили ее, распластавшуюся на полу нефа. Мария спала так глубоко, что они напугались, не лишилась ли она сознания, но, когда ее подняли, она открыла глаза и блаженно улыбнулась.

– Наступило время для следующего песнопения? – спросила она, и монахи облегченно вздохнули.

– Королева Шотландии, возможно, станет монахиней, ваше высочество, – заявили они королеве, возвращая дочь. – Подобно благословенной королеве, святой Маргарите, у нее, видимо, призвание к этому.

– У нее другое предназначение, – ответила королева-мать. Ее ночной сон подтвердил решение, принятое прошлой ночью. – Она должна выйти замуж и жить в этом мире.

– Нельзя игнорировать призыв Бога, – заметил брат Томас нарочито бодрым тоном. – Бог – ревнивый любовник, и Он с легкостью не примет отказа. Ведь если он избрал для себя кого-то, то уже никогда не смирится с отказом.

– Может быть, в конце жизни, когда ее земной долг будет исполнен, – ответила Мария де Гиз. Она находила этот разговор неприятным и бесцельным.

– Бог желает не остатков нашей жизни, а ее плодов, – настаивал брат Томас. – Однако, – продолжал он с вызываю-

щим раздражение самодовольством, – известно, что Он может обратить нашу жизнь в жертвенность высшего порядка.

Глава 7

В трюмах французской галеры стояла удушающая жара и вонь давно не мытых человеческих тел. Гребцы часами сидели на веслах, но теперь, когда стало смеркаться, они знали, что их пытка скоро закончится, хотя и не надолго. Сегодня выпороли плетью только десятерых или дюжину из них, так как все работали напряженно, да и надсмотрщик был достаточно добросердечным для человека в этой роли.

– Впереди по курсу береговая линия близ Дамбартона, – объявил хозяин. – Завтра мы уже будем в гавани. Отдохнем несколько дней, а затем обратно во Францию.

– Здесь мы и возьмем на борт королеву? – тихо спросил высокий, мускулистый гребец. На его плечах были еще заметны следы заживающих рубцов от недавней порки.

– Да, и всех ее сопровождающих, – ответил хозяин. – В общей сложности пятьдесят – шестьдесят юных персон и их наставников.

– Ба! – воскликнул гребец. – Вот, значит, какие дела! Маленькая королева должна отправиться во Францию и до конца жизни пить сию чашу в наказание этой стране и на собственную погибель.

– А тебе-то что, Нокс? – спросил другой гребец. – Для нас это отдых, а нам только это надо. Я думал, что тебя это обрадует. Какая нам разница, кто там на палубе? Мы их все

равно не видим.

– Мы можем их чувствовать, – произнес Нокс. – Их присутствие отравляет воздух.

– Эй, парень! Как ты можешь говорить так о королеве!

– Королева еще ребенок и наполовину француженка, а теперь и вовсе ей вобьют в голову нездоровые и вредные мысли. Нет, она – не моя королева!

Он вытянул свои искривленные руки. Уже год, как он был схвачен французами при нападении на Сент-Эндрюс; с тех пор он – гребец на галере. Был и руанский корабль, и довольно приятная урочная работа на реке Луаре, хотя ему никогда не позволяли подняться на палубу и полюбоваться сказочными замками. А последние несколько месяцев он служил на флоте, насчитывающем более сотни кораблей, которые французский король направил для решения двойной задачи: высадить войско на восточном берегу Шотландии, близ Лейта, сформировать там гарнизоны и разгромить англичан, а затем, обогнув северную оконечность Шотландии – какое же это было печальное плавание, никогда ни одна галера не пыталась совершить подобное путешествие, – высадиться на западном берегу страны. Там, в крепости Дамбартон-Касл, примостившейся на скалистых высотах Ферг-оф-Клайда, и находилась теперь маленькая королева в ожидании отправки во Францию.

Джон Нокс чуть не расплакался, когда еще раньше увидел через малюсенькие бортовые отверстия свою родную землю.

А увидев проплывавшие мимо шпили замка Сент-Эндрюс, он испытал настоящие танталовы муки.

– Когда-нибудь я снова буду там читать проповеди, – заявил он торжественно.

– Конечно, будете, – пробормотал сидящий рядом с ним убийца и вор, которого Нокс совершенно безуспешно пытался обратить в истинную веру.

Теперь через отверстие он мог видеть огромный валун – Дамбартон, – так он выглядел издали, – и малюсенький замок, прилепившийся у него на вершине.

Она ждет там наверху, подумал он. Это малое дитя, введенное в заблуждение и отравленное мерзостью папизма. А затем ее окунут, как Ахиллеса в Стикс, в реку фривольности и фальши, каковой является Франция. Это погубит ее характер и дурно повлияет на ее воспитание. Нет, не так надо служить Шотландии. Совсем не так, думал он.

Наступил момент разлуки. В состоянии полного возбуждения от всех этих поспешных уроков французского, выбора шотландских пони в подарок детям французского короля, примерок одежды и прощальных банкетов пятилетняя Мария еще не осознавала, что отправляется в путь без матери.

Они никогда прежде не расставались. Теперь, глядя на трепещущие на резком ветру корабельные вымпелы, на сверкающие в лучах солнца воды Ферта, на готовых подняться на борт множество лордов и леди, она внезапно испугалась и прижалась к матери.

– Я не могу ехать без тебя, – сказала она, и слезы застлали ее глаза. – Я не могу, не могу!

Мария де Гиз, подавляя подкативший к горлу комок, молила Деву Марию дать ей силы скрыть свое отчаяние.

– Мое драгоценное дитя, не плачь. Я приеду, как только смогу. Здесь есть еще дела, требующие моего присутствия. Моя дорогая, как только я обеспечу тебе королевскую власть и буду уверена, что никто никогда не отнимает у тебя Шотландию, я приеду во Францию.

– А скоро?

– Это зависит от англичан, от того, сколь долго они будут сражаться! – Она попыталась шутить. – А теперь, моя дорогая, вытри глазки, – сказала мать и передала Марии кружевной платок. – Вот так, моя чудесная девочка.

Она смотрела в глаза дочери, стараясь их запомнить и навечно запечатлеть где-то в глубине своего сознания.

– Ты едешь к тем, кто любит тебя, – промолвила она. – Маленький дофин, он младше тебя и не такой крепкий; он мечтает о подруге. Ты, наверное, будешь той, о ком он молится. И ты познаешь, мой ангел, что исполнить чью-то мольбу – это то же самое, что увидеть сбывшейся свою собственную. – Она обняла дочь. – Да хранит тебя Бог, да поддержит тебя Дева Мария!

Мария обняла мать, прижавшись к ней и закрыв глаза.

Присутствующие подбадривали их одобрительными восклицаниями и начали даже подтрунивать.

– Маленькая королева должна подняться на борт своей скромной галеры, – объявил важный господин, представлявший Генриха II. – Франция горит нетерпением обнять вас.

Поглядывая в щелочку, Нокс мог разглядеть лишь маленькую фигурку Марии в синем бархатном платье и в такого же цвета бархатной шляпе с пышным пером. «И эта толстая корова – королева-мать тоже там, – подумал он, – и все ослабившиеся французы, похожие на обезьян в шелках. А также куча рыжих детей, половина из которых – стюартовские бастарды. Ха! Надеюсь, что на всем пути во Францию они будут страдать морской болезнью и измарают свои маскарадные облачения», – не успел он подумать, как надсмотрщик полоснул его плетью, заставляя сесть на свое место.

Пожелание Нокса сбылось. Все сопровождавшие маленькую королеву жестоко страдали морской болезнью: на всем пути во Францию бушевали ветры и море штормило. Леди Флеминг было настолько плохо, что она умоляла капитана зайти в Корнуолл и высадить ее на берег, на что француз, месть Вильгельмону весьма неучтиво ответил, что она могла бы добраться до Франции вплавь или по пути утонуть.

Из путешественников только сама Мария не страдала морской болезнью. Казалось, что она испытывала приятное возбуждение и от штормового ветра, и даже в тот критический момент, когда у берегов Корнуолла вышло из строя рулевое управление. Поскольку на борту корабля не было постоянно следившей за ней леди Флеминг, она быстро вцепи-

лась в бортовой поручень и стала смотреть, как матросы стараются заменить поломанный руль. Ее брат, Джеймс Стюарт, готовый, как обычно, судить обо всем, что происходит, вылез на несколько минут на палубу, но вскоре его снова затошнило, и он, шатаясь, поплелся обратно в свою каюту.

В течение нескольких дней капитан безуспешно пытался пристать в нескольких пунктах французского побережья Бретани. Наконец ему удалось пришвартоваться у скалистого берега близ городка Роскоф – в самом сердце территории, освоенной контрабандистами и пиратами.

Марии не терпелось сойти на берег, и в спущенных на воду лодках она оказалась одной из первых. Рыбаки и жители города, привлеченные видом огромной потрепанной галеры, собрались на берегу, чтобы приветствовать прибывших. Мускулистый бретонец, от рук которого пахло рыбой, помог Марии выйти из лодки и сделать первые шаги на французской земле. Это было 13 августа 1548 года.

Сначала ей показалось, что местность ничем не отличалась от Дамбартона. Тот же пейзаж: глубокое синее небо, волнующееся море и суровые скалы вдоль берега. Но по мере церемониального продвижения королевской группы вглубь территории во главе с лордом Роганом и поспешившим на встречу с ней местными дворянами страна неожиданно стала выгладеть действительно незнакомой. Мария осознала, что прибыла в новое, чужое место.

Они проезжали через равнинную местность Нормандии,

зеленую, хорошо увлажненную, на которой раскинулись многочисленные деревенские дома, крытые соломой. Повсюду яблоневые сады, стада коров. На обедах, устраиваемых местными землевладельцами, им с гордостью подавали роскошную еду, приготовленную с яблоками: лепешки с кальвадосом, сливочным маслом и сливками, открытые яблочные пироги с карамелью. Даже омлеты казались волшебными, а не просто приготовленными из яиц: настолько они были пышными и легкими.

Наконец они добрались до Сены, где их ожидала изукрашенная баржа, посланная за ними королем. Они должны были подняться по реке к замку Сен-Жермен-ан-Лейе, где их встретят французские дети, отпрыски короля.

Баржа была широкой и роскошно оборудованной: с хорошо оснащенной кухней, столовой с набором золотых тарелок и кубков, спальней, в которой изголовья кроватей украшали золотые листья, а личные туалеты были занавешены темно-красным бархатом; в прикрепленных к стенам серебряных вазах источали аромат свежие ирисы.

И вот теперь, слушая серебристо-мягкие звуки незнакомой речи и понимая, что всего через несколько дней им предстоит встретиться в королевской детской лицом к лицу с французскими сверстниками, шотландские дети почувствовали себя не совсем уютно. А что, если они окажутся ужасными малышами, плаксивыми, капризными недотрогами, способными на обман в игре, сплетниками и задира-

ми? До настоящего момента слова «французские дети», «дофин», «принцессы» не имели для них реального значения.

А если дофин и Мария не понравятся друг другу, что тогда? Будет ли разорван союз, или их принудят сочетаться браком, несмотря ни на что?

Королевская баржа медленно плыла по Сене, минуя Руан, Лез-Андели, Вернон, Мелан, и наконец прибыла к причалу в Сен-Жермен-ан-Лейе. На широком пирсе на сваях, выкрашенных в золотистый, красный и синий цвета, развевался на флагштоке королевский штандарт.

Сопровождавший королевскую группу служитель срочно направил помощника во дворец и позаботился о лошадях для гостей, хотя расстояние до дворца было совсем невелико. Дворец стоял на высоком берегу реки. Когда вывели крупных лоснящихся лошадей с тяжелыми кожаными седлами, шотландцы уставились на них с некоторым удивлением: они были такие упитанные и блестящие, что совсем не походили на тех животных, которых в Шотландии называли лошадьми.

Дорожка ко дворцу, усыпанная гравием, была по обеим сторонам обсажена высокими, стройными деревьями, будто в священной роще в Древней Греции.

И вот на высоком горном гребне, возвышающемся над рекой, вырисовывается серое здание дворца. Навстречу им вышли слуги и сопровождающие лица, чтобы проводить их по дорожке во двор дворца. Лошадей увели, а гостей провели на

западную сторону двора, в богато украшенный зал для торжеств.

Мария огляделась вокруг, рассматривая высокие потолки и нежные краски стенной росписи в розовых, палево-голубых и желтых тонах луговых цветов. Одежда изображенных художником мужчин и женщин была настолько тонкой, что они казались обнаженными. Она внимательно разглядывала роспись, когда неожиданно прозвучал зычный голос, объявивший что-то по-французски, и все стихло.

Самая дальняя дверь зала отворилась, и в зал вошли трое детей, две девочки и мальчик. Только двое из них шагали уверенно, а третий, поддерживаемый двумя другими, ковылял, раскачиваясь вперед и назад на слабых младенческих ножках. Они подошли к шотландцам, и Мария инстинктивно вышла вперед им навстречу. Под взорами всех присутствующих дети, пройдя через широкий зал, приблизились друг к другу.

Итак, этот малыш, должно быть, и есть дофин Франциск, подумала Мария. У него маленькое полное лицо и раскосые глаза; изогнутые губы плотно сжаты. В бледных глазах выражение настороженности. Он маленький, но толстый.

Тотчас в Марии проснулось чувство покровительства к нему, какое она испытывала к маленьким раненым животным, которые встречались ей во дворе замка, хромым или как-то пострадавшим, которых она упорно выхаживала в Стерлинге.

– Здравствуйте. Добро пожаловать в Сен-Жермен-ан-Лейе! Я – принц Франциск, а это мои сестры, принцессы Елизавета и Клод. – Мальчик чопорно поклонился.

– А я – Мария, твой друг и кузина и – невеста, – ответила Мария, исчерпав почти весь свой запас французских слов.

Затем, к удовольствию всех присутствующих, оба улыбнулись друг другу, рассмеялись и взялись за руки.

Французские придворные впервые увидели Франциска улыбающимся.

Хотя в этот момент короля и королевы в Сен-Жермен не было, они заверили Марию, «маленькую королеву Шотландии», что ей будет оказан должный прием Дианой де Пуатье, фавориткой короля. И действительно, когда Мария впервые увидела ее в зале, то подумала, что это и есть королева. Она была прекрасна. У нее были серебристые волосы, бледная кожа, а шелка ее платья мерцали, переливаясь черным и белым. Казалось, она скользит по полу, как сказочное существо. Франциск и Елизавета тепло приветствовали ее, будто она была их матерью. Мария тотчас выказала ей предписанное этикетом почтение как королеве, вызвав на лице Дианы улыбку.

– Нет, нет... – произнесла она, а затем последовал каскад непонятных Марии французских слов.

Патрик Скотт, один из придворных лучников, быстро подошел к Марии и поклонился:

– Могу я предложить свои услуги в качестве переводчика,

ваше величество? Герцогиня де Валентинуа, мадам де Пуатье, благодарит вас за теплое приветствие и желает сообщить вам, что, будучи почетным другом короля, от его имени приветствует ваше прибытие во Францию. Король надеется, что вы обретете здесь полное счастье как жена его сына и среди его народа – в качестве будущей королевы. Он жаждет увидеть вас и скоро прибудет из Италии, куда он отправился по делам королевства.

В ответ на эту забавную игру, где одна персона говорит за другую, Мария хихикнула. За ней прыснул и Франциск, так как впервые услышал шотландский язык. Рассмеялись и все остальные участники этой сцены.

Герцогиня подала знак, чтобы дворцовые слуги заняли свои места и отвели шотландских гостей в предназначенные им апартаменты. Она говорила своим приятным голосом, а Патрик Скотт переводил:

– Королева Мария, вы будете делить комнату с принцессой Елизаветой. Таково желание короля: вы должны жить как сестры. Я сама выбирала мебель и надеюсь, что она придется вам по вкусу. Не хотите ли пойти и посмотреть комнату? Может быть, вы хотите отдохнуть после путешествия?

Привыкшая к расслабленному и усталому состоянию Франциска, герцогиня удивилась, когда Мария воскликнула:

– О нет, я не устала! – и чуть ли не запрыгала на месте, а затем вежливо добавила: – Но очень, очень хочется увидеть, что вы для меня выбрали, мадам.

Герцогиня повела их через длинную сводчатую галерею, вверх по главной лестнице, пока они не достигли наконец анфилады комнат над вторым этажом, окна которых смотрели на длинный спуск к Сене, извивавшейся и светившейся маленькой ленточкой в лучах вечернего солнца. Марии показалось, что она никогда раньше не бывала в таком огромном здании: комнаты, тянувшиеся одна за другой, бесконечный ряд дверей и входов, мелькавших на фоне шуршащего платья герцогини, которое при каждом движении отбрасывало, словно поверхность воды, трепещущие блики света.

Она привела их в большую, залитую солнцем комнату, отделанную деревянными панелями цвета дубленой кожи.

– Вот здесь, ваше величество, ваши покои. Это королевская детская.

В комнате, под яркими голубым и золотистым пологам, стояли две маленькие кровати, украшенные резьбой по дереву с изображением птиц, листьев и цветов. Были там маленькие детские столы и стулья, низко подвешенные на уровне детских глаз зеркала, а на полу – шерстяные, мягкие, как мох, ковры. В одном углу на подставке красовался деревянный макет дворца; дверцы на петлях открывались, и внутри можно было видеть миниатюрные комнаты со всей их мебелью. Мария кинулась к макету и заглянула в малюсенькие оконца.

Внутри был волшебный, как мечта, мир.

– О, мадам! – воскликнула она, не находя слов для выра-

жения восторга.

– Это твоя игрушка, можешь распоряжаться ею, как пожелаешь. Посмотри, а вот здесь живут куклы. – Диана показала на фигурки во дворике макета. К своему полному изумлению, Мария обнаружила среди них и себя. Схватив куклу, она уставилась на нее.

У нее были натуральные волосы такого же цвета, как у самой Марии. На кукле был такой же, как у нее самой, бархатный костюм для соколиной охоты. К руке куклы был прикреплен искусственный сокол из настоящих перьев, походивших по цвету на ее собственную птицу.

– Он похож на Раффлса? – Герцогиня, глядя на Марию, улыбнулась, и Мария внезапно почувствовала себя от счастья буквально на небе: вот где ее нежно любят, оберегают и показывают одно чудо за другим. Хотя она и не чувствовала себя как дома, но здесь явно отнеслись к ней ласково и внимательно, и ей это было приятно. Мария обвила руками шею герцогини и заплакала от возбуждения и радости.

– Ну, ну, моя малышка, – промолвила герцогиня, глядя волосы девочки. – Не надо плакать.

За спиной Марии она сделала знак горничным. Было очевидно, что маленькая королева после долгого путешествия утомлена от волнений и напряжения и нуждалась теперь в отдыхе, хотя и утверждала обратное. К тому же пришло время спать и принцессе Елизавете, так что они вполне могли бы отдохнуть вместе.

– Откуда вы знаете, как зовут моего сокола? – спросила Мария, размышляя о том, как же произошло это чудо.

– О, мы знаем многое о вас, потому что все во Франции интересуются маленькой королевой, которая вынуждена была бежать от англичан. Здесь о вас так много говорят, и мы все любим вас.

– Но Раффлс – как вы узнали о нем? – не унималась Мария.

– От ваших находящихся здесь родственников, дитя мое. От вашей бабушки Антуанетты де Бурбон и братьев вашей матери – Франсуа и Шарля, от кардинала Лотарингского. Они считают, что знают вас, так как ваша мать часто пишет письма и рассказывает им обо всем. Скоро вы встретитесь с ними, и они увидят вас воочию.

Пришла няня Марии, Джин Синклер, чтобы уложить ее в постель.

– Принцессе Елизавете надо отдохнуть, и вы поступили бы очень хорошо, если бы тоже легли спать, – сказала она.

Мария сразу же послушалась. Ей было любопытно поспать на французской кровати. Возле нее стоял позолоченный стульчик-ступенька; какие же еще будут чудеса?

Когда все слуги, кроме шотландских, вышли и Мария улеглась в кровать – на пуховую перину и огромные пуховые подушки, накрылась белым шерстяным одеялом, герцогиня задернула шторы.

– Добро пожаловать во Францию, – прошептала она и

нежно поцеловала Марию в лоб. – Это вам, – сказала она, передавая Марии шелковую подушку, наполненную ароматными травами. – Положите ее под голову и представьте себе, что вы лежите на весеннем лугу, наблюдая за бегущими облаками, и засыпаете...

Мария вздохнула, прижалась к чудесно пахнущей подушке и последовала совету герцогини, отдавшись вожделенному и блаженному сну.

На следующее утро Мария проснулась с первыми лучами солнца. Она сразу вспомнила, где находится: в этой незнакомой детской, где все предметы были удивительно маленькие, детского размера. Затем она услышала бормотание на новом для нее языке, который звучал так же сладко, как пахла ее подушка.

– Доброе утро, мадемуазель! Какой прекрасный день! Пойдемте, вас ждет сюрприз. Прибыли маленькие лошадки королевы Шотландской. Быстро одевайтесь и идите к ним.

Одежда Марии, пока она спала, была распакована, проветрена, отглажена и убрана. Джин Синклер – или Джоан Сен-Клер, как отныне ее будут называть во Франции, – уже приготовила нужные для Марии вещи.

Марию и Елизавету провели в другую комнату, где был сервирован завтрак для дофина, четырех Марий и трех Стюартов. На столе громоздились корзины с фруктами, горки булочек причудливой формы и какие-то большие круглые изделия на тарелках, нарезанные клинообразными кусками.

Франциск уже занял свое место на специальном стуле с высокими ножками и положил себе на тарелку очень маленький кусочек. Он мрачно уставился на свою еду, но, как только вошла Мария, он поднял глаза и улыбнулся.

Братья Стюарт, Джеймс, Роберт и Джон, с подозрением посматривали на блюдо.

– Что это? – спросил Роберт, указывая на еду бледного цвета, похожую на колесо.

– Это сыр, из Норвегии.

– Как это по-французски? – спросила Мария, указывая на чашку с персиками.

– Пеш, – сказал Франциск.

– Пеш, – повторила Мария.

Французы, услышав ее произношение, засмеялись.

– Пеш, – повторила она, пытаясь улучшить произношение. – А это? – Она показала на вазу с фруктами.

– Конфитюр, – ответил Франциск. Он выглядел довольным, чувствуя себя знатоком.

– Конфитюр, – повторила Мария, точно воспроизводя акцент. – А это? – Она взяла булочку.

– Хлеб! Хлеб! – хором крикнули французские дети.

Взяв по кусочку всего, что назвала, Мария быстро так насытилась, что почувствовала неладное с желудком. Остальные же дети наслаждались едой и знакомством друг с другом. Теперь им хотелось выйти и посмотреть то, что привезла в подарок королева Шотландии, – миниатюрных лошадок.

Во дворе их ожидали маленькие косматые животные, оседланные и готовые к прогулке, в том числе пони Марии по кличке Джуно и пони Ласти – Синдерс. Большинство из дюжины лошадок, вывезенных с дальних северных шотландских островов, были темно-коричневого окраса с густой, жесткой шерстью.

– Вы можете, мой дорогой Франциск, выбрать ту, которая вам больше нравится, – предложила Мария, жестом указывая на пони.

Он улыбнулся, не поняв по-шотландски, но догадавшись по жесту. Он подошел к самому маленькому животному с белой звездочкой на лбу.

– Я хотел бы вот эту, пожалуйста! – воскликнул он. – И я назову ее Марией! В честь моей невесты и гостыи.

Все засмеялись.

Следующие несколько теплых августовских дней гости провели во дворце Сен-Жермен-ан-Лейе. Плоская крыша дворца была обсажена деревьями и цветами и превращена в приятную для прогулок площадку со скамейками; оттуда открывался вид на окрестности и долину Сены. Король планировал построить еще один дворец на самом краю склона, с террасами, спускающимися далеко вниз, куда можно было бы пройти прямо из дворца или по длинным пролетам лестницы, сбегавшей вниз по обеим сторонам дворца. Строительство должно было скоро начаться.

Король, хотя и находился сейчас в дальних краях по госу-

дарственным делам, постоянно присылал письма и заверял гостей, что они с королевой придут тотчас же, как только позволят дела. В то же время он дал понять, что герцогине де Валентинуа поручено выступать и действовать от имени его величества.

Герцогиня позаботилась о том, чтобы Мария смогла увидеться со своими родственниками – Гизами. Она нашла также на роль постоянного переводчика шотландца, бегло говорящего по-французски; переводчик обязательно должен был быть шотландцем, ибо только шотландец мог говорить и по-английски, и по-шотландски. Даже послы, которых направляли в Лондон из Франции, Испании и Италии, не говорили по-английски. Это был совсем малораспространенный язык, совершенно бесполезный и имевший ограниченное хождение, который игнорировался в дипломатическом сообществе. Однако некоторые шотландцы искали службы за рубежом, и во Франции уже можно было найти таких шотландцев, владевших двумя языками.

Три самые знатные особы в роду де Гизов – мать и старшие сыновья – явились в Сен-Жермен в полном блеске, прибыв верхом из фамильного дворца в Париже. Старая герцогиня Антуанетта, мать двенадцати детей, идол и любящий друг и опора своей дочери, Марии де Гиз, волевая и решительная женщина (рядом со своей комнатой она держала в галерее для себя гроб, чтобы, отправляясь к мессе, видеть его каждое утро). Она отлично держалась в седле и, как все-

гда, была одета во все черное. Ее грозный тридцатилетний сын – воин Франсуа – того же возраста, что и король, – прозванный французами Меченый из-за шрама на щеке – восседал на огромном жеребце каштановой масти. Его более юный брат Шарль, короновавший Генриха II и через пять дней ставший кардиналом в возрасте двадцати трех лет, прибыл на муле, покрытом темно-красной шелковой попоной, украшенной серебром.

Они подобно волхвам явились все вместе посмотреть на это дитя, на которое возлагали такие огромные надежды, – эту принцессу и королеву, явившуюся, словно звезда на северном небосклоне, чтобы привести наконец Гизов к славе и торжеству. Ведь, выйдя замуж за дофина и будучи преданной своей семье и ее наставникам, разве не должна Мария Шотландская стать их божественной покровительницей? Ведь каждый ее будущий ребенок будет на одну четверть Гизом, так что их род наконец станет в ряд королевских.

Правда, Гизы всегда настаивали на том, что происходят от Карла Великого, но это было мифологическое и туманное прошлое, а эта умная и, по общему мнению, очаровательная малютка соединяла в себе настоящее и будущее и потому была для них более надежным шансом.

Так что и они охотно пустились в путь и поднялись по крутому склону во дворец, довольные тем, что обычно сопровождавшая Гизам удача не подвела их и на этот раз, и они могли встретиться с Марией до прибытия короля и ко-

ролевы. Конечно, их тревожило пребывание во дворце мадам де Пуатье, уже поселившейся и обосновавшейся там с детьми, но она, если говорить языком политики, была всего лишь отражением короля, точно так же, как ее собственный символ – Луна – сияет отраженным светом, не излучая собственного, а Диана, богиня охоты, всегда должна уступать дорогу Аполлону.

Конечно, Генрих II, этот тусклый, застенчивый, лишенный воображения человек, был далеко не Аполлоном, но ему нравилось так думать о себе, а придворные льстецы поддерживали его в этом заблуждении.

Во дворце Сен-Жермен их проводили в самую большую комнату – зал для приемов. Если это было сделано с целью внушить им благоговейный страх, то их замысел не оправдался. В их собственном дворце в Медоне имелись такие же впечатляющие залы. Но теперь эта Итальянка – королева – стала еще более хитрой и искусной... никто никогда не знал точно, как она к кому относится и что у нее на уме...

Мадам де Пуатье привела маленькую Марию Стюарт в зал. Девочка, одетая в красивое платье красновато-коричневого цвета, сочетавшегося с таким же оттенком ее длинных выющихся волос и румянцем на щеках, смущенно вышла вперед.

Все склонились в глубоком реверансе, как перед благословенной правящей королевой. Она уставилась на склоненные шляпы и жестом пригласила их подняться. Довольно долго

все переглядывались друг с другом, пока герцогиня де Гиз не скомандовала через переводчика:

– Поди сюда, дитя мое, позволь взглянуть на тебя!

Мария медленно подошла к своей бабушке. Действительно ли это мать ее матери? Она на нее совсем не похожа. Неужели это та самая мать, державшая в руках Марию де Гиз, учившая ее, писавшая ей письма в Шотландию? Она помнит, как жадно ждала и читала их ее мать.

Мария представилась этой суровой на вид женщине. Дама улыбнулась и, протянув к ней руки, заключила Марию в объятия.

– Спасибо, что вы прибыли к нам, – проговорила она.

Мария, разумеется, не поняла сказанного, но слова прозвучали так мягко и нежно, что не нуждались в переводе. Она поняла их смысл и тоже обняла даму.

– Теперь вы должны познакомиться со своими дядьями, – произнесла бабушка и отступила, чтобы представить их. – Твоя мать – мой первый ребенок, самый старший и, думаю, самый любимый! За ней – Франсуа, герцог де Гиз, великий солдат Франции, защитник короля, готовый охотно служить вам по первому же зову. Его называют бесстрашным, и на самом деле он хорошо известен своей отвагой, которую проявил не единожды.

Герцог Франсуа вышел вперед и поцеловал руку Марии.

– Мой следующий сын – Шарль. О, он совсем другой. Он – ученый и священнослужитель; некоторые полагают, – она

любовно обняла за плечи своих высоких сыновей, – что он красивее своего брата.

Эти ее слова были точно переведены.

– Я уверена, – заметила мадам де Пуатье, – что его величество король был бы очень доволен, если бы кардинал Шарль руководил воспитанием своей племянницы, маленькой королевы Шотландской. Едва ли можно найти на эту роль более подходящую кандидатуру.

Все Гизы улыбнулись. Ага, значит, король уже принял решение. Ну что ж, тем лучше.

– Вы знаете латынь, Мария? – спросил кардинал.

– Нет еще.

– Ну, ничего. Прежде всего – французский язык!

– Я полагаю, его величество все устроит, как только прибудет. У нее уже есть успехи, она сама каждый день занимается французским, в ее речи совсем не чувствуется акцента, но, возможно, придется изолировать от нее других шотландских детей, чтобы разговоры с ними не мешали ей осваивать французский. Там будет видно.

– Правильно, – кивнула бабушка. – Скоро все встанет на свои места!

– Я думаю, вы сочтете, что она уже стала настоящей француженкой, – добавила мадам де Пуатье. – Должно быть, это у нее в крови.

Прошел месяц, прежде чем король появился в Сен-Жермене, – месяц, за время которого Мария и ее подружки сво-

бодно разгуливали по дворцу и его окрестностям, катались верхом, гуляли на берегу реки и наблюдали, как с утренней прохладой и туманами окрестный пейзаж приобретает осеннюю окраску. Мария и Франциск почувствовали друг к другу искреннее расположение; если у Марии застенчивость и болезненность Франциска вызывали нежные чувства, то ее живость и жизнерадостность казались Франциску солнечным светом, согревающим и радующим его одинокую, унылую душу. Он был моложе ее на год и один месяц и взирал на нее как дитя, для которого год – целая вечность.

К разочарованию иностранных послов, втайне надеявшихся оказаться свидетелями исторического события, встреча Марии и короля оказалась весьма далекой от официоза. Король едва появился со своей свитой во дворе перед дворцом, как в этот момент Мария и ее четыре подружки, тоже Марии, и Франциск выехали из конюшни на процессию кукол в шляпах с развевающимися перьями.

Очарованный этим зрелищем, король спешил и подошел к гарцующим всадникам с поднятыми руками.

– Уж не направляется ли этот сказочный народ в свой волшебный лес? – спросил он, улыбаясь. Он снял шляпу и поискал глазами Франциска. К его удивлению и удовольствию, сын был здесь и с гордым видом восседал в седле.

– Папа! – крикнул он и, повернувшись к Марии, сказал: – Это мой отец, король! Наконец-то он приехал!

Мария смотрела на короля, не отрывая глаз; перед ней

был человек с длинным, худощавым лицом и раскосыми глазами. Рот улыбался, но глаза не выражали никаких эмоций.

– Добрый день, ваше величество, – сказала она быстро и улыбнулась в ответ.

Какой же приятный у нее голос, подумал король. А эта сияющая улыбка!

– Доброе утро, ваше величество, – ответил он, и тут, к его большому удивлению, Мария подошла к нему.

– Я так счастлива оказаться здесь, – сказала она просто. – Я люблю Францию! И я люблю Франциска, дофина!

Король почувствовал огромное облегчение: как будто какой-то таинственный благодетель неожиданно оплатил все долги короны (это была сцена, которую король так часто рисовал в своем воображении и поэтому хорошо представлял себе, какие она может вызвать чувства). Девочка была нормальной! Хорошо сложенная, изысканная в разговоре, хорошенькая, веселая! За то, что он взвалил на себя бремя Шотландии – бремя, которое становится все более тяжким с каждым днем, – он получил сокровище. Его Франциск будет нежно любим и ответит тем же, вот если бы только что-нибудь могло помочь его выздоровлению...

– Отложите свою прогулку на несколько минут и пойдемте со мной в дом – вы все! – приказал он.

Его душа буквально ликovala или, как никогда прежде, была близка к этому ощущению.

Весь следующий день непрерывно лил холодный дождь,

смывая золотую листву с деревьев и превращая их в черные скелеты. В такой день о верховой прогулке не могло быть и речи, но дети были в восторге от возможности остаться дома, предвкушая игру «в королей и королев», пока не исчезнет новизна затеи и не надоест сидеть в четырех стенах. Они решили разыграть историю Карла Великого: как он встретил злую повелительницу леса, которая держала в плену четырех принцесс (сначала она накормила их ядовитыми грибами, чтобы усыпить), и как он со своими рыцарями спас их. Разумеется, Франциск должен был играть роль Карла Великого, четыре Марии были жертвами Марии Стюарт, получившей роль злой королевы, а три брата Стюарта были рыцарями Карла Великого. Из стульев и столов дети соорудили дворец, а лес – из посаженных в горшках растений, которые слугам было приказано принести с террасы. Слуги были недовольны таким хаосом, но Франциск приказал им держать язык за зубами и делать то, что им сказано.

Игра была в самом разгаре, когда находившемуся в угловой комнате Франциску пришлось выскочить из шкафа. От съеденных за первым завтраком груш у него заболел живот, и «Великий» и «Могучий» Карл вынужден был отлучиться в ходе развернувшейся было атаки на дворец.

– Посмотри в последний раз на свои жертвы, злодейка! – крикнул он Марии. – Готовься умереть! Я вернусь!

Через несколько минут дверь открылась, и последняя сцена драмы возобновилась: девочки, словно марципановые

куклы, полегли замертво на пол, рыцари размахивали кинжалами, а Мария приготовилась к последней битве. Но вместо Карла Великого в доспехах из двух связанных подносов для мяса в комнату вошла приземистая, толстая женщина.

– Это что такое? – спросила она. – Что это за бедлам? – Она с отвращением оглядела «лес», крепость из стульев и солдатские палатки из пологов для кроватей. – Где дофин?

Не получив ответа, она приказала:

– Убрать все это! Расчистить этот кавардак! Кто это вам разрешил? Дети слуг, кто разрешил вам распорядиться в королевской детской? Ваши родители еще ответят за это!

Однако никто не послушался – отчасти потому, что не могли понять некоторые слова, хотя общий смысл сказанного им был хорошо понятен, – и тогда женщина разозлилась:

– Что я вам сказала? Делайте, что я приказываю! Вы что, оглохли, маленькие пострелы?

Мария покинула свой бастион из подушек, защищавший ее дворец, и вышла вперед. Смотря прямо в глаза женщине, она заявила на ломаном французском:

– А известно ли вам, мадам, что вы непочтительно разговариваете и стоите перед королевой Шотландии? – Она смело вскинула голову.

– А известно ли вам, – ответила женщина противным голосом, – что вы непочтительно разговариваете и стоите перед королевой Франции?

Она была твердо уверена, что ее слова повергнут девочку

в замешательство, но прочла в лице Марии лишь озадаченность и недоумение. Она явно считала, что эта особа выглядит не очень-то по-королевски.

– Нет, мадам, – сказала она медленно, но вежливо и серьезно.

Обе стояли, уставившись друг на друга, пока не вошел Франциск и, подбежав к матери, не воскликнул:

– Маман! Маман! Это моя дорогая Мария, которая приехала из Шотландии! – и с этими словами утонул в объятиях матери.

– Прекрасно, – сказала Екатерина Медичи. – Мы все так много думали о вас и с нетерпением ожидали вашего прибытия. – Она взглянула на Франциска и спросила: – Она тебе нравится, дорогой?

– О да!

– Значит, и мне она нравится. Добро пожаловать, маленькая Мария.

Глава 8

Пока дни Марии проходили во дворце в окружении французских детей, Франция казалась ей радужной круговертью красок, а Шотландия растворялась в мрачном тумане, отступая с каждым годом все дальше и дальше, так что она уже почти ничего не помнила о ней; всплывали лишь обрывки снов при пробуждении.

Солнце во Франции светило ясно, мягко и весело, особенно в долине Луары, где весь двор перемещался из одного волшебного замка в другой, в зависимости от сезона и вида охоты. Среди них был и замок Амбруаз с огромной круглой башней и покатой, вьющейся подобно спирали подъездной аллеей, по которой могли подниматься пять всадников в ряд; с его геометрически правильными квадратами садов с резными украшениями из древесины самшита и скульптурами обнаженных мужчин и женщин. Дядя-кардинал объяснил, что такие скульптуры – в порядке вещей, что родом они из Древнего Рима и что у него на собственной вилле, где он соорудил еще и искусственный грот, тоже есть несколько таких изваяний.

В замке Блуа с его огромной лестницей внутри восьмиугольной башни Марии больше всего нравилось стоять наверху и смотреть на двор, махая рукой находившимся далеко внизу людям.

В садах замка были замысловатые фонтаны, струями которых можно было управлять с помощью специального механизма, устраивая настоящую водяную феерию или обрызгивая прохожих; и был сказочный домик, называемый оранжереей, где вдали от своей родины плодоносили апельсиновые деревья.

Был еще замок Шомон с астрономической обсерваторией и кабинетом, где королевский астроном Руджиери (но как утверждали некоторые – просто колдун) держал свои инструменты.

Никто не думал, что Мария может туда подняться, но однажды она вскарабкалась по крутым ступенькам в комнату башни, увидев Руджиери, который в этот момент полировал большое зеркало. Он вскочил, будто его застали на месте преступления, но, увидев, что это за гостя, улыбнулся Марии, как это всегда делали и другие.

– О, месье астролог, что это вы делаете? – спросила она, подойдя к нему.

– Я полирую мое волшебное зеркало, – ответил он просто.

– Можете ли вы предсказать мою судьбу?

– Да, я мог бы. – Он повернул к ней зеркало, и в его отражении ее тонкая, прямая фигура стала выглядеть еще длиннее. – Но я не стану это делать, ибо уверен, что вашему будущему можно позавидовать.

– Тогда чьи же судьбы вы предсказываете?

– Тех, у кого есть основания беспокоиться о них.

– Вы всегда говорите правду? А что, если вы увидите что-то плохое?

– Мне приходится говорить об этом, но мягко. – Он убрал зеркало. – Это бывает довольно трудно, – вздохнул он.

И вот наконец громадный белый замок Шамбор, находившийся в центре огромных охотничьих угодий; с просторными псарнями для охотничьих собак, а также более чем тремя сотнями соколов в клетках для соколиной охоты. В просторном замке – где имелось четыреста сорок комнат – предметом гордости была гигантская центральная лестница с двумя пересекающимися пролетами, сделанными так, что поднимающиеся вверх никогда не видели спускающихся вниз. Мария, Франциск и другие дети с удовольствием играли на этой лестнице: сняв обувь, они старались заставить тех, кто был пролетом ниже, угадать, где они находятся.

На крыше высился лес труб, шпилей и капителей, где дети любили играть и прятаться, появляясь порой неожиданно для взрослых, которые занимались здесь играми совсем иного рода. Дети находили ужасно забавным преследовать тяжело дышащего придворного со спущенным чулком и незастегнутыми штанами. Однажды они увидели даже оголенный зад и по красным ленточкам на туфлях опознали, кому он принадлежит. Это был толстый граф Анжерский. Благодаря этим докучливым преследованиям со стороны детей придворные любовники вынуждены были оставить в покое крышу и устраивать свидания в своих комнатах.

На крыше замка происходили и более спокойные события, когда король, королева и Диана в окружении придворных наблюдали за началом и завершением охоты, военными парадами и турнирами. Пылающие факелы, фейерверки и звуки медных труб сливались в голове Марии в единую полифонию музыки и красок.

Наконец, были еще и замки Дианы: белый, в классическом стиле замок Анет, посвященный ее вдовству и увенчанный фигурой богини Дианы, и сказочный замок Шенонсо, грациозно расположившийся на арках, перекинутых через лениво струящуюся мелкую реку Шер. В атмосфере замка совершенно отсутствовал дух мужественности, воинственности или приказа. Напротив, все здесь нашептывало о деликатных, изысканных удовольствиях, об удовлетворении желаний и appetитов в тиши неторопливого течения реки.

Над глубокой синевой Луары, заключенной в золотые песчаные берега и плещущейся в ясном, безмятежном воздухе, всегда был распростерт огромный, высокий бледно-голубой небосвод.

Мало-помалу Мария перестала выглядеть как иностранка. Пребывание во Франции и французский образ жизни стали казаться ей совершенно естественными. Каждый год королевская детская пополнялась новым обитателем, так что Франциск выглядел вполне натурально в роли правителя маленькой группы. Она завидовала ему, ибо ее собственные, чуть более взрослые родственники причиняли ей лишь одни

неприятности. Они отказывались осваиваться в новой среде и упорно срывали занятия по французскому языку, ездили верхом только на шотландский манер и носили с собой при дворе детские кинжалы. Мария облегченно вздохнула, когда через год они вернулись в Шотландию. Однако три ее сверстницы-Марии старались ей угодить и даже не протестовали, когда король отправил их на несколько месяцев в монастырь в Пуасси для углубленного изучения французского языка.

Что касается Джеймса, самого старшего из ее родственников, он при самой первой возможности поспешил вернуться в Шотландию, заявив, что ему необходимо ухаживать за матерью, овдовевшей после сражения при Пинки-Клаф (хотя помимо того дело было в богатом монастыре Сент-Эндрюс, о котором покойный король поручил ему заботиться).

На некоторое время Мария осталась при дворе одна, и король, королева и все придворные могли баловать и нежить ее, и, что более важно, она находилась теперь в окружении исключительно французов, и ей никто не мешал приобщаться к их образу жизни.

С первой же минуты вся Франция влюбилась в «нежную голубку, спасенную от преследований хищных стервятников», как выразился придворный поэт, описывая «нашу маленькую королеву Шотландии».

Романтический настрой двора, скрывавшийся под внешним налетом холодного цинизма, буквально расцвел под влиянием пылкого чувства к маленькой Мари Стюарт, как

они предпочитали ее называть, эту принцессу, бежавшую из туманной, варварской страны, которая волею судеб в один прекрасный день должна стать их королевой. Ведь прошло уже так много лет с тех пор, как у них были свои герои и героини, которых они могли бы превозносить, а что теперь? Франциск I был слишком изнуренным и самодовольным, Генрих II – слишком мрачным и скучным. Екатерину Медичи, эту итальянку, следовало не возвеличивать, а, скорее, бояться ее. (Уж не отравил ли ее слуга покойного дофина, чтобы расчистить путь к престолу застенчивому Генриху?) Слуга признался, но только одна Екатерина знала истинную правду. Диана де Пуатье была красива, но красота ее была какой-то неземной, эфемерной, далекой, подобно красоте богини Дианы, которой ее уподобляли. У всех, кто смотрел на нее, она вызывала не чувство преданности или привязанности, а благоговейный трепет. Между тем у нее было и вполне земное пристрастие – приобретать земли и поместья, чтобы с полным основанием считаться богиней.

А Мария Стюарт с ее прелестным личиком, приятными манерами и трудной судьбой покорила воображение людей.

В ее воспитании не было ни одного изъяна. Она изучала классические науки, училась читать и писать по-латыни, говорила по-итальянски и по-испански. Ее обучали музыке, она играла на лютне, арфе и лире. У нее был чарующий голос, и она хорошо пела. Историю она изучала с Паскье и с раннего возраста писала стихи, грациозно танцевала и осо-

бенно любила участвовать в представлениях в масках и балетах. Она корпела с иглой в руках над пяльцами, и ей нравилось придумывать свои собственные узоры для вышивок.

В то же время она любила прогулки, преуспевала в верховой езде, стрельбе из лука, в соколиной и других видах охоты. Больше всего ей нравилось незаметно ускользнуть и упражняться в стрельбе из лука, подогнанного под ее рост, вместе с самыми юными шотландскими лучниками, служившими в почетной гвардии короля.

Однажды ранней весной, когда ей минуло только семь лет, она прокралась мимо вездесущей леди Флеминг и ухитрилась добраться до Фонтенбло, где в лесу, как она знала, любил упражняться лучники. У нее был свой фаворит, Роб Макдоналд, которому было всего восемнадцать лет. Он сам немного тосковал по дому и всегда был рад ее видеть. Она подружилась с ним и надеялась, что когда-нибудь наступит день, когда она сможет хотя бы иногда, но стрелять лучше, чем он.

Конечно, он был на опушке леса и упражнялся вместе с остальными лучниками.

– Ваше величество! – воскликнул он, увидев ее. – Вы, наверное, опять сбежали?

– Конечно, – ответила Мария, тяжело дыша.

Она не знала, что заставляет ее так поступать и почему другие дети никогда себе этого не позволяли. Она любила других Марий и Франциска, но в ее натуре были черты, ко-

торых они не смогли бы понять, и она чувствовала, что ей не следует выставлять их напоказ.

– А я принесла свой лук. – Она показала хорошо отрегулированный лук и колчан со стрелами, украшенные королевским гербом.

– Хорошо, – сказал он и кивнул в сторону своих компаньонов. – Мы как раз упражнялись, стреляя по этой мишени. Не хотите ли попробовать?

Она утвердительно кивнула. Ей было приятно слышать шотландскую речь, так как не хотелось забывать язык, но у нее уже довольно продолжительное время почти не было возможности ни слышать его, ни говорить на нем. Она вытащила стрелу и приладила ее к струне лука, оттянула тетиву, насколько могла, и отпустила ее. Стрела попала в самый край мишени.

– Ах! – воскликнул Роб, столь же разочарованный, как и она сама.

– Я попробую еще раз! – Она выхватила вторую стрелу, и та легла уже гораздо ближе к центру.

Они стреляли по очереди целый час, при этом Роб обучал ее тонкостям этого искусства.

– Если вы хотите быть хорошим стрелком, надо делать вот так, – терпеливо разъяснял он.

Совсем усталая, она наконец произнесла:

– Но ведь для вас это совсем не спорт, для вас это образ жизни. Так почему же шотландцы сражаются за французско-

го короля? И как вы здесь оказались?

Он отложил в сторону свой большой лук, почти шести футов высотой, способный послать стрелу на сотню футов и дальше.

– Французы и шотландцы долгое время были друзьями. У них был единый враг – Англия, а те, у кого имеется общий враг, могут стать настоящими друзьями. Они называют это «старым альянсом», и он действительно старый, насчитывает по меньшей мере двести лет. Вот почему существует гвардия шотландских лучников. Да, каждый знает, что шотландцы – лучшие солдаты в мире.

– Но вы не ответили на мой вопрос. Во всяком случае, не совсем ответили. Почему вы сюда приехали?

– У меня было сильное желание увидеть что-нибудь еще помимо наших собственных берегов. Если я хочу жить на своей родине и любить ее, то это вовсе не от невежества. Здесь много других шотландцев, они толпами приезжают в Париж учиться. Вы встречали кого-нибудь из них?

– Нет, – рассмеялась она. – Каким же образом? Ведь я же не могу бродить по улицам Парижа, как, например, по лесу в Фонтенбло.

Раздался призывный звук горна.

– Вам лучше бы уйти, – сказал Роб. – Меня призывают к исполнению своих обязанностей. – Он взглянул на нее и улыбнулся. – Я никогда не выдам вашего секрета, моя самая прекрасная царственная охотница. – Он вручил ей горсть ее

стрел. – Вам лучше забрать их с собой и не оставлять здесь, в лесу.

К тому времени, когда она осторожно пробралась обратно в детскую, младшие дети только еще просыпались после дневного сна. Скоро должны были подать обед, а у Марии как раз разыгрался неистовый аппетит.

Обычно дети ели отдельно, под наблюдением всех нянь и гувернанток. Сегодня же королева приказала, чтобы дети обедали вместе с ней в ее покоях. Они покорно прошествовали строем в ее личные апартаменты, где был накрыт стол, уставленный хрустальными кубками и золотыми тарелками для тех детей, которые умели справляться с такой изысканной сервировкой: сама Мария, Ласти, Фламина, Битон и Сетон, Франциск и Елизавета. Мария немного даже жалела Франциска, окруженного исключительно девочками; там, в лесу, Робу было гораздо лучше.

– Помолитесь и приступим к обеду, – сказала королева, и ее лишенные какого-либо выражения глаза как бы пересчитывали детей, входящих один за другим в ее покои. Королева снова была беременна; в комнате для младенцев должен был скоро появиться еще один ребенок.

Она суетилась вокруг Франциска и настояла на том, чтобы самой приладить ему салфетку. Затем, шурша своими юбками, она уселась и стала наблюдать, как едят дети. Под ее пристальным испытующим взглядом у Марии пропал всякий аппетит.

– Мои дорогие дети, – произнесла Екатерина Медичи, – вы скоро на все лето отправитесь в замок Шамбор. А это значит, что вам придется на время расстаться с вашим медвежонком, но вместо него каждый из вас сможет выбрать себе в Шамборе собаку.

Франциск стукнул кулаком по столу:

– Хочу медвежонка.

Он особенно любил этого зверя – недавний подарок, которого назвал Стариной Юлиусом.

Екатерина Медичи метнула на него грозный взгляд, заставивший его сразу замолчать.

– И мы должны подготовиться к приему очень важного и прекрасного гостя: к нам приезжает королева-мать из Шотландии. Да, моя дорогая, во Францию прибывает ваша мать!

Следующие несколько месяцев Мария готовилась к этому событию. Увидеть снова свою дорогую мать! Казалось, возносимые ею на протяжении семи лет молитвы были наконец услышаны. Ведь каждую ночь с момента прибытия во Францию она молила, чтобы ее мать приехала повидаться с ней.

Мария рьяно и усердно занималась латынью, учила наизусть французские стихи и старательно, изо всех сил, штудировала историю. Она докучала оставшемуся с ней во Франции ее стражу Джону Эрскину просьбами рассказывать все, что происходило в Шотландии. Он пытался объяснить ей суть никогда не утихавших проблем и разногласий в отношениях с англичанами, но Мария никак не могла в них

разобраться. Она понимала лишь одно: приезжает ее мать.

Мария де Гиз высадилась во Франции летом 1550 года в сопровождении нескольких шотландских лордов. Король Генрих II и королева Екатерина оказали ей в Руане королевский прием. Воспитатель заставил маленькую Марию заучить наизусть длинное официальное приветствие. Но когда дрожащую от волнения Марию привели в зал, где уже ждала ее мать, она забыла о заготовленной речи и бросилась в объятия матери. Она так сильно прижалась к ней, что у той даже захрустели туго накрахмаленные нижние юбки. Только теперь Мария поняла, что за годы, проведенные во Франции, она еще никого по-настоящему не обнимала.

– О, маман! – воскликнула она, прижимаясь к ней. Голова Марии достигала уже груди матери, и ее слезы оставляли след на расшитом драгоценными камнями лифе платья королевы.

– Ты моя самая дорогая, моя любимая девочка. – Мария де Гиз обхватила ладонями личико дочери и повернула его к себе. – Смотри, как ты выросла! Скоро мы уже не сможем называть тебя маленькой королевой. – Она оглядела придворных и сказала: – Скоро она будет уже достаточно взрослой, чтобы иметь свой собственный двор и назначать своих официальных представителей.

Мария не могла понять, почему мать так сказала: ведь она еще недостаточно взрослая даже для того, чтобы отстоять желание Франциска взять с собой медведя, когда они поедут

на лето в другой замок. Но она только сжимала руку матери и с обожанием смотрела на нее. Каким наслаждением было слышать этот почти забытый голос!

Мария де Гиз радостно встретила со своими братьями. Трое из них уселись рядом с маленькой Марией и обсуждали план, касающийся ее будущего. Обучение Марии под руководством кардинала шло как будто успешно, и мать была довольна.

– Я полагаю, что в будущем году вы сможете начать изучение греческого языка, – обратился к Марии кардинал, ее дядя. – Ваше знание латыни довольно прилично. Вы так не считаете? – спросил он сестру.

– Мои знания недостаточно глубоки, чтобы судить об этом, – ответила она, – но, разумеется, добавьте греческий, если вы полагаете, что она к этому готова. А вы, мой дорогой Балафре, как вы оцениваете ситуацию при дворе короля?

Мускулистый герцог заерзал на месте. Долгое сидение явно было ему в тягость.

– Мне кажется, как только наступит подходящий момент, мы должны предложить создать отдельный двор. Но я предупреждаю, что король и королева предпочитают, чтобы она составляла часть их собственного двора.

– Но я не хочу отдельного двора! – внезапно воскликнула Мария. – Мне хочется быть вместе с королевскими детьми, и особенно с Франциском.

– Тебе так нравится Франциск?

– Да. Почему мне все задают этот вопрос?

– Это хорошо, очень хорошо, – промолвил дядя Балафре. – Но помни, тебе придется прожить с ним всю остальную жизнь. И когда ты станешь намного старше, будет лучше иметь свой собственный двор.

– Но почему? И для кого лучше?

– Для вас, дитя мое, для вас, – повторил кардинал. – Если Франциск будет видеться с вами каждый день как со своей сестрой, то может привыкнуть думать о вас именно как о сестре, а не как о будущей жене.

– Но мне будет так не хватать его! – Она не хотела, чтобы ее отправили жить в другой замок, где, несомненно, будет слишком много взрослых.

– Ну, там видно будет, – сказала мать, чтобы успокоить ее. – Возможно, ничего из этого не выйдет.

Когда они остались одни, мать с удовольствием оглядела комнату дочери. Мария показала ей все ящики с красивой одеждой, игрушки, украшенную резьбой детскую мебель. В конце концов мать уселась на маленький столик, взяла руки Марии в свои и заглянула в глаза дочери.

– А теперь поговорим о действительно важных вещах, – сказала она торжественно.

Мария гадала, что бы это могло быть.

– Да, маман.

– О твоей вере. Молишься ли ты столь же тщательно, как готовишься к своим школьным урокам? Ведь это намного

важнее.

– Да, маман. У нас здесь есть капеллан, он очень добрый и образованный человек.

– Тебе уже пора иметь своего исповедника! Я позабочусь, чтобы к тебе был приставлен подходящий священник, только к тебе. Ты понимаешь?

Мария начала было отвечать и тут увидела, какой усталой выглядела ее мать. Вокруг ее глаз залегли маленькие морщинки, а улыбка была какой-то неестественной, вымученной.

– Вас что-то тревожит? – спросила она вместо ответа. – Что вас так беспокоит?

– Жестокость мира, – ответила королева-мать. Она подумала о той ничтожной благодарности, которую она получила за свои усилия в деле освобождения шотландских пленных от каторги на французских галерах. Как только они оказались на свободе, Нокс и его сторонники начали изливать на нее яд, понося ее религию и ее правление. – И все же я скажу тебе – и желаю, чтобы ты это всегда помнила: доброта и добродетель – это высшие достоинства независимо от того, каков мир, в котором ты живешь.

– Я всегда буду стараться быть доброй и хорошей, маман, – сказала Мария. – Я буду помнить ваши слова.

Мария была и счастлива и грустна. Счастлива потому, что предстоял большой праздник, целых три дня, со стрельбой из лука, теннисом, танцами и охотой. Грустна потому, что

предстояло прощание с матерью, которая возвращалась в Шотландию. И все же минул целый год. Она была так счастлива провести его с матерью, что время словно спрессовалось, дни незаметно пролетали за днями.

– Моя дорогая девочка, сегодня тебе разрешается не спать почти до рассвета. В конце концов, тебе уже восемь лет, и после полуночного банкета под открытым небом состоится охота с факелами. Если тебе очень захочется спать, ты можешь улечься в одной из палаток.

– Как солдат! – воскликнула Мария. – Я ведь всегда мечтала об этом!

– Хвала Всевышнему, что ты пока этого не делала, – сказала королева-мать, с любовью глядя на дочь. – А то люди стали бы судачить.

– Но почему? Ведь Изабелла Кастильская возглавляла свое войско и была Великой католической королевой.

Мария де Гиз улыбнулась:

– Тебе тоже хочется, любовь моя, быть Великой католической королевой?

– О да. Это моя мечта. Но я не буду сжигать еретиков. Я ненавижу убийства.

Королеве-матери было приятно, что ее дочь всегда проявляла интерес к вере. Появление ее собственного личного исповедника определенно ускорило духовное развитие дочери за последний год.

– Все ненавидят убийства, – сказала мать. – К сожалению,

иногда приходится их совершать. – Она огляделась. Да, пора уже сказать ей. Мария, очевидно, уже заметила отсутствие леди Флеминг. – У меня для тебя удивительный сюрприз, – начала она. – В твоём окружении появится новое лицо, вместо леди Флеминг я выбрала тебе новую гувернантку – мадам Рене Ралле. Она из Турени, очень проницательная, умная женщина.

– Она молодая? А где же леди Флеминг? – весело и беззаботно спросила Мария.

– Нет, она не молодая, я думаю, ей лет сорок пять.

– О! – Мария помрачнела. – Такая старая!

– Но она жизнерадостна и мудра. Ты полюбишь ее за эти качества.

– Значит, у нее седые волосы? Она выглядит старой?

– Нет, не думаю. Она тебе понравится, я обещаю.

– Но где же леди Флеминг?

Может, следует прямо сказать? Достаточно ли дочь взрослая, чтобы узнать об этом? Но если она не скажет сама, это сделают другие.

– Леди Флеминг оказалась сейчас... неподходящей для этой должности.

– Мать Фламины не подходит? Как? Почему?

– У нее... она... у нее будет ребенок от короля Генриха!

Какой стыд! В результате и сама королева, и ее фаворитка накинудись на шотландку и потребовали ее выдворения. Короли всегда остаются королями, а вот иностранным гувер-

нанткам это не сходит с рук.

– Что?.. – Мария застыла на месте с раскрытым ртом. Леди Флеминг раздевалась и ложилась в постель с королем? Мария видела на картинах в покоях Дианы обнаженных женщин, но это, конечно, аллегорический сюжет, а здесь – нечто совсем другое. – О! – Теперь ее тоже охватило чувство стыда, но она тотчас подумала о бедной Фламинe. Ее мать будет выдворена, а потом у нее появится бастард.

– Я беру ее с собой обратно в Шотландию, – сказала мать. – Там она сможет спокойно вынашивать ребенка вдали от посторонних глаз. Пусть это послужит и тебе уроком. Женщины часто для мужчин – всего лишь развлечение, и нет ничего более преходящего, непостоянного, чем развлечение. Король и королева будут жить как и прежде, и мадам де Пуатье тоже, а вот жизнь леди Флеминг теперь разрушена.

– О! – Мария заплакала, думая о своей подружке и ее матери. Мария де Гиз обняла ее. Какой высокой выросла девочка. Ростом она явно пошла в Гизов. – Хотя, может быть, и не будет разрушена. Я уверена, что король проявит к ней великодушие. А теперь давай подумаем о сегодняшнем празднике. Во-первых, о стрельбе из лука. Свое искусство продемонстрирует шотландская гвардия, а затем и все остальные. Тебе ведь нравится стрельба из лука, правда?

Вечернее состязание по стрельбе из лука было волнующим событием. Двор теперь находился в Блуа. Мишени для стрельбы были установлены в близлежащем поле, неподале-

ку от охотничьего парка и фруктового сада. На только что убранных полях ряды золотистой стерни тянулись к берегу Луары, источая сладкий, усыпляющий аромат. Небо было подернуто легкой дымкой. Шотландцы, разумеется, поразили придворных и их гостей своим искусством в стрельбе, а Мария была под сильным впечатлением от Робера Макдоналда, который смог поразить цель с расстояния в сто пятьдесят ярдов. Она настояла на том, чтобы самой вручить ему награду, и, когда Роб, получая награду, опустился перед ней на колени и подмигнул Марии, она чуть не хихикнула, но вовремя сумела сдержаться.

Здесь собрались король Генрих II, который довольно вяло участвовал в состязании, Гизы – дядя Марии, причем не только старший, Балафре, который, несомненно, был стрелком высшего класса, но и его три младших брата: Клод, Франсуа и Рене. Последнего она видела редко. Клоду, герцогу д’Омаль, было двадцать пять лет, Франсуа – семнадцать (и его уже величали великим приором Галлеи), и Рене, маркизу д’Эльбеф, – шестнадцать. Д’Омаль и д’Эльбеф носили плотно облегающие штаны и очень много пили, они все время улыбались Марии, будто она им действительно очень нравилась.

«Как они не похожи на моих шотландских родственников, – думала она. – Судя по всему, все Гизы – и здесь их так много! – бывают либо солдатами, либо священниками. Я знаю еще четверых, и все они или священники, или монахи».

Наступила очередь придворных дам принять участие в состязании. Вперед вышла Диана де Пуатье. На ней, как обычно, был наряд в черно-белых тонах. Платье было греческого покроя, свободное, летящее, перехваченное черными ремешками. Даже лук и стрелы у нее были из черного эбонита с инкрустацией из кости. Она вышла на линию стрельбы и с легкостью выстрелила, попав почти в самую цель. Король и Екатерина Медичи тепло поздравили ее.

Хорошо стреляла Ласти, менее удачно – Битон (но ее это никак не огорчало), а Сетон – еще хуже. Фламина смело вышла вперед, как бы бросая всем вызов: смотрите на меня! Она высоко держала голову и прекрасно справилась со своей задачей. Ее поздравляли и хвалили не столько за стрельбу, сколько за мужество.

Затем на линию стрельбы вышла Мария и, ко всеобщему удивлению, точно поразила все мишени. Раздался хор одобрительных возгласов. Мария же хотела лишь одного – увидеть в глазах Роба гордость за нее. Она повернулась и поклонилась, уступая место следующему стрелку.

Мария де Гиз взяла с собой в поездку несколько шотландцев, и теперь ее дочь наблюдала за тем, как они один за другим выходили стрелять. Среди них был похожий на бочку граф Хантли, наслаждавшийся вниманием публики. Она знала, что он является одним из самых влиятельных представителей католической знати с севера страны и обладает большой властью, но он казался ей тщеславным и даже несколь-

ко смешным, настолько он важничал и рисовался перед собравшимися.

Недаром его прозвали Северным Петухом, подумала она, он и впрямь похож на петуха. У него красное лицо, и он кукарекает. А зад его оттопыривается так, будто он готов выставить напоказ хвост из перьев.

Она начала хихикать, и стоявшая рядом Ласти спросила:
– Что это тебя так рассмешило?

– Граф Хантли похож на петуха, – ответила Мария, и Ласти тоже рассмеялась, а за ними и все дети.

Затем вышел человек с величественными манерами, выглядевший действительно знатной персоной. Хотя таковой он не был: это был Ричард Мейтленд из Леттингтона, один из личных советников Марии де Гиз. Он был простым землевладельцем, юристом и сочинителем стихов, которые писал для собственного удовольствия. Рядом с ним был молодой человек довольно приятной наружности, которого он представил как своего сына Уильяма.

– Он учится здесь, во Франции, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы представить его вам, – обратился он к Марии де Гиз. – Когда он вернется на родину, то будет готов служить вам.

Мария де Гиз лишь небрежно кивнула, а Фламина прошептала Марии:

– Он такой красивый!

Мария гадала, уж не притворяется ли Фламина, будто ин-

тересуется подобными вещами, и не хочет ли этим просто показать, что ее не волнует ситуация, в которой оказалась ее мать. На самом деле Уильям Мейтленд был несколько не привлекательнее многих находившихся там мужчин, но Мария кивнула в знак согласия.

Здесь присутствовали и более дальние родственники Марии – Стюарты из Леннокса: выразить почтение прибыли Джон, сеньор д’Обиньи, и некоторые кузены. Эта ветвь Стюартов восходила к шотландским предкам, которые прибыли во Францию сто пятьдесят лет назад и стали теперь почти совсем настоящими французами: они приняли даже французское написание своих имен. Она вспомнила как Роб сказал, что связь между Францией и Шотландией уходит корнями в далекое прошлое.

Мужчинам были предложены освежающие напитки, а дети отдыхали в тени больших деревьев на расстеленных на земле одеялах. Мужчины помоложе, в том числе и король, ушли играть до сумерек в теннис.

Когда Мария проснулась, то увидела, что слуги устанавливают под деревьями обеденные столы. Они накрыли их тонкими льняными скатертями, и кроме свечей, расставленных примерно через каждые пять футов, на ветвях деревьев были развешаны гирлянды фонариков.

Наступили сумерки, и небо окрасилось в синевато-пурпурные тона. Тени вокруг деревьев, стогов сена и видневшихся вдали заборов напоминали небольшие синие озера.

С дальнего конца поля доносился ласковый, теплый ветерок; от его нежных прикосновений шелестели и шептались листья деревьев. Затем появились светлячки – огонек здесь, краткая вспышка света там, – и Мария увидела движущуюся по полю по направлению к банкетным столам процессию людей со свечами в руках. Краски заката играли на их одеждах. Слышался их веселый смех. Впереди шли музыканты, игравшие на старинных флейтах и лютях. Они были похожи на фигуры с выцветшего гобелена, и даже музыка звучала как-то приглушенно. Вот они наконец приблизились и обрели реальные черты нарядной и шумной толпы: король, переодевшийся в бархатный наряд и покрасневшийся после игры в теннис; королева, сверкающая драгоценными украшениями, которые совсем не выглядели странно на этом фоне и под открытым небом, а даже напротив, придавали какую-то особенную торжественность всему происходящему; Диана, вновь переодевшаяся теперь уже в сверкающее платье из тонкой, как паутина, ткани; мать Марии в зеленом, модно расшитом шелковом платье со шкатулкой в руках, обтянутой бархатом и изукрашенной серебром.

Всех рассадили за столами. Музыканты продолжали играть. Совсем стемнело, и мерцали лишь свечи, фонарики и светлячки; мягкий, призрачный свет окутывал собравшихся здесь французов и шотландцев, родственников и друзей Марии; и всех их она любила неистойвой, вздымавшейся в ее душе, словно морская волна, любовью. Во Франции, сре-

ди всех этих людей, собравшихся вместе под сенью деревьев этой благодатной ночью, она чувствовала себя всеми любимой и надежно защищенной.

В конце ужина, когда Мария де Гиз должна была произнести прощальную речь, она открыла шкатулку, и Мария увидела в ней что-то красное и сверкающее.

– Это сокровище я оставляю на хранение королю и королеве вместе с другим сокровищем – моей дочерью. – Эта драгоценность принадлежала ее бабушке, Маргарите Тюдор. Она была подарена ей по случаю бракосочетания с Яковом IV. – Мое сокровенное желание состоит в том, чтобы она была вручена королеве Марии в день ее бракосочетания с дофином Франциском. Прошу вас, примите сокровище и храните его до поры. – Она церемонно вручила шкатулку Генриху II.

Он уставился на заключенное в шкатулке сокровище, и в его обычно равнодушном взгляде отразилось волнение.

– Бог мой! Какая она огромная! – Пораженный, он вынул украшение из шкатулки и представил на общее обозрение. Это была брошь в форме английской буквы «Н», усыпанная рубинами и бриллиантами.

– Вот поэтому она и называется «Великий Гарри⁵», – заметила Мария де Гиз. – Храните ее как следует.

Ужин закончился за полночь. Однако компания решила

⁵ «Н» – начальная буква мужского имени Харри или Гарри – уменьшительного от Генриха.

отправиться на охоту с факелами. Лошади и свора собак для охоты на красного оленя в поросшей вереском окрестной степи были уже наготове. Детей на охоту не взяли, и они стояли, наблюдая, как веселый шум и огни факелов постепенно тают в темноте.

Уже засыпая, дети изредка слышали доносившийся откуда-то издали лай собак.

Отбывая в том же месяце обратно в Шотландию, Мария крепко обняла Марию и обещала скоро вернуться.

– Приезжай скорее, – сказала Мария, стараясь не расплакаться. Это было бы так неуместно в присутствии множества людей!

– Приеду, как только смогу, – ответила мать. – Но в мыслях своих я каждую минуту буду с тобой.

– Я люблю тебя, дорогая маман, – прошептала Мария, но в это время подошел король Генрих, и ее мать уже не услышала этих произнесенных шепотом слов.

Глава 9

Годы спустя, когда она вспоминала это время, Марии казалось – хотя на самом деле это было не так, – что во Франции, где она выросла, круглый год лето. Воздух свеж и ласков, насыщен ароматом луговых цветов, созревающих слив и абрикосов. Сумерки – медленно угасающие, молочно-туманные, теплые; в меркнувшем свете, когда зажигаются фонари, камни дворцовых стен начинали светиться. Огромные, бледные, с бархатистыми крыльями ночные бабочки залетали в открытые окна и кружили вокруг белых восковых свечей в подсвечниках.

Цветом Франции был белый: в водах, заполнявших дворцовый ров, плавали белые лебеди; камень, добывавшийся в бассейне Луары и использовавшийся для строительства дворцов, имел удивительное свойство – с годами обретать еще более яркую белизну; большие белые камины украшались позолоченными королевскими гербами с изображением саламандр и дикобразов. Придворные дамы умывались молоком ослиц, и повзрослевшая Мария следовала их примеру; королевский символ Франции – белая лилия.

На Пасху, на первом церковном причастии, на Марии было ослепительно-белоснежное платье; ее каштановые с рыжим оттенком волосы украшала диадема с лилиями; а в руках она держала четки из слоновой кости, подарок бабушки

де Гиз. Когда ей исполнилось двенадцать лет, после продолжительной подготовки со своим исповедником, отцом Мамро, Мария не могла дожидаться церемонии первого церковного причастия. И вот наконец ее дядя, кардинал, объявил, что она вполне готова к этой церемонии.

«Самый счастливый день в моей жизни, – писала она той ночью в своем дневнике и в письме к матери в Шотландию. – Дорогая мамочка, наконец я становлюсь истинной дочерью церкви... – Она закрыла глаза и вновь представила себе у алтаря лилии Мадонны с раскрывшимися венчиками, будто готовыми пропеть аллилуйю, толстые мерцающие пасхальные свечи безупречной белизны и нежную улыбку на лице Девы. – Сегодня я заглянула в рай».

А здесь, на земле, во Франции все купалось в роскоши. Взрослея, она все больше и больше осознавала это. Для услаждения вкуса и аппетита придворных к столу подавали паштет из форели с земляникой из Сомюра и дыни, когда-то впервые посаженные неаполитанскими садоводами в бассейне Луары; пирожные из Тура и аннонвильское вино, отличавшееся тончайшим букетом. Обоняние ублажал чудесный запах духов – плод благих трудов итальянских парфюмеров Екатерины Медичи, извлекавших пьянящие ароматы из полевых цветов Прованса. Духами орошали запястья, шею, перчатки и пелерины. Запахи гиацинта, жасмина и сирени стояли во всех комнатах дворца. Умощенная мазями кожа ощущала ласковое прикосновение шелка, бархата,

меха и перчаток из мягчайшей оленьей кожи. В конце дня тело утопало в подушках, набитых гусиным пухом; зимой же новые германские изразцовые печи, установленные в Фонтенбло, обеспечивали центральное отопление.

Глаз постоянно ласкала красота предметов обихода и весь антураж: хрустальное зеркало, декорированное бархатными и шелковыми лентами, пуговицы с вставленными в них драгоценными камнями, картины Леонардо да Винчи; нависающая над струящимися водами реки Шер длинная дворцовая галерея, пол который выложен наподобие шахмат черными и белыми мраморными плитами; отражение фейерверков в водах реки.

Слух услаждали пение ручных канареек, лай охотничьих собак в королевских псарнях, не имеющих себе равных; плеск и журчание воды в фонтанах и искусно устроенных водоемах, и надо всем этим мелодичное звучание изысканной французской речи; остроумные беседы, чтение стихов, в которых поэты воспевали часто с меланхолическим рефреном бренность всего сущего, этот аристократический мир мечты, в котором они обитали.

Но Марии и ее компаньонам все это казалось вечным, навсегда данным, а сентенции поэтов – чистейшей литературной условностью. Были, конечно, и кое-какие перемены: королевская семья продолжала множиться, и в детской детей становилось все больше и больше. Екатерина Медичи начала тучнеть, и талия исчезала уже не только во время беременно-

сти. Диана де Пуатье, эта не подвластная времени дама, хотя внешне и не менялась, но тем не менее и она занялась эскизом для собственного склепа, который по ее замыслу должен был быть сооружен из белого мрамора (а из чего же еще?).

Однажды в полдень Мария, находясь в покоях графини, наблюдала, как Диана, сидя за туалетным столиком, перебирала свои духи и щетки для волос в серебряной оправе. Прямая, как всегда, осанка, серебристые, еще густые волосы зачесаны наверх и схвачены бриллиантовой заколкой. Но на ее лице в эту минуту расслабления отражалась печаль. Внезапно она повернулась к Марии и сказала:

– Вы будете красивее меня. – Мария начала возражать, но графиня оборвала ее: – Пожалуйста, не возражайте, я знаю, что говорю. Так будет, и примите это как должное. Я горжусь, что вы будете моей преемницей, и рада передать вам эту миссию.

Мария смутилась, ей было неловко. Уж не страдает ли Диана смертельной болезнью? Не выражает ли она свою последнюю волю?

– Мне пятьдесят пять. Разве уже не пора? Я правила достаточно долго, будучи в расцвете красоты. Но это – тяжелое бремя. Теперь вам нести его! – Она жестом указала на свой портрет с обнаженным бюстом. – Вы не шокированы? Вы никогда не стали бы позировать в таком виде?

– Нет, мадам, – ответила Мария тихим голосом, но не утерпела, чтобы не спросить: – А когда был написан этот

портрет?

– Всего несколько лет назад, а вот теперь вы шокированы! Но не надо. Художники щедры; не только Бог может создать нечто из ничего! Наши придворные художники тоже способны на это.

Марии всегда нравилось наблюдать за тем, как графиня двигается, говорит.

– Вы с вашей красотой будете править вечно, – сказала она. – И это не та должность, с которой можно уйти в отставку, как, например, с должности лорда-канцлера или королевского казначея.

– Увы, это так. Торопитесь и вырастайте, тогда вы сможете заменить меня. Время будет работать на вас и против меня.

Двое старших дядьев Марии все больше укрепляли свое положение и власть. Дядя-кардинал смог расширить сферу своего влияния, а дядя Балафре, отвоевав Мец у римского императора Карла V, воевавшего против Франции, стал блистательным военным героем. В Шотландии Мария добилась назначения ее матери регентом, и шотландцы продолжали предпринимать попытки выдворить англичан из страны. В Англии скончался Эдуард VI, и его трон унаследовала сводная сестра, Мария Тюдор, ярая католичка. За считанные месяцы она сделала Англию вновь католической страной и вышла замуж за испанского короля Филиппа II. Для Франции это было катастрофой, так как возникла угроза объединения против нее Англии и Испании. Но это означало также, что

Шотландия в силу своего географического положения стала для Франции очень важным союзником.

В одиннадцать лет Мария получила свой собственный двор, и, когда пришло время, она с радостью покинула королевскую детскую, которая была теперь перенаселена. Теперь там было шестеро детей Валуа. Мария все больше ощущала на себе неотступный контроль, которому Екатерина Медичи подвергала всех детей, и, избавившись от него, испытывала облегчение.

Королева все более подпадала под влияние различных предсказателей судьбы и астрономов, особенно одного, по имени Нострадамус. Она распорядилась пригласить его, чтобы он предсказал судьбу ее детям. Увидев Марию, он сказал: «Я вижу кровь вокруг этой светлой головки!», что вызвало у Марии раздражение и подавленность от мысли, что предсказание может сбыться. Обеспокоенность словами астролога, который всего лишь исполнил свою обязанность, передалась и Екатерине, которой следовало бы проявить больше такта.

При дворе Марии остались четыре Марии, Джон Эрскин, отец Мамро, мадам Ралле и доктор Бургуэн. Марии нравился доктор. Он был очень молод, только что окончил учебу в Падуе. При ней все еще состоял оркестр шотландских музыкантов, она любила слушать музыку своей родины, хотя французы подсмеивались над ней по этой причине. Между собой шотландцы иногда говорили на родном языке.

Оставаясь наедине с собой, Мария смотрелась в зеркало,

размышляя над словами Дианы. Она красива? Станет ли она еще выше ростом? Когда ее тело станет женственным, будет ли она грациозной и приятной? Становясь женщинами – это она знала, – девочки очень меняются. Она надеялась – если это не свидетельствовало о ее слишком большом тщеславии, от чего ее предостерегал отец Мамро, – что будет незаурядной.

К четырнадцати годам образ Марии стал предметом вдохновения для поэтов. Они воспевали ее в стихах как идеал красоты всех времен. Мария старалась помнить предостережения Дианы, что красота – это бремя, но не могла не испытывать удовольствия от таких слов, так как они отвечали ее тайным мыслям.

Придворный историк, Брантом, писал: «В пятнадцать лет красота ее начала сиять, подобно солнцу на полуденном небосводе». Он воспевал ее руки «такой прекрасной формы, с какой не могли соперничать даже руки самой Авроры».

Пьер де Ронсар, первый поэт группы, называвшейся «Плеядой», по имени созвездия из семи звезд, излил свои чувства в словах: «О, прекрасная и блестящая красотой еще больше, чем прекрасная и пленительная Аврора».

Его собрат по «Плеяде», поэт Жоашен дю Белле писал: «О, эта Ваша красота – слияние природы и искусства и воплощение прекрасного начала в этом мире...»

И далее: «Преданья говорят, что Геркулес своим глаголом мог сковать людей тройной стальной цепью. Ее же взгляд ма-

гического свойства всех тех, на ком был остановлен, превращал в ее рабов без ощущения плена».

Художник Франсуа Клуэ писал ее портреты, жалуясь, что она, будучи бабочкой или неким иным живым созданием природы, не могла спокойно позировать, и поэтому ему не удавалось уловить и передать ее очарование. Он сделал с нее миниатюру на фоне драгоценных камней: она была изображена на сапфирово-голубом фоне, в розовом платье, но сама она, как ему казалось, получилась какой-то застывшей и манерной, не такой, какой была в жизни. Миниатюра не говорила ее голосом, очень мягким и приятным, как это бывает обычно с подлинным произведением искусства; не смог он передать и нежные оттенки ее кожи; пытаясь передать их полупрозрачное свечение, он добился лишь того, что облик ее получился тусклым.

Только в бронзовом бюсте скульптору Джакомо Понцио удалось схватить ее позу и осанку, изысканный поворот ее тонкой шеи и свойственную ей манеру держать голову. Она позировала скульптору как бы в дневной полудреме, обратив взор в глубины своего внутреннего мира, и художнику удалось уловить в нем беззаботную щедрость юности, которая думает, что у нее в запасе еще тысяча «завтра», и потому в мечтах уносится прочь от «сегодня». Ее волосы забраны наверх в локоны, миндалевидные глаза выражают безмятежность, а маленький рот трогает лишь чуть заметная, почти меланхолическая улыбка, без которой скульптура смот-

релась бы какой-то отрешенной.

Глава 10

При всем этом молодая королева, воспетая как богиня, любила шумные игры, обожала бегать, скакать на лошади и часто сетовала на то, что не родилась мужчиной; ибо тогда она смогла бы носить меч и доспехи. Ее дядя, граф де Гиз, генерал и герой Франции, только что отвоевавший у англичан Кале, уподоблял храбрость девочки своей собственной.

– Да, моя дорогая племянница, у тебя среди всех прочих есть одна черта, в которой я ощущаю родную кровь, – ты столь же отважна, как мои храбрейшие воины. Если бы женщины теперь отправлялись на войну, как это было в древние времена, я думаю, ты знала бы, как достойно умереть. Кому-кому, а уж мне-то это известно, моя дорогая, потому что я наглядился достаточно и на трусов, и на храбрецов. Отвага – это фамильная черта Гизов; посмотри, с какой храбростью твоя мать борется с повстанцами-еретиками, чтобы сохранить для тебя Шотландию. О, для этого требуется настоящая отвага!

– Это так, но вокруг нее враги, – сказала Мария, испытывая боль от этой мысли. Дяде пришлось сражаться против англичан, вторгшихся во Францию, иначе он мог бы прийти на помощь матери в Шотландии. Он был такой чудесный, он мог все.

– И все же она держится очень храбро, – сказал герцог,

одобрительно оглядывая комнату.

Решение отделить двор Марии по достижении ею одиннадцати лет, несомненно, было весьма мудрым шагом. Но скупые шотландцы, конечно, не хотели нести дополнительных расходов по его содержанию, будто это были обязаны делать французы, которые и без того уже тратились на содержание своих войск в Шотландии! В конце концов шотландцы выделили деньги, и меблировка в королевских покоях была вполне приемлемой. Не помешало бы иметь еще несколько ковров, но, пожал он плечами, нельзя выдоить молока из сухого вымени или выжать дополнительные деньги от продажи этого странного, напоминавшего по вкусу корм для скота шотландского печенья, которое так обожали шотландцы.

Он взглянул на Марию, которая уже четыре года как держала свой двор. Все сработало настолько хорошо, что, казалось, сама судьба позаботилась о всех деталях: и о том, чтобы девочка выросла красивой, но доверчивой к людям, готовой верить в то, что люди всегда таковы, какими кажутся; и о том, что она так любит свою мать, которую видит столь редко, что ее чувство было скорее любовью к персоне, существующей в ее пылком воображении и мечтах. Это чувство распространялось и на братьев матери. Все они действовали сообща, ради единой цели – держать в своих руках и Францию, и Шотландию.

Мария, эта высокая, одухотворенная девочка, была той самой осью, вокруг которой и вращалось колесо их амбиций.

Первый шаг был сделан, когда французский парламент убедили провозгласить, что согласно желанию Марии ей должно быть предоставлено право самой назначать своего регента в Шотландии; шотландцы должны были либо согласиться, либо утратить поддержку Франции. Мария незамедлительно провозгласила регентом свою мать. Прежний регент, герцог Арранский, глава дома Гамильтонов, и все его люди покинули страну. Его успокоили передачей во владение герцогства Шательро. В Шотландию прибыли французские администраторы.

Мария де Гиз, со своей стороны, назначила своих братьев хранителями и министрами при дворе Марии во Франции: герцога Франсуа – руководить ее земными делами, а кардинала Шарля – духовными. Под их руководством Мария была способной и послушной ученицей. Когда придет ее время взойти на трон, она будет их прекрасной королевой и их замечательным творением. Теперь, когда был взят Кале, французы ни в чем не могли отказать герцогу; так что наступило время поторопить их с бракосочетанием Марии и дофина, скрепив их брачные узы раз и навсегда.

В Шотландии дела шли не столь гладко. Казалось, шотландцы испытывали чувство отвращения к «иностранцам». Они столетиями ненавидели англичан. А теперь, когда рядом оказались французы, они стали ненавидеть их еще сильнее, чем англичан. Они будто забыли, зачем пришли французы – прежде всего чтобы избавить их от англичан, – и к

тому же французам это обошлось очень дорого! И вот теперь они начали восставать против французов.

– Из того, что вы мне сообщили, дорогой дядюшка, ясно, что скоро нам понадобится еще больше войск.

– Мы пришлем столько, сколько понадобится, – ответил он уверенно. – Эта страна никуда не уйдет из твоих рук. Франция этого не допустит!

– О, если бы я была мужчиной! Я бы сама сражалась с ними!

Герцог улыбнулся:

– Как твой предок Карл Великий! Как твой другой предок Людовик Святой в крестовом походе против неверных! Да, я уверен, что ты бы сражалась!

Он смотрел на ее тонкую стройную фигуру, ее сияющее, как у юного рыцаря, лицо.

– Какая ты высокая! – сказал он неожиданно, осознав, что ведь она с него ростом, около шести футов. – Опять же как истинная представительница Гизов! – Он обнял ее за плечи; при всем ее росте кость у нее была очень тонкая...

– Так во мне нет ничего шотландского? – спросила Мария, и он не мог понять, какой ответ она хотела услышать. Странно, ведь обычно он мог читать ее мысли. – Ничего от Стюартов?

– Иногда, когда ты одеваешься «а-ля дикарка» в меха и пледы, – настороженно ответил он.

Она выглядела так прелестно в таком варварском наряде,

который любила иногда надевать.

– Что я надеваю – это внешняя сторона дела. Я имею в виду внутренний мир, – настаивала она.

– Ну, хорошо. Ты любишь шотландскую музыку. Для исполнения этой вашей... такой необычной музыки ты сохранила собственный оркестр.

– Я ее обожаю, – упрямо ответила Мария.

– Да, это как раз и доказывает, что ты – шотландка, ведь для любого другого уха она звучит странно.

Позолоченные настольные часы начали отбивать одиннадцать ударов, отмечая каждый час отдельным колокольчиком.

– Вам это нравится? – спросила Мария.

– Очень! – Герцог стал внимательно рассматривать раскрашенный циферблат часов с черными цифрами на слоновой кости. У часов были маленькие золотые ножки, а на циферблате был изображен мечтательный лик Луны.

– Я подарила их сама себе, – призналась она. – Я не знаю, почему у меня такое пристрастие к всевозможным часам.

– Да, я помню удивительные часы с черепом, которые ты отдала своей – как ее зовут? – Марии.

– А, те часы. – Мария выглядела смущенной. – Они меня тогда покорили всеми этими звоночками внутри крошечного серебряного черепа, выгравированными знаками времени и символами вечности. А Мария Сетон... она тогда целиком отдалась религиозным обрядам и молитвам... Часы были та-

кие маленькие, что их удобно брать с собой в часовню. Таковую вещицу, вероятно, жаждал бы иметь любой монах.

– Предполагается, что монахи не должны жаждать. – Он улыбнулся, и большой шрам на его щеке, из-за которого его в народе прозвали Балафре, растянулся во всю длину.

– Но зато другие жаждут иметь вещи монахов, – сказала Мария. – Помните старого Гарри Английского – он просто выгнал монахов и забрал их имущество.

– Если мне позволено так сказать, ваша светлость, он по крайней мере действовал честно, в отличие от вашего отца, который подстрекал своих придворных и бастардов расправляться с аббатами богатых монастырей и забирать все, что они пожелают. Даже ваш брат Джеймс Стюарт содействует разграблению своего собственного монастыря – как он там называется – Сент-Эндрюса. А ведь кажется таким ханжой и таким степенным!

У герцога не было нужды прибегать к лицемерной щепетильности. Он встречался с Джеймсом дважды, и оба раза он ему не понравился.

– Ваш отец, – продолжал он, – фактически сделал всех своих бастардов приорами, обеспечив их благополучие за счет церкви. Разве не так? Джон Стюарт – настоятель Колдингема, Роберт Стюарт – Холируда, другой Джеймс – настоятель Мельроза и Келсо, а другой Роберт – Уайтхорна. Адам Стюарт – настоятель Чартерхауса в Перте. Настоящее семейство святых людей!

Слушая нападки на отца, Мария чувствовала, как внутри у нее все закипает от гнева.

– Намного ли благороднее поступают у вас здесь, во Франции? Каким это образом ваши три брата стали кардиналами? Два кардинала и один великий приор ордена Святого Иоанна Иерусалимского? Почему добрый дядя Шарль был назначен кардиналом, когда ему было всего двадцать три года? При этом назначен самим королем. За что? За его высокоморальную, набожную жизнь?

Балафре был поражен. А она с характером, подумал он. Это нехорошо. Было бы куда лучше, если бы она была более послушной. В последнее время она задает слишком много вопросов.

– Я предоставлю ему самому ответить на этот вопрос, – мягким тоном ответил герцог, заметив, что слуга открывает дверь перед припозднившимся гостем. Он должен был прибыть еще в половине десятого.

– Пардон, пардон, – произнес кардинал. – Прошу извинить меня за опоздание!

Когда он подошел к Марии и герцогу, улыбка осветила тонкие черты его лица. Его голубые глаза цвета мартовского неба над Луарой и бледное лицо цвета слоновой кости придавали ему своеобразную привлекательность, если бы не слабый подбородок, который не только не скрывала, но еще больше подчеркивала раздвоенная весьма жиденькая борода. Ее спутанные волосы цеплялись за безупречно отглажен-

ный и накрахмаленный воротник. «И зачем он носит эту бороду, она так портит его лицо?» – уже не впервые подумала Мария. Она постоянно надеялась, что в следующий раз он придет без нее, но ее всегда ожидало разочарование.

– У меня много всяких новостей, и хороших и плохих, – сказал он, похлопывая по своей бархатной сумке.

– Не поесть ли нам сначала? – промолвил герцог. – Новости любого рода перевариваются лучше на полный желудок.

Он был очень голоден. Во время последней кампании в Кале он позволял себе есть только рацион своих солдат, весьма скудный в зимнее время. И все же они победили, предприняв в январе внезапные атаки... теперь, до возвращения на поле боя со всеми связанными с войной лишениями, ему необходимо было плотно наесться.

– Конечно, – сказала Мария, приглашая их к своему обеденному столу в дальнем конце комнаты. Она естественно и просто уселась на почетное место под балдахином с изображением королевского герба: в конце концов, она – правящий суверен. Для нее есть не под королевским балдахином – это все равно что чувствовать себя раздетой.

Она подала знак слугам, и они начали вносить различные блюда, всего около тридцати перемен. Хотя многие из них представляли обычное дворцовое меню – фаршированные угри и лещи, цыплята в уксусном соусе, гуси и утки, – она ввела в рацион одно-два деликатесных блюда, что было нелегко исполнить зимой и осенью. А до наступления весны

было еще далеко.

Слуги подали покрытый карамелью пирог с яблочной начинкой, который вызвал у кардинала неподдельный восторг. Мария была довольна: ведь кардинал славился своим разборчивым вкусом и пристрастием к новым блюдам. Подцепив позолоченной вилкой довольно внушительный кусок, он отправил его в рот: от усердного жевания его борода так и двигалась вверх-вниз, вверх-вниз.

– Изумительно, моя дорогая. Правда. – Он улыбнулся и отпил из венецианского хрустального кубка сладкого крепкого анжуйского вина. В его глазах светилось чувственное удовольствие.

Едва они покончили с последним блюдом со сладостями, сгоравшая от нетерпения Мария спросила:

– Так каковы же ваши новости? Пожалуйста, не томите нас.

– Ну вот, слушайте. – Он улыбнулся и смахнул крошку с бархатного рукава. – Война идет для нас столь успешно, что, похоже, сам Господь Бог на нашей стороне. Филипп и его английские прихлебатели поджали хвосты. – Он сделал паузу. – Но это новости для моего брата. А для тебя, моя малютка, у меня вот что: я только что получил вести из Шотландии. Условия бракосочетания одобрены, и девять посланцев, в том числе и твой брат Джеймс и несколько представителей высшей знати, на следующей неделе отправятся морем, чтобы прибыть сюда для составления юридических документов

и... присутствия на твоём бракосочетании с дофином Франциском!

– О, когда?

– Приблизительно через три месяца, в апреле. Свадебная церемония состоится в разгар весны. Хватит ли у тебя терпения ждать до тех пор?

– Я ждала целых десять лет. А это время мне понадобится, чтобы подготовить свадебное платье. Оно будет белым, я люблю белый цвет, цвет цветущего грушевого дерева.

– Белый – это торжественно-траурный цвет, – скороговоркой промолвил кардинал, как всегда модно одетый. – Он может принести несчастье.

– Я не верю в такие вещи. Белый – это мой цвет, я выбрала для себя белый цвет, – повторила она упрямо. – Брантом утверждает, что я лучше всего выгляжу в белом. «Белизна ее лица соперничала с белизной ее вуали...»

– Вы сказали, что есть и другие новости, – заметил герцог, которому наскучили все эти разговоры о платье.

А кардинал явно предпочитал оставаться в мире вуалей и шелков. Он вздохнул:

– Да, почти в то же самое время, когда восемь посланников дали согласие на брак, некоторые из них подписали некое соглашение, или ковенант.

– Что такое ковенант? – жестко спросил герцог. – Звучит как нечто исходящее из Женевы, какое-то протестантское слово.

– Величая себя Первым отрядом Конгрегации, они поклялись работать на благо реформированной религии в Шотландии.

– Протестанты! – ахнула Мария в испуге, будто у нее над головой пролетела летучая мышь.

– Протестанты! – злобно воскликнул герцог. – Я так и знал! Я знал, что этому грязному проповеднику Ноксу удастся обратить в свою веру еще больше шотландцев.

– О, это у него получилось. Обращенные есть теперь повсюду. – Кардинал достал из сумки трактат. – А вот его последнее творение.

– Блеющего дурака следует заставить замолчать. – С этими словами герцог взял у него трактат, затем передал его Марии.

Прочитав заголовок «Первый зов трубы к борьбе против чудовищного женского правления», Мария спросила:

– О чем же он говорит?

Она молча продолжала читать: «Содействовать женщине в достижении каких-либо ступеней правления, превосходства, владычества, имперской власти в любой сфере, в стране или в городе противно природе и Богу... так как их взгляд на гражданские дела слеп, их советы – глупы, а суждения безумны. Я утверждаю, что природа предназначала им быть слабыми, хрупкими, нетерпеливыми, ничтожными и глупыми, а опыт показывает, что они непостоянны, изменчивы, жестоки и им недостает разумности и дисциплины...»

– И в том же духе еще на множестве страниц, ваша светлость, – заметил кардинал. – Масса ссылок на Ветхий Завет, чисто протестантская манера, очень утомительная. Все это он пишет против трех Марий – вас, вашей матери и более всего против Марии Тюдор из-за ее приверженности католицизму. Послушайте этот отрывок, он весьма забавный. – Кардинал стал водить пальцем по строкам манускрипта: – «Да будет проклята Английская Иезавель⁶ вместе с ее ядовитыми отвратительными папистами... мужчины и женщины, ученые и неученые – все испытали их тиранию. Так что теперь не только кровь отца Латимера, истинного слуги Божьего, епископа Кентерберийского, благородного ученого Ридли, невинной леди Джейн Дадли⁷ зовут Божье воинство к отмщению, но и рыдания и слезы угнетенных, стенания ангелов, хранителей Господа, и все земные создания, страждущие под их тиранией, плачут и призывают к быстрому свершению возмездия».

Слабенький смешок, сорвавшийся с уст кардинала, был под стать его жиденькой бороде.

– Его проклятия просто ужасны, – промолвила Мария. – Не желает ли он такого же зла и своей матери только потому, что она католичка?

⁶ Иезавель – царица Израиля (ум. в 841 г. до н. э.). Имя Иезавели стало нарицательным для порочных женщин – гордых, властолюбивых и тщеславных богоотступниц.

⁷ Леди Джейн Дадли (Грей) была первой – хоть и не коронованной – королевой Англии. Она же – первая протестантская мученица.

– Но эти проклятия не оригинальны, они полностью заимствованы из Ветхого Завета. Пророки Иеремия, Иезекииль, Наум действительно умели проклинать во имя Яхве. Этот же господин всего лишь их бледная тень.

– Но тень, которая погружает Шотландию во мрак. Этот Нокс постоянно твердит о себе как о пророке, – заметил герцог. – Кто-то должен свершить над ним то, что Ирод содеял с Иоанном Крестителем. Где он теперь?

– Скрывается где-то в Женеве. В прошлом году он пробыл во Франции два месяца, с октября по декабрь. Мне стыдно признаться, что он написал «Первый зов трубы...», находясь на нашей земле.

– Но как я заметил, он не остался здесь для опубликования трактата, и это было весьма умно с его стороны, – заметил герцог.

– О да, он умен. Он прикрывает свою трусость поучением Христа, обращенным к ученикам: «Но когда они преследуют вас в этом городе, уходите в другой». Он оставляет другим сражаться за него и воплощать в жизнь его проклятия.

– Слова для запугивания маленьких детей, – насмешливо возразил герцог.

– В тексте Ветхого Завета содержится такое проклятие: тьма, глад, мор и семь казней египетских... – заявил кардинал, – вот чего надо бояться! – Он пренебрежительно усмехнулся. – Может, мне следует наслать такие проклятия на голову господина Нокса? Но сначала надо бы поднатореть в

том деле. Пока мне лишь известно, что это – слова, которые произносят при отлучении от церкви. – Он снова усмехнулся.

Вновь взяв в руки документ, Мария продолжала медленно его читать. Это заняло немало времени, но наконец она дошла до заключительной части:

«Я не боюсь сказать, что день отмщения, который ожидает это ужасное чудовище, Иезавель Английскую, и тех, кто поддерживает ее ужасную жестокость, уже назначен... когда Господь объявит ее врагом, когда Он изольет на нее свое презрение за всю меру ее жестокости и зажжет сердца тех, кто оказывал ей милость, огнем смертельной ненависти к ней, они исполнят Его приговор.

Ибо, несомненно, вся ее империя и правление есть стена без фундамента: точно так же я оцениваю правление любой женщины.

Но огонь Божьего слова уже охватил эти гнилые проповеди, я включаю в их число папские энциклики и все прочее, и теперь они горят... Когда они будут сожжены, эта прогнившая стена – узурпированная и несправедливая империя женщин – рухнет сама собой вопреки всем усилиям кого бы то ни было и к погибели всех тех, кто будет стараться удержать ее. И поэтому пусть всем будет известно о том, что зов трубы уже прозвучал.

Хвала Богу, да убоятся Его».

– Он же отрицает власть королевской крови, – заявила

Мария, закончив чтение.

– Нет, он отрицает правление женщин, – уточнил кардинал. – Посмотрите. – Он взял манускрипт и зачитал: – «Несомненно, ее империя и правление – стена без фундамента; точно так же я оцениваю правление любой женщины...» Вы просто неправильно поняли...

– Нет, дорогой дядя, это вы неправильно поняли, – проговорила она тихим, внятным голосом. – Или же вы просто стараетесь защитить меня. Когда магистр Нокс разглагольствует перед народом и заявляет, что люди не должны были бы признавать Марию своей королевой, скрытый смысл его слов состоит в том, что они могут не признавать ее королевой, если они так решат. А из этого следует, что народ свободен в выборе своего властителя, и вовсе не королевская родословная является в данном случае определяющим моментом, а волеизъявление народа... Если у них есть право отвергать преемственность королевской власти по принципу кровного родства, то какова же цена королевской власти? Никакой, если Нокс одержит верх. Он заявляет здесь, – она снова обратилась к манускрипту, – что «дерзкое веселье, костюмы и банкеты, устроенные в Лондоне и повсюду в Англии по случаю провозглашения этой проклятой Иезавель королевой, для меня явились свидетельством того, что люди... возрадовались этому бедламу и своей гибели... И они все еще не осознают, что там, где королева – женщина, а власть находится в руках папистов, там неизбежно правит бал сам

Сатана?».

– Сатана в юбке. Это мне нравится, – заметил герцог.

Мария не засмеялась и продолжала читать:

– «Я утверждаю, что возвысить женщину до такой власти – значит не только опрокинуть порядки, установленные Богом, но также осквернить, загрязнить, профанировать королевский трон и престол Господень». Народ – вот кто обязан распознавать волю и выбор Господа, именно это он и проповедует.

Кардинал горестно вздохнул:

– Да, я допускаю, что это одна из возможных интерпретаций, во всяком случае по смыслу. У вас, дитя мое, аналитический ум.

– Значит, Нокс – мой враг! – воскликнула Мария.

– Он и на самом деле враг, – подтвердил герцог. – Ведь, помимо всего прочего, именно ваша принадлежность к королевской династии и дает вам право быть королевой.

– Не пора ли нам встать из-за стола? – внезапно поднявшись, сказала Мария.

Слуги, словно вороны, тут же накинулись на остатки пищи.

Она пригласила обоих гостей в свои покои и отпустила прислугу и горничных.

– Кругом слишком много ушей, а здесь мы можем говорить свободнее.

Герцог и кардинал одновременно удивленно подняли бро-

ви – у герцога они были густые и темные, у кардинала – тонкие и идеально округлые.

– А вы весьма преуспели в политике, – сказал кардинал. – У вас, должно быть, природный талант. Кто-то должен был предостеречь и предупредить нас. – Он многозначительно посмотрел на брата.

– Я многому научилась у королевы, – ответила Мария. – Например, в корреспонденции всегда пользоваться шифром. У меня около шестидесяти тайных шифров, которые я использую в своих письмах. – Она широко улыбнулась.

– Какое трудолюбие! – воскликнул кардинал. – Но помните, что код может быть полезным и надежным только в том случае, если его владелец надежно хранит ключ к нему. Кроме того, есть немало агентов, способных расшифровать коды.

Ему доставило удовольствие появившееся на ее лице выражение разочарования. Ведь она чувствовала себя такой предусмотрительной, взрослой, уверенной в своей безопасности. Настало время продолжить ее обучение. Много ли она знала из того, каково это – быть королевой?

– Чему еще вы у нее научились? – продолжал кардинал. – Есть ли у вас на службе опытный столяр? – Увидев ее ничего не выражающий взгляд, он ответил на ее немой вопрос: – Ну, хотя бы для того, чтобы изготовить, например, специальные потайные ящики для всех ваших пустяковых шифров и магических снадобий, какие есть в комнате короле-

вы в Блуа, где у нее более двухсот ящичков, причем некоторые из них – ложные. Она полагает, что никто не знает, как надавить на плинтус, чтобы открыть их. Но это, конечно, знают все. Или, может быть, просверлить секретные отверстия в полу вашей спальни, наподобие тех, какие просверлены в Сен-Жермен-ан-Лейе, через которые королева наблюдает, как король, как раз под ее спальней, на полу занимается любовью с Дианой.

Мария от изумления раскрыла рот, затем хихикнула.

– Да? Она так делает?

– Конечно, – рассмеялся кардинал, а герцог просто начал хохотать.

– Что сказал бы магистр Нокс? – хохотал герцог во все горло.

– Он сказал бы, что так вести себя их побудила королевская кровь.

Кардинал так захлебывался смехом, что ему пришлось сесть. Из глаз его текли слезы, и он вытирал их кружевным платком.

– Екатерина безумно ревнива, – с трудом выговорил он, задыхаясь от приступов смеха. – Но вместо того, чтобы отравить Диану, как должна была бы поступить всякая порядочная жена из дома Медичи, она всего лишь прибегает к магическим снадобьям. Разумеется, они не срабатывают! Король все еще питает страсть к постели постаревшей Дианы, а Екатерина наблюдает за ними. Эдакое супружество втроем!

– Мне кажется, я убила бы ее, – сказала Мария. Ей было совсем не смешно. – Делить с кем-нибудь мужа? Я бы этого не вынесла. Это позорище! Или, может быть, я убила бы его. Это зависело бы... от обстоятельств.

Как будто Франциск, это трусливое, чрезвычайно робкое существо, был способен когда-нибудь затащить женщину в свою постель, за исключением лишь тех случаев, когда он, весь дрожа, должен был бы исполнять свой супружеский долг, подумал кардинал. Марии нечего опасаться соперниц. Но он только произнес:

– Нет, вы не сделали бы этого. Если бы вы ревновали, это означало бы, что вы любите его. А если бы вы любили, любовь отвела бы вашу руку и не позволил совершить злодеяние.

– Во имя любви совершено немало зла, – заметила Мария.

– Вернемся к личности Нокса, – предложил герцог. – Правда, в Женеве он в безопасности, прячется за спиной Кальвина⁸, но, как только он выйдет из укрытия, я позабочусь о том, чтобы он смолк навсегда. Странно, что Кальвин укрывает его, Кальвин и его люди выступают за послушание правителям.

– Все это лишь означает, что он достаточно хитер и хочет заставить других драться вместо него самого. Эти кальвинисты-негодяи просочились во Францию, они – повсюду, прокрадываются на свои еретические сборища под покро-

⁸ К а л ь в и н Жан (1509–1564) – швейцарский религиозный реформатор.

вом ночи. «Ночные призраки», мы называем их гугенотами⁹. Кальвин посылает им книги и проповедников. Он не покупает им лишь мушкеты и пушки. Во всяком случае – пока.

– Я уничтожу их, пока не настало их царствие, – заявил герцог. – Они не смогут пустить здесь свои корни.

– Они уже пустили их, но пока еще не очень глубоко, – заметил кардинал. – Мы должны вырвать их и вышвырнуть вон.

– После того как англичане будут побеждены, – уточнил герцог.

– Нокс не останется в Женеве, – внезапно вступила в разговор Мария. – Он вернется в Шотландию и там будет вредить моей матери.

– Это верно. Он написал ей крайне злобное письмо, – согласился кардинал. – Мне привелось увидеть его копию. Магистр Нокс не пользуется шифром и все, что пишет, публикует. – Он передал ей печатный текст под заголовком, набранным жирным шрифтом: «Письмо регенту Шотландии».

Мария начала читать его, и ее лицо отражало все нарастающее негодование. «Я убежден, – говорилось в письме, – что захваченная Вами власть – всего лишь временная и непрочная, поскольку Вы владеете ею только с разрешения других». Мария сердито встряхнула головой:

⁹ Г у г е н о т ы – приверженцы кальвинизма (одно из направлений протестантизма) во Франции XVI–XVIII вв. Борьба гугенотов с католиками вылилась в так называемые религиозные войны.

– Он имеет в виду меня! Он считает, что она получила власть от меня!

«...Не в укор судьбе, – продолжала она читать далее, – сначала у Вас были отняты всего за шесть часов Ваши два сына, а потом насильственно был лишен (ведь это так!) жизни и чести Ваш муж, а вместе с ним исчезли и память о его имени, и порядок престолонаследия, и королевское достоинство.

Хотя в некоторых странах злоупотребление узурпированной властью или, точнее, тирания допустила женщин к наследованию чести отцов, слава их неизбежно переходит ко двору чужого человека. Итак, я утверждаю, что вместе с ним были похоронены его имя, порядок престолонаследия и королевское достоинство; и если Вы не замечаете крайнего недовольства и гнева Божия, угрожающего Вам и остальным чадам дома Вашего тем же бедствием, то Вы даже еще упрямее, чем я мог бы предположить.

Возможно, Вами подчас овладевают сомнения, какие же такие преступления совершил Ваш муж, Вы и королевство, за которые Господь должен был так сурово Вас наказать. Я отвечаю: за поддержку и защиту самого ужасного идолопоклонства».

– Да, он сравнивает нас с Ахавом¹⁰ и всеми злодеями Израиля, – заметил кардинал. – Вам нет нужды читать все это:

¹⁰ А х а в (Ахаб) – царь древнего Израиля (ок. 874–853 до н. э.), идолопоклонник и злодей, но впоследствии раскаялся.

это совершенно безудержная болтовня. Он никогда не может остановиться и считает, что может повторяться двадцать восемь раз.

Мария продолжала читать, не в силах оторваться от письма и этих злобных и бранных слов: «...Исполненные страха и неверия, и отвратительные убийцы, и развратники, и колдуны, и идолопоклонники, и все лжецы...»

– Это о всех нас, моя дорогая, – заметил кардинал слегка насмешливым тоном.

«...Им суждено оказаться в полыхающем пламени озера, источающего серные пары, и это будет вторая смерть». Мария содрогнулась.

– Мне следует вам кое-что сообщить, – обратился к ней кардинал. Его лицо, пожалуй, впервые за этот день стало серьезным. – Я хочу, чтобы вы услышали об этом от кого-либо другого, а не от своей французской семьи, – подчеркнул он. Встряхивая своей светлой бородкой, он произнес: – Ваш брат Джеймс, прибывающий для участия в вашей свадьбе, присоединился к ним. Он стал протестантом, последователем Нокса. – Кардинал медленно, тяжело чеканил слова, одно за другим, будто проворачивал коленчатый вал: – Он – один из них.

Глава 11

Проснувшись, Мария слушала негромкие звуки птичьей возни. Петь им было еще слишком рано, небо окутывала ночная тьма, но она не могла спать.

«Это моя последняя ночь перед замужеством», – думала она. Означает ли это, что завтра ночью она и Франциск будут в постели вместе? Она знала, что это должно быть так, что это – часть церемонии. Но когда они бывали наедине?..

«Франциск целовал меня, но только делал это точно так же, как дядя Балафре и дядя кардинал, или как я и другие Марии целуем друг друга, говоря при этом: „Добрый день!“ или „До свидания!“ – совершенно точно так же. А что же должно произойти завтра? Я знаю, что мужчины обладают нужными знаниями и опытом, но Франциск еще не мужчина».

Она вздохнула и повернулась на другой бок. Под легким покрывалом ей было так хорошо и уютно в апрельской пред-рассветной прохладе.

Франциск был невысокого роста и едва доставал ее плеча. Кроме того, он никогда не чувствовал себя здоровым. Его мучали кашель, приступы лихорадки; у него было одутловатое лицо. Склонный к нытью, он в то же время был сварлив и придиричив. Единственным человеком, которого он, видимо, считал другом, а не врагом, была Мария, предназначен-

ная судьбой стать его опорой и защитницей. Только при виде ее лицо его озарялось улыбкой, и только ей он давал свои игрушки. Всеми же остальными он апатично командовал. «Бедный Франциск, – думала Мария. – Как я хочу, чтобы он вырос сильным!»

Но ее мысли не простирались так далеко, как следовало бы в этом случае: если бы Франциск был нормальным четырнадцатилетним подростком с раздающимися вширь плечами и грубеющим голосом, если бы он заглядывался на женщин, будущее предстоящего замужества было бы совсем иным.

За окнами уже звучал хор птичьих голосов, и сами окна стали заметно вырисовываться на фоне бледно-пурпурного неба. Белесые рамы, остроконечные арки походили на церковные окна; да это и впрямь был старый монастырь, ставший теперь дворцом архиепископа Парижского. За окнами виднелись ветви деревьев, только-только начинавшие покрываться зелеными листочками. Нашедшие там приют птицы щебетали все громче. Мария погрузилась в сон, птичье пение ее успокаивало. Ей грезился мужчина, рожденный ее воображением, притаившийся среди ветвей. У него было темное лицо – или оно было просто намазано сажей? Он улыбался, и белизна зубов сверкала на фоне скрытого тенью лица. Затем он начал двигаться, и его грация и сила делали его похожим на некое таинственное существо, более, а может быть, менее высокого порядка, чем простой смертный, а возможно даже – на какое-то животное.

Он молча кивнул ей, как бы подавая знак. Или, скорее, она почувствовала желание подняться и следовать за ним, покинуть это безопасное убежище с каменным полом и защищающими ее окнами, выйти наружу и оказаться рядом с ним на качающейся ветви. Подойдя к открытому окну, она ощутила порывы холодного ветра и увидела сверкающую зеленую дымку, создаваемую лучами поднимающегося солнца, которые пробивались сквозь зелень прозрачных и нежных молодых листочков. Свет солнца за его спиной образовал ореол вокруг его головы, мешавший ей рассмотреть его лицо.

Внезапно Мария проснулась. Покрывала соскользнули на пол. Приснившийся ей во сне прохладный ветерок объяснялся всего лишь упавшим одеялом. Солнце еще только вставало; его лучи светили сквозь пока еще голые ветви. Она поднялась и, выглянув в окно, увидела прямо под своим окном черный сук, достаточно прочный, чтобы выдержать человека, но там никого не было...

У нее осталось чувство недоумения и беспокойства. «Мне следует снова лечь в кровать, снова заснуть, а затем проснуться, – подумала она. – Но уже поздно. Скоро придут меня одевать».

Подвенечное платье и мантия висели на деревянной подставке в дальнем углу комнаты, в которой она по собственному настоянию эту ночь спала одна. Она подошла ближе и стала рассматривать свой наряд. Платье было вызывающе белым, таким, как она желала. Когда она вызвала придвор-

ного портного Балтазара и описала ему, какое платье она хочет, он тоже запротестовал:

– Нет, нет, ваше высочество, здесь, во Франции, белый считается цветом траура. Он не подойдет для подвенечного платья! – Балтазар гордился своим знанием тканей и того, как они ложатся и драпируются, он знал даже историю создания каждой ткани и каждого цвета. – Позвольте предложить голубой, цвет майского неба над Луарой.

– Предложить вы можете, – сказала Мария и улыбнулась. – Но я настаиваю на белом.

Итак, они вместе выбрали тонкий белоснежный шелк. Портной расшил лиф платья жемчугом, сверкавшим, как утренняя река.

С одного плеча ниспадала мантия с невероятно длинным шлейфом из серо-голубого бархата, расшитого белым шелком, жемчугом и драгоценными камнями, отчего он был очень тяжелым и его должны были нести за ней два человека. На инкрустированном столике лежала королевская корона, специально для нее изготовленная из чистого золота, усыпанная изумрудами, бриллиантами, рубинами и жемчугом. Рядом с короной в шкатулке из слоновой кости лежала брошь «Великий Гарри» – рубин, унаследованный от ее бабушки Маргариты Тюдор. До этого момента Марии не разрешалось его носить.

Она вынула брошь из шкатулки и поднесла к свету. Солнечные лучи пробудили в рубине волшебство кроваво-крас-

ного внутреннего огня и отбросили трепетно мерцающее отражение его цвета на каменную стену комнаты. Красота камня ошеломила Марию.

«Моя бабушка получила его от своего отца в подарок по случаю свадьбы в четырнадцать лет, когда она была на год младше меня. Она выходила замуж за человека, которого никогда, никогда прежде не видела и который был намного старше ее! Даровал ли этот камень ей хоть какую-нибудь защиту?»

Какая я счастливая! Меня не отправляют в другую страну, чтобы стать женой человека, которого я никогда до этого не видела. Я могу оставаться во Франции и выйти замуж за моего друга.

Однако выйти замуж за друга...

Но бывает, что в брак вступают и по любви, – внезапно подумала она. – Моя бабушка Маргарита Тюдор один раз вышла замуж по политическим соображениям, а в другой раз – по любви. Мой прапрадедушка Эдуард IV Английский тайно женился на простолюдинке. Она была вдовой и старше его. И мой великий дядя Генрих VIII женился по любви, и не единожды, а три раза. И устроил такую неразбериху, оставив дочерей, которые после него ничего не наследовали».

Она улыбнулась при мысли об английском короле-любовнике. Нет, у нее все как положено – ей предстоял заранее обусловленный политический брак, как только наступит ее брачный возраст. Так же было с Екатериной Арагонской и

Екатериной Медичи, Маргаритой Тюдор, Маргаритой Бофор и Мадлен Французской, первой, болезненной женой ее отца...

Однако все браки по любви, наделавшие в свое время много шума, приходились именно на ее кровных родственников, и эта идея ее очень забавляла. Она не могла представить себе ничего подобного.

Ярко светило солнце, и над огромными толпами купцов, лавочников, учеников и трудового люда, заполнивших улицы Парижа, раскинулось безоблачное, пронзительно-голубое небо. В апреле, славящемся переменчивой погодой, судьба подарила Марии Стюарт великолепный ясный свадебный день. Большая часть церемонии должна была проходить под открытым небом, в специально воздвигнутом перед собором Нотр-Дам павильоне. Он был завешен голубым кипрским шелком, расшитым золотыми лилиями и изображением герба Шотландии. Под ногами был расстелен бархатный ковер того же цвета и с такими же рисунками. За последние двести лет парижанам не доводилось созерцать свадьбы дофина, и поэтому они лихорадочно ожидали предстоящего красочного зрелища с музыкой и традиционным щедрым одариванием толпы монетами. Они жаждали увидеть ослепительно великолепное действие.

С рассвета из монастырской части архиепископского дворца слышались звуки фанфар, маленьких флейт и барабанов, будто обещавших: «Ждите, это грядет». И они жда-

ли, ели принесенный с собой хлеб с сыром и ощущали, как солнце, медленно поднимавшееся над городом, постепенно согревало воздух.

Шествие к Нотр-Дам, собору Парижской Богоматери, началось утром: первыми появились гвардейцы и оркестр, сопровождавший процессию знатных гостей. За ними следовали одетые в красные и желтые ливреи шотландские музыканты и менестрели, исполнявшие народные мелодии под аккомпанемент флейт и барабанов. Затем торжественным шагом прошествовала сотня знатных персон королевского двора, за ними – пышно разодетые принцы крови, в фамильных драгоценностях, сверкавших на солнце при каждом их движении. Их шествие продолжалось полчаса; следующими были архиепископ, епископы и аббаты в украшенных драгоценными камнями митрах, расшитых золотом ризах, с огромными церемониальными крестами из благородных металлов и четыре кардинала Франции – братья де Гиз, Бурбон и папский представитель дю Белле.

Затем следовал дофин в сопровождении своих младших братьев – восьмилетнего Карла¹¹ и семилетнего Генриха¹². Франциск двигался механически, устремив взор прямо перед собой, как будто впереди, под этим вздымающимся балдахинном из голубого шелка, его ожидало нечто неприятное: то ли порция лекарства, то ли нравоучение...

¹¹ Будущий король Франции – Карл IX (1550–1574).

¹² Будущий король Франции – Генрих III (1551–1589).

Пауза. Дофин и младшие принцы проследовали, за их спинами развевались бархатные мантии.

Затем появилось белое, сверкающее пятно. Толпа ахнула. Траур? На свадьбе? В мантии серо-голубого цвета, с выражением какой-то небесной отрешенности шла высокая, совсем юная красавица. Ее голова на длинной, изящной шее гордо возвышалась над пышным воротником. Голову венчала корона, длинные волосы свободно ниспадали, как бы подчеркивая ее девственность.

За ней все тянулся и тянулся шлейф ее мантии, почти сорока футов длиной, поддерживаемый двумя миловидными пажам. Даже с далекого расстояния на лифе ее платья было видно красное пятно знаменитого рубина «Великий Гарри».

Остальная часть красочной и пышной процессии восторга не вызывала. Это были всего лишь приземистая, толстая королева, маленькие принцессы и другие благородные дамы и девицы, не привлекавшие особого внимания после только что удалившегося сказочного создания. Невеста заняла теперь свое место рядом с женихом, в окружении слуг с зажженными свечами. Люди напрягали слух, чтобы расслышать клятвы, которыми в павильоне под открытым небом обменивались жених и невеста, но тихие голоса новобрачных не доносились до них. Они видели только, как во время церемонии бракосочетания, совершаемой кардиналом де Бурбон, молодые обменивались кольцами. Они увидели также, как девять шотландских посланников с красными суровыми

лицами выступили вперед, чтобы отдать почести Франциску, своему новому королю.

Герцог де Гиз улыбнулся, услышав, что Мария – благодарение Господу – благополучно выдана замуж, и ничто теперь не может разъединить «узы, скрепленные Господом Богом...», и слава ее мужу Франциску, только что законно получившему титул короля Шотландии.

Перед свадьбой Марии не составило труда убедить ее подписать три секретных документа, согласно которым в случае ее смерти – если она умрет бездетной – Шотландия отойдет Франции. Франциск, таким образом, становился королем Шотландии не только фактически, но и по закону. Даже если сами шотландцы еще не осознавали этого. Невежество всегда на благо тем, кто им не страдает, подумал герцог. Мария была настолько встревожена растущим могуществом лордов Конгрегации, что считала своим долгом скорее навечно обеспечить Шотландии протекторат Франции, нежели позволить ей впасть в откровенную ересь.

Обращение брата Джеймса в протестантскую веру потрясло ее, и она холодно приветствовала его по приезду.

Герцог смотрел на стоявшую рядом с ним Марию, такую юную и сильную. Она казалась самым отрицанием смерти, блистая на церемонии венчания перед алтарем красотой и здоровьем. Документы с их параграфами казались ей абсурдной, ненужной и мрачной шуткой. Она даже смеялась, подписывая их. Шотландцы же совсем не смеялись, упорно на-

стаивая на включении своих условий на случай вдовства Марии: она должна была получать пенсию от герцогства Турень независимо от того, выберет ли она в случае вдовства местом своего пребывания Францию или нет.

Опекуны обеих сторон, ведущих эти переговоры, принимали в расчет и вероятность последствий смерти опекаемого той или другой стороны. И это, подумал герцог, убедительный пример цинизма взрослых, да и вообще любого цинизма.

В толпе раздавались приветственные возгласы. Наступило время, когда, по обычаю, полагалось одаривать собравшихся.

Герцог похлопал в ладоши, требуя внимания, и приказал своим людям начать разбрасывать золотые и серебряные монеты: дукаты, пистоли, полкроны, тестоны, дузэны. Толпа ревела и бесновалась под низвергавшимися на нее, словно апрельский дождь, монетами.

Были устроены два банкета, а затем два бала. Первые – во дворце архиепископа, второй – в старой ратуше, а также шествие по улицам Парижа. Дофин ехал верхом на боевом коне, покрытом попоной, сверкавшей золотом и серебром. Марию несли на открытых носилках, высланных такой же сверкающей тканью. Толпа напирала, стремясь приблизиться к ней и рассмотреть ее лицо и платье. Но лицо ее не выдавало никаких других чувств, кроме благожелательного и вежливого любопытства по отношению к своим подданным.

После второго банкета, где был сервирован тот же черный мраморный стол, за которым много лет назад Генрих VIII принимал гостей по поводу коронации; после танцев, парада масок и пышных представлений с участием лошадей в золотых и серебряных пополах, впряженных в украшенные драгоценными камнями коляски, и сказочных лодок, скользивших под поднятыми серебряными парусами по полу бального зала, факелы наконец были погашены. Померкло отражавшееся в их пламени сверкание тысяч драгоценностей, украшавших грудь, уши, шею и прически знатных дам. Наступила ночь, и гости, один за другим, пересекали мост над плещущейся Сеной и исчезали во тьме, унося с собой тянущийся за ними шлейф благоухающих духов, смеха, музыки и пения. Свет луны играл на усыпанных белыми цветами деревьях в дворцовом саду.

Мария и дофин в сопровождении эскорта направились к королевской опочивальне, где им предстояло провести эту ночь. Кровать была высокой и мягкой, подушки в шелковых наволочках были наполнены свежим гусиным пухом.

Новобрачную ее подружки облачили в нарядную ночную рубашку, они же помогли ей взобраться по лесенке на кровать. За резной ширмой слуги Франциска готовили к брачной ночи своего господина. Он появился в отороченной мехом ночной рубахе королевского голубого цвета и медленно приблизился к кровати. Отстранив руки помогавших ему слуг, он сам вскарабкался на кровать и нырнул под покры-

вала.

– Можете идти, – сказал он важно, махнув рукой. – И вы, дядя, тоже. – Он жестом остановил кардинала Лотарингского, желавшего освятить ложе.

Кардиналу не оставалось ничего иного, как повиноваться.

В двери щелкнул замок, но они оба очень хорошо знали, что подслушивающие будут всю ночь оставаться за дверью.

Франциск обнял Марию за плечи и поцеловал в губы. Поцелуй его по-детски пухлых губ был сладким и нежным.

– Теперь ты моя, и никто не может отнять тебя, – сказал он торжественно и добавил: – Как они это сделали с моей комнатной собачкой и маленьким медвежонком.

– Медведь причинял так много бед, – смеясь, заметила Мария. – Помнишь, когда он убежал в Блуа? И появился в доме мадам Пиллон?

– Дорогой старый Юлиус! Я так злился, когда они его увезли, – промолвил Франциск. Он положил голову на ее плечо и прижался к ней. – Он был такой душка, у него такая мягкая морда... – И тут его сморил сон.

Мария лежала, глядя несколько минут на падавший на пол комнаты лунный свет, пока тоже не забылась сном.

На следующее утро кардинал Лотарингский и герцог де Гиз объявили, что брачная ночь прошла «как и ожидалось – пристойно и должным образом». В отличном расположении духа они удалились в свои комнаты, и доносившийся оттуда звон бокалов свидетельствовал о том, что возлияние в честь

молодоженов продолжалось.

Глава 12

Целый месяц Мария, просыпаясь утром, говорила себе: «Я замужем», удивляясь при этом, отчего же она не ощущает себя другой, не похожей на прежнюю. Она ожидала, что в ней произойдут какие-то глубинные, внутренние перемены, но увы – она оставалась такой же, как всегда. И Франциск был тем же. Когда она называла его своим супругом, у нее было такое чувство, что это – одна из тех игр, которыми они увлекались в детстве, объявляя себя пиратами, воинами или драконами. Именно такое ощущение было у нее, когда, обращаясь к нему, она произносила: «Франциск, супруг мой».

Их учебные занятия продолжались как обычно, но теперь у них был свой двор: Мария просто взяла с собой всех своих придворных: мадам Ралле, своих подружек Марий, отца Мамро и Бургуэна. Они жили и служили вместе с приближенными Франциска, поэтому романтические увлечения не заставили себя долго ждать. Увеличение числа придворных повлекло за собой большие привилегии и большие расходы. Почти все были юными, и двор скорее напоминал общество молодежи, предающейся исключительно играм и забавам.

Днем устраивались пикники, охота и верховая езда; вечером – разыгрывались сценки или затевались танцы, чтение стихов, музицирование и игра в карты. В этот сверкающий яркими красками мир юности и развлечений из взрос-

лых вторгались одни лишь Гизы. Дядя Марии регулярно наносили визиты и, уединившись, дотошно расспрашивали ее об учебе, сообщая, в свою очередь, обо всем, что происходило за пределами ее двора.

Это были в большинстве своем мрачные, неприятные новости: войны, убийства, заговоры, смерти. Единственной отрадной вестью было то, что благодаря бракосочетанию Марии и Франциска шотландцы и французы получили двойное гражданство.

– Это значит, что Франциск теперь шотландец, – произнес дядя-кардинал.

Мария громко рассмеялась: она мгновенно представила себе, как Франциск стоит на холодном ветру посреди двора шотландского замка. Это была бы забавная картина. Она и не подозревала, что в глубине ее души хранится память об этом замке, она уже было стала сомневаться, существует ли он вообще, этот замок, там, высоко в горах, на скале...

– Это означает также, – продолжал кардинал, – что вы – француженка.

– О, я всецело чувствую себя француженкой, – заметила Мария.

– Теперь граждане обеих стран могут свободно пересекать государственные границы; не потребуется ни разрешения, ни паспорта. Это первый шаг к их объединению навечно.

Мария вздохнула:

– Как я хотела бы знать, произойдет ли это на самом деле. Мятежники в Шотландии, похоже, свирепствуют все более и более...

Мысль о том, что они причиняют беды ее нежно любимой матери, болью отзывалась в ее сердце. Мать держится мужественно, пытаясь их одолеть. Но Шотландия так далеко и, казалось, не имела теперь ничего общего с ее жизнью в радостной круговерти дней, не знающей никаких тягот, кроме разве что небольших, легко преодолимых неприятностей.

– Такой день настанет, моя дорогая, – заверил ее кардинал.

Приближалось Рождество, и Мария очень гордилась тем, что теперь сама могла подготовить все необходимое к торжеству. В этом году она и Франциск будут праздновать Рождество в своем собственном придворном кругу и пригласят только тех, кого захотят. Возможно, думала она, именно в том, что у тебя есть собственный дом, что ты празднуешь свое Рождество, а не идешь в гости, и состоит смысл брака.

Французское Рождество! – это означает устраивать ясли, разжигать рождественский костер в огромном камине, отстоять полночную мессу в королевской часовне, освещенной тысячами свечей, слушать духовную музыку... Планируя все это, Мария трепетала от восторга.

Для Франциска она подготовила особый подарок: выпишала из Испании арабского скакуна. Франциск так мечтал о нем, с таким увлечением живописал ей удивительные каче-

ства арабских лошадей: их ум, огневой темперамент, стремительный бег, их деликатную, изящную статью и огромные глаза. О, он будет так приятно удивлен – и вне себя от радости! Только бы хозяин лошади смог ее доставить... Только бы доставили ее сюда здоровой и невредимой.

Радостное волнение охватило ее не только от предвкушения сюрприза, но и оттого, что она проявила такую находчивость и понимание.

Перед самым Рождественским постом Мария неожиданно получила письмо из Парижа: Генрих II желал встретиться с ней. Почему король не пожелал приехать сюда? – подумала она, но послушалась и немедленно отправилась в Париж.

Тотчас по прибытии в Лувр ее, замерзшую и уставшую после путешествия, пригласили к королю. Она едва успела сбросить теплую дорожную накидку, как ее отвели к нему.

– Мария Тюдор скончалась, – торжественно произнес король, перекрестясь. – Я стою сейчас перед новой королевой Англии. – Он склонил голову в знак почтения. – Да, дитя мое, дочь моя. Ваша добрая кузина Мария Тюдор призвана на суд Божий; корону она оставила вам.

Как неожиданно! Как странно! Какое-то мгновение Мария еще лелеяла надежду, что это неправда. Но если это правда, менялось решительно все – а она не хотела никаких перемен. Ведь она была так счастлива и довольна тем, что имела.

– Она назвала меня? – спросила Мария. Всем было извест-

но, что Мария Тюдор отказалась назвать приемницей свою сводную сестру Елизавету, ибо, во-первых, не доверяла ей и, во-вторых, сомневалась в ее праве на трон.

– В этом не было необходимости, – решительно заявил король Генрих. – Вас назвала ваша кровь. Право наследования принадлежит вам.

– Она назвала Елизавету? – настойчиво допытывалась Мария.

– Еретики представляют дело так, будто она назвала ее имя. Но этого не слышал никто из тех, кому можно доверять. Ее единственное доверенное лицо, кардинал Поул, скончался двенадцать часов спустя после смерти Марии Тюдор. Только он знал правду: она могла назвать и не назвала имя Елизаветы. Нет, просто они желают поставить всех перед свершившимся фактом до того, как кто-нибудь воспрепятствует им.

– И вы намерены им помешать? Только не война! Только не новая война!

Ее голос звучал жестко, холодно, и еще жестче были вопросы. После вступления в брак она становилась все более смелой и менее почтительной.

– Я намерен протестовать и посмотрю, как это будет воспринято, – ответил он.

– Один только протест без посылки войск мало что значит. Я слышала хорошие отзывы о Елизавете, а также и то, что народу она нравится.

– Ба! Народу нравится любой новый правитель. В честь Марии Тюдор он тоже ликовал и зажигал бенгальские огни. Это же англичане! А через год они отвернулись от своего сюзерена. Английский грех – предательство...

– А французский грех – разврат, – договорила Мария вторую часть старой поговорки.

«У нее появилось это новое, не совсем приятное качество – эдакая самоуверенность. Я отважу ее от этого», – подумал король.

– Вы отправитесь на похороны королевы Марии; на одной из четвертей вашего королевского герба, выгравированного на столовой серебряной посуде и приборах, следует поместить герб Англии. Того же дизайна герб должен быть изображен на ткани королевского балдахина у трона и кресла, а также на всех королевских эмблемах. Завтра будет банкет, и по моему приказу герольды официально объявят вас королевой Англии.

– Нет.

– Да. Вы должны повиноваться. Я ваш король.

– Я – помазанница Божья, полноправная королева, такой же сюзерен. Я вам ровня, а не ваша подданная.

Король был в ярости. Так вот чем ей забили голову ее дядья. Будто Шотландия – настоящая страна, равнозначная Франции! Идиоты!

– Вы поступите так, как я повелеваю, – сказал он, сощурился и без того узкие глаза.

– Единственное указание, которому я повинуюсь, – это четвертая заповедь: почитай отца своего и мать свою. Я буду чтить и слушаться вас как отца, каковым вы являетесь по закону. Но не как моего господина.

«Дерзкое дитя! – подумал король. – Необходимо ее укротить. Но кто это сделает? Дядья этого не допустят».

– Поступайте так, как я говорю, и скоро вы станете полновластной королевой в реально существующей стране, – сказал он и подумал: у нее есть – должна быть! – амбиция, и поэтому она согласится. – Только подумайте – королевой Англии!

Но вопреки ожидаемому эффекту она помрачнела.

– Я ненавижу вероломство, – сказала она. – Все это – обман и пустые жесты.

– Но быть правителем – значит знать, как делать такие жесты, – жестко парировал король. – Они так же важны, как этикет, законы и даже сражения. Подчас они имеют такой же вес, как все мной вышеназванное!

Глава 13

В Ватикане его святейшество папа Павел VI, сопя и шаркая, приблизился к письменному столу. Его дряхлое тело дрожало от пробиравшего до самых костей холода. В восемьдесят два года он походил на обтянутый кожей скелет. Эта зима была не особенно холодной, и на большой площади святого Петра многие гуляли без пальто. Но в апартаментах святейшего его не могли согреть ни обилие позолоты на картинах, ни изображения знойных песчаных пустынь.

Как ему сообщили, Елизавета Тюдор избрала для своей коронации пятнадцатое января. Это был характерный выбор для жительницы севера. Они там, подумал он, привыкли к суровой погоде и даже к церемониям под открытым небом в такую стужу. Его письмо должно быть получено ею до церемонии; она не должна быть помазана и коронована без учета его пожеланий. Нет!

Он опустил в кресло и жестом приказал одному из стражей поднести жаровню поближе. Ему не требовалось перечитывать ее письмо. Он знал его наизусть. Она просила его признания; только и всего. Но до сих пор он никак не мог определиться со своим ответом. Теперь же, однако, он принял решение: компромисса не могло и не должно быть. Еретик может быть на троне, но английский трон официально является все еще католическим и таковым должен оставаться

ся, а Елизавета должна быть приведена к послушанию и выказать ему должное почтение прежде, чем он соблаговолит принять решение о признании ее королевой.

Своими паучьими пальцами он схватил серебряное перо и начал писать мелким, витиеватым каллиграфическим почерком: «Мы не в состоянии постичь, каким образом наследственное право может принадлежать лицу, не рожденному в законном браке. Королева Шотландская претендует на корону как ближайшая законная наследница Генриха VII. Однако, дочь моя, если Вы соизволите представить этот спор на суд наш, Мы отнесемся к Вашей милости со всяческим благоволением, насколько это допускает справедливость».

Присыпав исписанный лист песком, чтобы осушить чернила, он ощутил себя не менее могущественным, чем святой Георгий.

Вскоре после этого он счел необходимым выпустить буллу, направленную против английской «дочери тьмы». Сидя за тем же письменным столом, он, озадаченный столь быстрым ответом Елизаветы – кстати, адресованным даже не ему, а ее послу в Ватикане, – в котором она писала, что бывший глава итальянской инквизиции сделал то, что от него следовало ожидать.

«Январь, 12, 1559

Настоящим объявляем, что суверены-еретики не могут повелевать и не должны признаваться законными суверенами ни одним членом Истинной церкви. Любое

проявление согласия с ними или повиновение им будет считаться смертным грехом».

Итак, линия фронта в начавшейся битве определилась. Ни о каком соглашении не могло быть и речи. Эту папскую буллу предстояло опубликовать по всей Европе.

Свою коронацию Елизавета устроила пятнадцатого января 1559 года, и, как сообщалось, это была пышная церемония, которую называли «сверкающим бриллиантом зимнего дня». Мария жадно читала все описания этой церемонии: и о процессии по улицам Лондона, и о торжественной службе в Вестминстерском аббатстве, сопровождавшейся громогласными восклицаниями «Боже, храни королеву!», которые выкрикивал народ.

«Жаль, что я почти не помню своей коронации, – думала Мария. – Мне следует попросить мать подробно рассказать о ней в письме, чтобы я могла лелеять в своей памяти все ее мельчайшие детали».

Она должна это для меня сделать, если, конечно, у нее найдется для этого время.

Ибо Марии де Гиз все больше времени приходилось посвящать усилиям упрочить бразды правления в становившемся все более неуправляемым шотландском королевстве.

Протестанты опубликовали воззвание «Нищие взывают», в котором монахам предписывалось передать к двенадцатому мая все имущество монастырей беднякам. Мария со своей стороны приказала всем проповедникам-еретикам к Па-

схе вернуться в лоно католической церкви. В Шотландии, как и повсюду, четко определилось противостояние двух лагерей, готовых к сражению.

В это время Мария, послушно следуя приказу свекра, явилась в трауре на трапезу по поводу кончины Марии Тюдор. При ее появлении герольды закричали: «Расступитесь! Дорогу! Дорогу королеве Англии!» А как только она вошла в трапезную залу, все хором приветствовали ее: «Да здравствует королева Англии!» Едва она села за стол, ей подали кушанья на королевском серебре со свежесвыгравированным гербом, четвертую часть которого занимало – наряду с гербами Франции и Шотландии – изображение английского герба.

Мария надеялась, что кузина Елизавета не обратит на это внимания. Или, старалась уверить себя Мария, если и вправду все эти пустые жесты не имеют никакого значения, то она, как новая королева Англии, безусловно, отнесется к ним с пониманием.

Глава 14

В церкви стоял оглушительный грохот, и разбивавшиеся о каменный пол стекла издавали пронзительный звук – почти как живые существа, подумал Джон Нокс. Да, живые существа, ни за что не желавшие расставаться с душой, но душа эта была злом. Это был дух идолопоклонства, демон, преследовавший род людской с того самого первого мгновения, как Господь вступил с людьми в договор еще во времена Моисея – нет, Авраама. Об этом ясно и подробно говорится в первой и второй заповедях.

«И не будет у тебя другого Бога, кроме Меня. Ты не сотворишь себе ни образа, ни подобия того, что есть на небесах или под землей или в подземных водах; ты не будешь поклоняться или служить им».

Можно ли выразить все это яснее? Но ответом израильтян стал Золотой Телец, а вот это наш ответ, подумал он, пнув ногой разбитую голову статуи Непорочной Девы, валившуюся в нескольких футах от торса. Мы понаделали идолов и молились: девственницам, святым и красивым застекленным картинкам, дабы заманивать людей, побуждать их мечтать и ублажать себя в доме Божьем, будто на воскресном празднике.

Толпа накинула веревку на каменные плечи стоявшей в нише статуи святого Петра, стараясь стащить ее вниз. Они

вопили и смеялись, когда статуя грохнулась на пол и разбилась на куски. За ней последовала статуя святого Андрея, опрокинутого из соседней ниши под еще более восторженные вопли. В воздух поднялись клубы пыли...

– Берегитесь осколков стекла! – крикнул Нокс, и они повернулись к нему, словно послушные дети.

Осколки валялись повсюду, и действительно легко было пропороть ступню или порезать лицо. Если бы кто-нибудь поранился, он чувствовал бы себя ответственным за это.

Но толпа действовала, уже повинуюсь своим законам: люди чуть ли не закусывали на поверженных статуях и руинах церкви. Как же буквально они поняли слова его проповеди об идолах, прочитанной два дня назад здесь, в Перте. Как они жаждали реформ и действий! Кальвин, наверное, был бы горд за него?

При мысли о Кальвине и Женеве его охватило острое чувство ностальгии. «Как было бы хорошо остаться там, учиться у Кальвина, испытывая радость жизни в городе, полностью посвященном Богу, очищенном от идолопоклонства и населенном живущими святыми. Я был бы самым незначительным среди них, – размышлял Нокс. – Всего лишь учеником Кальвина и Фареля. Пока еще учеником. Это было бы подобно первой Пятидесятнице в Иерусалиме, когда Святой Дух снизошел на учеников. Быть там, участвовать во всем этом! Почти рай!»

«Но даже в этом таится опасность – как бы не превратить

в идола и Женеву, – подумал он в отчаянии. – Дьявол обращает против нас даже самое лучшее, что есть в нас, используя наши слабости. Он использует мою жажду праведности, порядка и свободы, дабы заманить меня в ловушку. Если бы я остался в Женеве, то повернулся бы спиной к моей собственной стране вместо того, чтобы помочь ей освободиться от засилья чужестранцев».

– Мастер Нокс! – Они жестаами подзывали его подойти.

Осторожно ступая по заваленному камнями и битым стеклом полу, он миновал неф. Толпа, вооруженная деревянными молотками и железными прутьями, стояла наготове перед украшенной искусной резьбой перегородкой, отделявшей алтарь от остального пространства церкви.

– Благослови наш первый удар! – потребовали они.

Ему не понравился папистский привкус этих слов.

– Разве я епископ? – обратился он к ним. – Может быть, окропить все эти вещи святой водой или воскурить фимиам и пробормотать заклинание над ними? Ну нет! Любая вещь – либо она Божья, либо нет.

Теперь они замолкли. Они были в его руках, он мог повелевать и управлять ими.

– Я утверждаю, что этот алтарь не Божий! – проревел он. – Это мерзость! А что такое месса, как не суеверное языческое действие, столь тайное и богохульное, что прихожанам не разрешается даже взглянуть на него? – Он простер руки, воскликнув: – Долой этот хлам! Уничтожьте его! Пусть не

останется камня на камне!

Зачинщики начали орудовать дубинками, палками, опрокидывая постройки и проламывая дыры в изящной кружевной резьбе.

– Пусть дневной свет проникнет в эту темную пещеру зла и суеверия! Откройте ее для людей! – завопил он, и его крик перекрывал весь этот грохот и вакханалию разрушения.

Накричавшись в своих проповедях и наглотавшись каменной пыли, Нокс почувствовал в ту ночь, что сорвал голос. Ему пришлось отдаться в руки своей супруги Марджори; она приготовила питье из целебных трав и меда и заставила его медленно, маленькими глотками пить это зелье. Ему понравился вкус напитка, но Кальвин учил его остерегаться подобных ловушек; ведь еда и питье должны служить лишь естественному утолению голода и жажды, а не быть источником удовольствия. Чтобы избежать соблазна выпить еще сладкого, теплого поссета, а также побыть в сладостной близости к молодой жене, он заставил себя послушать доклад Патрика, лорда Рутвена. Этот человек уже сам по себе производил настолько отталкивающее впечатление, – даже если он привез более приятные вести, – он вполне мог отвлечь от мыслей о Марджори и о приятном напитке. Грубый, дикий, он, как поговаривали, был к тому же колдуном.

– Королева-регентша поклялась ввести французские войска, дабы разгромить нас, – доложил лорд. – Эта новость получена из Эдинбурга. – Он потрянул всклокоченной головой

и погладил свой палаш, двуручный меч пятифутовой длины, который он повсюду носил с собой. – Мы ей устроим такой завтрак, ей, со всеми ее лягушками: разделаем их, насадим на вертел и подадим к обеду, как они это делают в своей любимой Франции.

– Прошу вас... – поморщился Нокс. Мысль о еде, приготовленной из лягушек, казалась ему отвратительной. – Сколь многочисленны их войска? – спросил он шепотом.

– Две тысячи или около этого. Не беспокойтесь, мы выстоим. «Если Бог за нас, кто против нас?» – с гордостью процитировал он Священное Писание.

Нокс улыбнулся. «Чтобы этот неотесанный лорд-воин, едва умеющий читать, помнил наизусть Священное Писание! Ах, Кальвин, если бы только он мог разделить со мной эту минуту!» – подумал он.

– Истинно так, – сказал он мягко. – Но даже Господу помогает хорошее боевое оснащение. Вспомните завоевание Ханаана. «Господь был с Иудой, и он овладел горою. Но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы»¹³.

Нокс тотчас же пожалел, что сказал это, так как у Рутвена вытянулось лицо. «Не во вред ли я использовал свои познания? – подумал он. – Только запугал своего брата вместо проявления любви к нему. Как же трудно учесть все! Каждый шаг может привести к грехопадению. А гордыня подсте-

¹³ Суд., 1: 19.

регает нас повсюду».

– Здесь Ветхий Завет не имеет широкого распространения, – заметил он. – Мы интенсивно изучали его в Женеве. Но вы увидите, что скоро перевод Библии появится в каждой церкви и проповеди станут свободными. – Острая боль перехватила Ноксу горло. Он замолк и закашлялся, затем сказал: – Но вернемся к нашему делу. Нам необходимо будет оружие для сражений с королевой и ее иностранным войском.

– Я командир и смогу поставить много оружия, – заявил Рутвен. Он улыбнулся, обнаружив крупные зубы, прятавшиеся в густой, похожей на мех бороде. – Добрый господин, я гарантирую, что помощь придет через южную границу от английской королевы, истинной протестантки.

– У вас есть об этом вести? – От волнения Нокс повысил голос и тут же пожалел об этом.

– Слухи. И кое-что поважнее слухов. Наконец свершилось: парламент отверг католицизм Кровавой Марии: Англия теперь снова протестантская страна, официально, уже пять дней тому назад. В лице Англии вы имеете не врага, а надежного союзника.

– Союзника имеет Реформатская церковь, – поправил его Нокс. – Английская королева никогда мне не простит трактата «Первый трубный глас». Она приняла его на свой счет. – И это на самом деле огорчало его. – Она даже отказала мне в разрешении высадиться в Англии, когда я возвращался сюда

из Женевы. Ах, да что там, тем более что теперь она поддерживает нашу веру.

– Это, несомненно, так. Она прогнала монахов, ожидавших ее с факелами для сопровождения процессии, которая направлялась в парламент, сказав им: «Прочь с вашими факелами, мы и так достаточно хорошо видим!»

Рутвен рассмеялся.

– Это хорошо, – одобрил Нокс, ненавидевший монахов, всюду встречающих дураков с тонзурами.

Итак, Елизавета на стороне реформаторов. Тогда пусть она содействует им в изгнании французов и католической церкви из Шотландии.

Старая королева-мать Мария де Гиз – «французская королева», как мысленно называл ее Нокс, издала приказ всем проповедникам-реформаторам к Пасхе вернуться в лоно католической церкви. Когда они отказались, она велела им явиться к ней десятого мая.

«Ответом на это, – размышлял Нокс, – явилась моя проповедь на следующий день, которая послужила началом мятежа, здесь, в Перте. Теперь пусть она столкнется с нашей армией, если сможет пробраться через каменные завалы и руины храма ее покойного попа! – Он громко захохотал, забыв о своей больной глотке. – Господь уберег нас от возвращения ее дочери в Шотландию, на королевский трон, – подумал он. – Она привязана теперь к Франции, к этой стране сатаны и фатовства, на всю жизнь, а мы тем временем бу-

дем беспрепятственно вершить свое дело. Благодарю Тебя, Господи, благодарю Тебя! Веди нас теперь к окончательной победе!»

Глава 15

В начале лета в Париже, когда город был еще обласкан весенним теплом и появились лишь первые признаки приближающейся жаркой летней поры, для французского королевского двора наступило самое приятное время. Ведь предстояли большие праздники: испанский король Филипп, этот злополучный жених, оставивший свои безнадежные домогательства руки новой английской королевы, получил теперь согласие Елизаветы Валуа стать его женой. Свадьба была назначена на конец июня, одновременно с бракосочетанием ее тети, старой девы Маргариты Валуа с герцогом Савойским. Последний тоже оказался неудачливым претендентом на руку английской королевы Елизаветы, которая, словно домашняя хозяйка, перебирающая ковры, бесцеремонно отбрасывала их направо и налево.

Несмотря на дорогостоящие приготовления – суматоху на кухнях, примеривание доспехов, тренировки перед рыцарски турниром, – во дворце Отель де Турнелль стоял гул голосов и чувствовалась какая-то тревога, хотя никто в этом не признавался. Екатерина Медичи, как всегда беременная, хмурилась; взор ее темных глаз, казалось, был обращен в свой собственный внутренний мир; Елизавета, которой было всего четырнадцать лет, боялась покинуть Францию и стать третьей женой человека, предыдущие жены которого

прожили столь недолгую жизнь. Была несчастлива и Мария, ибо она теряла Елизавету, которая была ей почти сестрой, а также потому, что Франциск был снова болен, однако более всего ее печалили вести из Шотландии. Ее мать была больна, и разъяренные реформаторы Нокса держали ее в осаде. Там шла настоящая война, и с обеих сторон были потери. Идя на поводу у лордов Конгрегации и подогреваемые проповедями Джона Нокса, шотландцы, армия которых неудачно атаковала правительственные войска, оказались теперь на грани катастрофы.

А за всеми этими событиями стояла Англия. Должно быть, королева Елизавета тайно помогала мятежникам деньгами. Не будь у них поддержки англичан, теперь они были бы уже разбиты.

«О, моя матушка! – мысленно восклицала Мария, одеваясь к турниру, который должен был состояться в полдень как часть праздничной программы. – О, моя матушка! Если бы я могла увидеться с вами, быть с вами... Прошло так много времени, уже целых восемь лет с тех пор, как я видела вас, с момента вашего чудесного визита во Францию; восемь долгих лет... Я должна найти способ снова встретиться с вами... ведь должен же быть какой-то способ, непременно должен быть... может быть, я смогу приехать к вам...» Ее тоска была столь острой, что вызывала физическую боль, терзавшую ее сердце.

Поездку в карете с золочеными колесами к месту риста-

лица на улице Сент-Антуан, с герольдами, бегущими впереди кареты, возглашавшими: «Дорогу, дорогу ее величеству, королеве Шотландии и Англии!», – все это Мария воспринимала как нечто необходимое, совершаемое ею ради своей матери, как удар по ее врагу Елизавете. Прежде высоко ценимый ею ум Елизаветы теперь уже не вызывал у нее восхищения, коль скоро он был направлен против ее матери. Она улыбалась и жестом приветствовала всех, кто узнавал ее. Наблюдавший эту сцену английский посол Николас Трокмортон подмечал малейшие детали, чтобы направить в Лондон самый подробный отчет.

Прибыв к месту ристалища, Мария заняла на балконе свое кресло рядом с кардиналом, на лице которого было ясно написано, что все это ему наскучило.

– Было бы хорошо, – сказал он, – если бы мне платили по фунту стерлингов за каждый рыцарский поединок, на котором я обязан присутствовать. Я собрал бы больше денег, чем, как говорил Лютер¹⁴, церковь зарабатывает на выдаче индульгенций. Ну конечно, без них никто не может обойтись ни при бракосочетании, ни при рождении ребенка, ни при коронации. Зрелище – это тоже деньги, если сделать его с умом. А это... – Он безнадежно махнул рукой. – Напрасные затраты. Кто на это смотрит? На кого оно способно произве-

¹⁴ Лютер Мартин (1483–1546) – немецкий религиозный реформатор. Начало Реформации в Германии положило его выступление в Виттенберге с 95 тезисами против индульгенций (1517).

сти впечатление? Во всяком случае, не на Филиппа, которого здесь нет, ибо он не считает это событие достаточно важным, чтобы ради него покинуть Испанию!

Эта мысль тревожила и Марию. Было неприятно, что Филипп не считал необходимым лично просить руки своей новой невесты.

– Очень жаль, – сказала она. – Ведь сердце Елизаветы Валуа еще не принадлежит ему. Он должен завоевать ее любовь, а такое поведение не служит добрым началом.

Кардинал глубоко вздохнул:

– Любовь и брак, устроенный по договоренности, редко бывают счастливыми. – Казалось, его не волновало, была ли Елизавета счастлива или нет: такова уж судьба принцессы – терпеть. – Ваша кузина Елизавета отвергает предложение испанского жениха, – заметил он. – Конечно, есть некоторое сомнение, является ли она действительно королевой. Но Филипп благополучно вышел из этой ситуации. Особенно после опубликования папой послания, в котором настоящей, полноправной королевой признает вас. Если уж быть совершенно точным, то такое послание вовсе не было «опубликовано», но шпионы кардинала все-таки разведали о нем.

Мария устремила взгляд вдаль: там, за турнирной площадкой, находившейся между Бастилией и рекой, в мерцающем свете солнечного летнего дня виднелись парижские дома и раскинувшиеся за ними ярко-зеленые поля. Такой же пейзаж, сверкающий, словно созданный из драгоценных

камней, она видела в «Часослове».

Она вздохнула:

– У меня просто разрывается сердце из-за трудного положения, в котором находится моя мать в Шотландии, так что мне не до романов моей английской кузины, которая и создает все эти трудности и беды. – Мария не захотела обсуждать свои официальные «притязания» на престол, с которыми ее заставлял выступить Генрих II.

– Было бы не совсем точно говорить, что она создает их, – поправил кардинал. – Английская королева ничего не создает, она лишь использует естественный ход событий.

– Как умно с ее стороны, – заметила Мария, продолжая смотреть на великолепный июньский пейзаж, так похожий на прекрасную миниатюру. Как ей хотелось пойти туда, прогулять по извилистой проселочной дороге, казавшейся отсюда коричневой ниточкой...

Участники рыцарского поединка топтались по обеим сторонам поля с трепещущими на ветру флагами. Кардинал, внезапно сняв головной убор, стал обмахиваться им.

– Когда же они начнут? Это просто пытка!

– Скоро, – заверила Мария.

Он тяжело, но покорно вздохнул и повернулся к королеве, сидевшей рядом с ним с другой стороны. Екатерина Медичи, одетая в роскошное зеленое шелковое платье, сидела с кислым выражением лица; ее прямые брови были приподняты; она теребила носовой платок похожими на обрубки пальца-

ми. Мария слышала, как кардинал пытался развлекать ее, но она все больше нервничала.

«Рыцарские поединки, как они прекрасны, – думала Мария. – Эти краски и сам ритуал – все это похоже на возвышенную мессу. А может быть, это и есть месса, только светская, посвященная силе и всему земному...»

Затрубили фанфары. Сейчас начнутся рыцарские поединки в честь бракосочетания сестры короля, принцессы Маргариты, и его дочери, принцессы Елизаветы: первой – с герцогом Савойским и второй – с королем Испании. Участники турнира, в том числе и король, в одеянии которого сочетались любимые цвета Дианы – черный и белый, – вышли в сверкающих доспехах на поле. Началось первое сражение.

Час или около этого публика жадно следила за перипетиями боя, но затем стала терять интерес к слишком хорошо знакомому спектаклю, мысли зрителей переключились на другое, и они принялись болтать друг с другом о чем-то своем.

Мария поправила свое голубое платье и стала думать о Франциске. Он сидел рядом с матерью, со страдальческой гримасой на лице, причиной которой было хроническое инфекционное заболевание ушей. Как он только справляется со всем этим, никогда не чувствуя себя здоровым? И все же он упорно продолжал учиться и ездить на охоту.

Чуть дальше от них сидел герцог де Гиз, отдохавший теперь от военных дел. Заключенный в Като-Камбрези договор

положил конец всем войнам. Франция должна была возвратить Италии все итальянские территории, завоеванные в течение восьмидесяти лет. Какой же напрасной была эта война, подумала Мария. Все эти знамена, лошади, артиллерийские орудия, а в итоге – столь же малозначимый результат, что и в рыцарском поединке.

– Как вы чувствуете себя в роли замужней дамы, моя дорогая? – мягко прозвучал у самого ее уха голос кардинала.

– Мне нравится быть замужем, – ответила она.

– В каком смысле? – продолжал он.

– Как должно жене. – Она не собиралась выдавать ему секрета о мужских достоинствах Франциска или об их отсутствии.

– Тогда мы можем ожидать скоро появления принца?

– Все в руках Господа.

– Бог помогает тем, кто сам помогает себе.

Следует ли ей выслушивать такое?

– Каким же образом? – не удержалась она от искушения задать вопрос.

– Ради блага Франции вам, возможно, следует принести личную жертву и обойти некоторые заповеди.

– Таковую, как шестая? – Она сделала паузу. – Ту, которая предписывает верность?

– Как вы проникательны! Конечно, Господь вознаградит жертву такой маленькой компенсацией, как удовольствие.

Она, безусловно, желала получить удовольствие! Она бы-

ла создана для этого.

– Для меня удовольствие – в верности тому единственному, кто предопределен мне Богом.

О Господи, думал он. Какая проблема для наследования престола!

– Ну, конечно, – проговорил он ласково. – Я лишь испытываю вас, моя дорогая.

– Я знаю. – Она притворилась, что верит ему. – Это ваша святая обязанность, как кардинала и как моего...

Сидевшие на балконе зрители вскрикнули. Мария посмотрела на поле боя и увидела, что король падает вперед, а из забрала торчит кусок сломанного копья. Между золотыми перегородками похожего на клетку забрала ручьем текла кровь, орошая шею лошади.

Екатерина завизжала, Диана застыла на месте, будто каменное изваяние.

– Христос на троне! – глухо произнес кардинал и, вцепившись в балюстраду, поднялся со своего места. Короля, одеревеневшего, словно огородное пугало, сняли с лошади. Каждые несколько секунд тело его конвульсивно подергивалось. Королева и другие члены королевской семьи еще не успели спуститься вниз, как его положили на носилки и унесли.

– Нет! – истошно кричала Екатерина. – Я предупреждала его! Я говорила ему! Я умоляла его! – Она кинулась на поле и, рыдая, повисла на окровавленной шее лошади.

– Пойдемте, – обратился к Марии кардинал и поднял ее за

локоть. – К вашей карете. Они отвезут его обратно во дворец, в Отель де Турнелль. Надо ехать туда.

Мария повиновалась и позволила усадить себя в свою церемониальную карету, украшенную всеми ее регалиями. Кучер натянул поводья, и лошади тронулись. Впереди бежали герольды, громко возглашавшие: «Дорогу! Дорогу! Ее величеству, королеве Шотландии и Англии!» Их голоса тонули в приветственных криках возбужденной толпы.

Как и предполагал кардинал, короля отвезли во дворец де Турнелль. Он неподвижно лежал на узкой кровати. Рядом с ним находился лекарь. Копье поразило правый глаз короля, и было опасение, что обломки проникли в мозг.

Десять дней король мучительно умирал; проникшие внутрь обломки вызвали нагноение, и стала быстро распространяться инфекция. Сознание его иногда прояснялось, а затем снова меркло. Для Марии оставалось загадкой, почему приближение смерти не вызвало у короля, которому был всего сорок один год, ни удивления, ни сопротивления. Все выглядело так, будто он приветствовал смерть, которая не оказалась для него неожиданной и нежеланной гостьей.

Руджиери, астролог Екатерины, и Нострадамус, которого она глубоко почитала, давно предупредили королеву о грядущем несчастье. Кроме того, минувшей ночью она видела тревожный сон. Обо всем этом она рассказала супругу, однако он не внял предостережению. Но действительно ли это так?

Не приветствовал ли он опасность и не пошел ли ей навстречу? Все его поведение, казалось, свидетельствовало о нежелании жить. Он настоял на финальном поединке, несмотря на мольбы Екатерины и на предложение соперника прекратить бой. Король приказал своему противнику, не решавшемуся продолжать поединок, снова сойтись с ним в схватке: в противном случае ему грозило наказание.

Бледный, трясущийся в ознобе Франциск стоял у кровати отца. Он и сам был нездоров, и, хотя боль в ушах стихла, его продолжало лихорадить.

– Отец! – рыдал он. – Не покидайте меня!

Король вздохнул и едва приоткрыл глаза – видно, совсем открыть их у него уже не было сил.

– Сын мой, – произнес он почти нормальным голосом, – скоро ты останешься без отца, но не без моего благословения. Пусть Господь дарует тебе больше счастья, чем мне.

Франциск, рыдая, рухнул на кровать. Он почувствовал крепкую, теплую грудь отца, и ему казалось, что если он сильнее прижмется к ней, то сможет навсегда удержать отца в своих руках.

Мария обняла Франциска, обхватив его худые, трясущиеся плечи.

Глаза короля сомкнулись. Казалось, он спит. Доктор Амбруз Паре пощупал пульс и через мгновение покачал головой.

– Ваше величество, – обратился он к Франциску, – король

скончался.

– Нет! – вскрикнул Франциск, прижимаясь к телу отца.

– Ваше величество, – произнес кардинал, жестом предлагая Марии помочь Франциску подняться, чтобы ему могли присягнуть как королю.

– Мы вверяем вам наши жизни и торжественно клянемся в своей верности, – провозгласил он. – Мы будем служить вам всю жизнь до последней минуты.

Франциск вытер глаза. Его мать продолжала рыдать.

– Маман! – протянул он к ней руки, не обращая внимания на кардинала. – Маман!

Неверными шагами, спотыкаясь, они вдвоем доплелись до выхода из огромного дома, где их уже ожидала взволнованная толпа. Пусть кардинал объявит о смерти короля; а они пока отправятся в Лувр. Королевскую карету подали к выходу. Подойдя к стоявшей под липой карете, Мария из уважения к свекрови отошла на шаг в сторону, уступая ей дорогу, чтобы та могла первой подняться в карету. Но Екатерина Медичи неожиданно сама сделала шаг назад и, посмотрев на Марию спокойным, ничего не выражающим взглядом, произнесла:

– Вы должны идти первой. Королева Франции имеет преимущество перед вдовствующей королевой.

Глава 16

Мария весь день не могла заставить себя поехать; она так нервничала перед предстоящим событием – первым вечером, когда она и Франциск предстанут перед гостями как король и королева Франции. Казалось, в этом нет ничего сложного, тем более что все спланировала она сама, но именно это заставляло ее волноваться еще больше, ибо за все удачные или неудачные моменты ответственной будут считать только ее.

Вот уже несколько лет у Марии был собственный сад вокруг одного из небольших дворцов. Диана де Пуатье подметила ее любовь к цветам и помогла ей создать у подножия террасы этот белоснежно цветущий сад, спускающийся к маленькому декоративному пруду.

– Похоже, вы питаете особое пристрастие к белому цвету, – как-то заметила она Марии. – А в лунном свете белый сад может быть просто великолепен. А знаете ли вы, что есть цветы, которые раскрываются только в темноте и издают самый сильный аромат? Их родина – Персия.

Диана... Ее уже больше не было при дворе, Екатерина Медичи изгнала ее, едва Генриха II похоронили со всеми подобающими королю почестями. Но ее сад продолжал цвести. Все последующие годы Мария любовно ухаживала за ним, пополняла новыми цветами, и теперь он разросся на боль-

шой площади, окружив пруд нежной, ароматной цветущей рамой.

Вечер должен был состояться здесь, в саду. Пока не взойдет луна и в ее свете не засияют белые цветы, гости будут прогуливаться по зеленым аллеям, освещенным фонариками. Французские и шотландские музыканты, смешавшись с толпой, будут играть на скрипках, лютнях, флейтах и свирелях. Мария надеялась, что такая весьма непринужденная обстановка позволит каждому, и прежде всего ей самой и Франциску, чувствовать себя свободно.

– Мадам, – раздался сзади знакомый голос, – это по-прежнему будет молодежный вечер?

Мария обернулась и увидела Фламину. Все ее подруги, носившие то же имя, Мария, стали фрейлинами, принадлежа к узкому кругу самых доверенных лиц. Мария никак не ожидала, что ее новое положение что-либо изменит в их отношениях, но подруги теперь обращались к ней иначе, почтительно называя ее «мадам». Или это, возможно, объясняется тем, что она замужем? – подумала она.

– Нет, не совсем, – рассмеявшись, ответила Мария. – Разрешено присутствовать некоторым придворным особам постарше, но главным образом будет молодежь.

Первоначально Франциск настаивал, чтобы среди приглашенных не было никого старше двадцати пяти лет. Но когда Мария напомнила, что тогда на прием не попадут члены «Плеяды» из семи поэтов-классиков, он сдался, однако при-

бавив при этом:

– Но только эти поэты и никаких ваших дядьев!

– И даже милого Рене? – спросила она. – Между прочим, ему двадцать четыре.

– Я устал от ваших дядьев, – пожаловался он. – Они обязательно принесут какие-нибудь мрачные вести и испортят нам вечер. У них всегда плохие новости.

– Отлично, – сказала Фламина. И теперь, в отрочестве, она несколько не утратила детскую, бившую через край энергию и жизнерадостность.

– А нет ли среди гостей того, кого ты особенно хотела бы видеть? Надеюсь, что я его пригласила?

– Нет, никого.

Фламина неизменно привлекала к себе внимание мужчин, но казалось, они всегда помнили о прегрешениях ее матери и полагали, что таковые присущи и ее дочери. Поэтому Фламинe пришлось позаботиться о мускулах правой руки, дабы отбиваться от непрошенных поклонников.

– Мадам, – присоединилась к их разговору Битон в ее мягкой, словно медовой, мечтательной манере. – Все состоится сегодня? И полнолуние тоже будет? – вопрошали и ее большие темные глаза.

– Конечно, состоится, если луна не пойдет на убыль, или, как вчера вечером, не станет меньше, или же вообще не исчезнет в этом месяце, – несколько резко ответила Фламина.

Внизу садовники расчищали граблями дорожки, посыпая

их цветочными лепестками, и подвязывали цветы, головки которых клонились под тяжестью соцветий. За садовниками следовали их помощники, пропалывая и поливая траву.

В глубине сада живая изгородь из молодого тиса, саженцы которого в раннем детстве были ей по колено, теперь поднялась уже до самых ее плеч. Декоративный пруд почти весь зарос водяными лилиями, огромные восковые цветы которых раскрывались, подобно жаждущим устам.

– Вы уже не оденетесь в белое, правда? – взволнованно спросила Битон. – Если речь должна идти о белом...

– Нет, – поспешила ответить Мария. – Траур уже позади.

После кончины Генриха II она сорок дней, как этого требовал обычай, носила траурную вуаль. Вскоре после этого Франциск был коронован в Реймсе; Мария была полна решимости как можно скорее вывести его из состояния траурной скорби и помочь ему восстановить душевное равновесие. Он же явно желал оставаться в уединении и пребывать в трауре так долго, как только возможно, дабы оттянуть момент, когда придется взять бразды правления в свои руки. Но чем больше он оттягивал этот момент, тем ужаснее он ему представлялся. Ласковыми уговорами Мария добилась, чтобы Франциск иногда выходил из дому на свет Божий и возился со своей любимой лошастью – арабский скакун был доставлен, как и обещано, – и он постепенно начал оттаивать и спокойнее относиться к предстоящей необходимости исполнять обязанности короля.

Этот вечер со всеми его развлечениями был ею задуман, чтобы облегчить ему вступление в его новую роль. Она знала, что он будет чувствовать себя свободнее лишь в кругу молодых людей и друзей, которые соберутся в одном из небольших дворцов. Франциск разрешил ей самой организовать этот вечер и даже выбрать для него соответствующую одежду.

– А маман будет разрешено прийти? – спросил он.

– Нет, она слишком стара, – заверила его Мария.

Между Екатериной Медичи и Гизами стали возникать некоторые трения; она пыталась руководить внутренней политикой, а они – внешней.

– Надеюсь, что небо будет совсем чистым и никакие облака не закроют луну, – сказала Битон.

Милая, добросердечная Битон всегда заботится обо всем.

– А если появятся облака, мы просто скажем, что это часть декорации, – объявила Фламина.

Фламина и Битон направились к пруду с цветущими лилиями, пытаясь достать хотя бы одну из них. Тотчас же два садовника, молодые красавцы, как успела заметить Мария, кинулись им помогать.

– Какая пленительная сцена!

Кардинал! Он пробрался сюда тайком и теперь стоял всего в нескольких футах от террасы; легкий ветерок шевелил подол его церковного облачения. Он вскинул голову, как делал это всегда – она помнила это с самого детства; его мане-

ра держаться с ней нисколько не изменилась.

– Вам же известно, что вам не следовало приходить! – упрекнула его Мария.

– Ах, какая жестокая госпожа! – воскликнул он, прижимая к груди руки. – Мое сердце так жаждет этого приглашения на первый праздник их славных величеств Франциска II и Марии. Чем я не угодил?

– Чего же вы хотите? – В последнее время его манера всюду совать свой нос, наставлять и контролировать ее – как она полагала, в хитро завуалированной форме – вызывала у нее отвращение.

– Только лишь поделиться некоторыми тайно добытыми новостями из Шотландии. – Тут он скривился, изображая на лице гримасу боли и страдания: – Или вас больше не заботит это маленькое страдающее королевство?

Нет, только не Шотландия. Да, она еще тревожится за нее, даже очень. Но могут ли быть оттуда приятные вести?

– Конечно, заботит.

Она указала на деревянную скамью в тени декоративного кустарника, и они уселись рядом.

– Мне неприятно быть тем, кто сообщает вам об этом, но корабли, которые вы послали на помощь вашей матушке...

Восемь из них, с тремя тысячами солдат, она помнила. Это была гордость Франции.

– ...потерпели крушение и все погибли.

– Шторм! Но ведь еще рано для штормовой погоды!

Кардинал приглушенно кашлянул.

– Я знаю. Знаю. Возможно, господин Нокс властвует над ветрами и морями. Во всяком случае, они, похоже, слушаются его.

– Нокс! Эти его банды захватили страну, занимаются грабежами и поджогами еще хуже, чем армии англичан!

– Теперь они объединили силы, – тихо произнес кардинал.

– Что вы имеете в виду? – Светлый день вдруг стал казаться ей зловещим, будто Нокс и на самом деле мог внезапно появиться собственной персоной из-за зеленой изгороди подстриженных деревьев.

– Я имею в виду, что мятежники – те, кто объявил о лишении вашей милой матушки регентства, – подписали союзный договор с Англией и что королева Елизавета официально взяла Шотландию под свой протекторат; это ей позволяет открыто посылать английские войска на помощь мятежникам, что она и делает.

– Но на каком основании?

– На том основании, что она должна защитить Англию от французской армии.

– Армии моей матери, которую я послала ей на помощь!

– Совершенно верно.

Так кардиналу удалось испортить вечер, даже не присутствуя на нем.

– Я буду посылать ей войска еще и еще! – заявила Мария с неистовой решимостью. – Им не удастся одержать верх.

После того как кардинал удалился, – она знала, что ему очень не хотелось уходить, – Мария несколько минут сидела потупившись. Ясно, что ей и Франциску надо было нанести королевский визит в Шотландию. Несомненно, это несколько утихомирит разбушевавшиеся там страсти. Столь резкий под влиянием Нокса поворот Шотландии от религии предков к новому вероисповеданию ошеломил Марию. Ни одна другая страна не видела столь быстрого распространения протестантизма и такого опасного проповедника. Эти лорды Конгрегации – кто они такие? Действительно ли они привержены своей вере? Или же жаждут власти? И этот Нокс, какой он священнослужитель, если открыто носит двуручный меч и проповедует революцию? Это невиданный тип церковника.

Да, она должна поехать в Шотландию, но после того, как они с Франциском освоятся со своим новым и ко многому обязывающим положением во Франции.

Прежде чем собрались гости, солнце зашло, оставив на горизонте пурпурно-красные полосы и небольшой эскорт облаков. Король Франциск, удивительно вытянувшийся за последний год, встречал гостей, застыв в неудачной позе на самой верхней ступеньке террасы. На нем были бриджи алого цвета, по моде присборенные на бедрах, и дублет с длинными рукавами и сотней маленьких прорезей, через которые проглядывала атласная подкладка цвета зеленого мха. Чулки того же цвета обтягивали его длинные, как у журавля, ноги.

Советом портного положить на икры накладки он пренебрег, и ноги его были похожи на два длинных зеленых бобовых стручка в туфлях. Но Франциск об этом не догадывался и стоял с гордо поднятой головой в плоской бархатной шляпе, с декоративной шпагой, приветствуя друзей и своих младших братьев – девятилетнего Карла и восьмилетнего Генриха. Будучи, в сущности, еще детьми, они прятались в кустах и развлекались тем, что неожиданно выскакивали оттуда и налетали на проходивших мимо гостей.

– Добро пожаловать, мои дорогие друзья, – громко, как только мог, обратился к гостям Франциск, подняв руки. – Моей королеве и мне доставляет большое удовольствие видеть вас у себя в гостях. Да поможет нам Бог насладиться зрелищем восхода полной луны. – Он повернулся к Пьеру де Ронсару, тридцатипятилетнему поэту, самому старшему среди присутствующих. – А вы, если будете столь любезны, не прочтаете ли нам свой «Гимн луне»?

Ронсар поклонился и поцеловал королю руку.

– Я смогу приветствовать ее, когда она взойдет, – проговорил он и тут же, обратившись к Марии, произнес: – Но вот это восхитительное солнце, эта пленительная луна уже дарит нам свой свет!

«Не теперь!» – хотела она сказать. Его экстравагантные комплименты могли поставить ее в неловкое положение. Тем более что поэт стал бы ее восхвалять, будь она даже столь непривлекательна, как ослицы, молоко которых знатные да-

мы используют для ванны.

Мария оглядела собранную ею компанию. Пройдя по мраморной террасе, к ней спешила Мария Ливингстон, Ласти. Она выросла, вытянулась и раздобрела и явно нуждалась в муже, который держал бы ее в ежовых рукавицах, подумала Мария. Он должен быть не только строгим, но и жизнерадостным и полным энергии. Кто же среди присутствующих гостей мог бы подойти Ласти?

Уж конечно, не поэт Шателяр, секретарь Анри д'Анвиля, прислонившийся с томным видом к одному из фруктовых деревьев. Его большие темные глаза, постоянно сохранявшие такое выражение, будто он вот-вот расплачется, искали, на ком бы остановить взгляд. Он с некоторым интересом наблюдал за Марией Сетон, но утратил его, как только она прошла мимо. Он мгновенно почувствовал, что она не из тех женщин, которые способны замирать от любви; она была практичной, вполне земной натурой. Его взгляд продолжал блуждать.

Среди гостей был красивый юноша, маркиз д'Эльбеф, кузен Марии из дома Гизов, явно обладавший хищной натурой. Он, как обычно, волочился за Фламиной. Она же непременно оттолкнет его. Он рассмеется и отправится искать счастья где-нибудь в другом месте. Смешной маленький Рене. С ним был Анри д'Анвиль, младший сын Монморанси, коннетабля¹⁵Франции. Мария заметила у него свой розовый шел-

¹⁵ К о н н е т а б л ь – во Франции с XII в. военный советник короля, начальник

ковый носовой платок, который он нашел однажды и заявил, что будет его хранить как самую дорогую для него вещь. Он приколот его к камзолу и, обнаружив, что Мария смотрит в его сторону, нарочито поцеловал пальцы и коснулся ими платка.

Слуга обнес гостей белым вином в серебряных кубках. Все стояли на террасе лицом к востоку в ожидании восхода луны на чистом небе. Никто не разговаривал, все ждали молча. Горизонт загораживала череда деревьев в дальнем конце сада, но над ними уже можно было заметить появление бледного сияния: луна начала свое ночное путешествие по небосводу.

– Ах, – услышала Мария тихий возглас совсем рядом с собой и узнала голос Ронсара. Как только луна показалась над верхушками деревьев, он начал читать свою поэму, сочиненную специально для этого случая:

О, Богиня, распростертая тобой серебряная паутина
лежит сверкающим покровом на всей земле, скрывая под
тонкой вуалью все уродливое, грубое, кричащее.

О, Владычица красоты, подари мне ласку, осени меня
своим белым волшебством...

Все гости торжественно шествовали по тропинкам сада, восхищаясь красотой окружавшего их буйного белого цве-

королевских рыцарей; с XIV в. – главнокомандующий армией. В 1627 г. должность коннетабля устраниена.

тения.

Голоса их звучали мягко, тихо, интимно. Нежный бриз, словно легкая мантия, окутывал их, принося с собой благоухание ароматов ночного сада.

В этот миг Мария чувствовала себя счастливой, окруженной любовью и в самой надежной безопасности, какая только возможна на земле.

– Послушай меня, любовь моя! Не жди завтра! Живи сегодня! Срывай розы жизни! О да! Сегодня! – шептал шедший позади нее Ронсар.

Глава 17

Мария лежала на кровати, стараясь не шевелиться. Когда она совершенно не двигалась, то не так остро ощущала боль. Доктора не знали, что именно вызывает у нее столь внезапную резкую боль в желудке, и прописали покой и бламанж¹⁶. И вот теперь в этот прекрасный июньский день она лежала в постели во дворце Шамбор, в самой удаленной спальне королевских покоев, распорядившись не задергивать шторы и не закрывать ставни. Летний воздух, легкий и ласковый, наполнял комнату и обволакивал ее, словно прикосновение лебяжьего пуха; танцующие блики солнечного света сплетались в кружева слепящей белизны.

Как же тоскливо было лежать неподвижно в кровати, когда все вокруг пробуждалось и жаждало радости бытия!

Франциск отправился на прогулку верхом в сопровождении Екатерины Медичи, ловко сидевшей в седле так, чтобы можно было показать свои стройные ноги.

Мария усмехнулась. Екатерина была женщиной со странностями: она гордилась своими ногами – они и в самом деле были наиболее привлекательной частью ее тела, – но выставить их напоказ могла лишь при езде верхом; отличалась неистовой материнской одержимостью, она в то же вре-

¹⁶ Б л а м а н ж – желеобразная смесь, которую изготавливали из желатина, рисовой муки и молока.

мя пользовалась мрачной репутацией отравительницы. Поскольку обеих женщин, Екатерину Медичи и Марию, объединяла единая цель и равная преданность Франциску, между ними не было стычек. Скорее во всем была гармония, и Франциск, оправившись от пережитого шока и облачившись в королевскую мантию, изо всех сил старался достойно нести бремя короля.

Мария закрыла глаза. Боль, похоже, начала утихать. О, если бы только она могла теперь уснуть, при пробуждении боль, скорее всего, утихла бы совсем. Она стала вспоминать стихи Ронсара и вскоре погрузилась в сон.

Когда она проснулась, комнату заполнили лиловые тени, поблизости слышался шепот:

– Мы не можем...

– Мы не смеем – пока нет...

– Мы не можем дольше ждать!

– Но приступ... ее болезнь...

– Я говорю вам, мы больше не можем держать королеву в неведении – это было бы беспечностью, а возможно, и предательством...

В прозрачных сумерках этого летнего вечера шепот казался ей жужжанием пчел.

Его почти скрытое тенью лицо – свет падал из-за его спины – было едва различимо в тусклом вечернем освещении.

– Дядюшка кардинал, – обратилась к нему Мария, пытаюсь сесть.

Острая боль отступила, но болезненное ощущение в желудке еще оставалось. Рядом с кардиналом она заметила другие лица, так тесно обступившие его, что ей пришлось в голову сравнить их с гроздью винограда. И все они были печальными.

– В чем дело? Что случилось? – спросила она.

– Вести, ваше величество, вести из Шотландии, – ответил кардинал.

– Самые печальные вести, – раздался знакомый голос, и она увидела герцога де Гиза, своего второго дядю. И тогда она внезапно все поняла.

– Нет! – вскрикнула она.

– Это правда, – сказал кардинал.

– Наша сестра, ваша любимейшая матушка, скончалась, – произнес герцог.

– Нет. – Мария продолжала повторять слово «нет» как заклинание.

– Она умерла от водянки, – промолвил кардинал. – Но ее кончина была воистину благочестивой. Она призвала к себе обе воюющих стороны и умоляла их примириться и простить друг друга. А вам она написала. – Он вручил Марии письмо.

Она безмолвно взяла его и попросила приблизить свечу, чтобы можно было читать.

Слова, почерк те же, что и во многих других письмах матери, но содержало оно нечто существенно иное, леденящее душу...

Письмо выпало из ее рук. Она снова подняла его. На нем значилась дата – первое июня 1560 года. Это было двадцать восемь дней назад.

– Когда прибыло известие? – спросила она. – Как давно вы узнали об этом?

– Десять дней назад, ваше величество.

«И вы держали меня в неведении? Все эти дни, гуляя со мной в саду, улыбаясь и зная при этом о случившемся? – подумала она. – Есть за моим столом, рассуждать о поэзии, болтать о том, что множатся ряды гугенотов! Вы знали, а я нет?»

– Я старался уберечь вас, – промолвил кардинал.

– Уберечь меня от знания правды или от боли? – спросила она. – Ведь это ничего не дает: искать избавления от боли лишь в неведении.

– Я думал так сохранить ее живой для вас, – вдруг вступил в разговор герцог де Гиз. – Ведь человек еще жив, если о его кончине неизвестно.

– Дядя, кому-кому, а вам-то, как генералу, лучше всех известно, что мертвый солдат не становится менее мертвым от того, что жена не знает о его смерти.

– Моя дорогая, – обратился кардинал к Марии, – ведь мне...

Но ее лицо внезапно исказилось от приступа рыданий, и она, упав на кровать, зарылась в одеяла. Все сопровождавшие Гизов вышли из комнаты, оставив двух братьев с пле-

мянницей. Затем и они тактично удалились, дав Марии возможность предаться своему горю без свидетелей.

Она проплакала несколько часов; ее горе усиливалось от сознания собственной вины: мать взвалила на себя тяжкое бремя борьбы за сохранение Шотландии для дочери, что и привело к ее преждевременной кончине на сорок четвертом году от роду. «В то время как я развлекалась и проводила дни в окружении поэтов то в одном, то в другом дворце или лениво скользила в лодке по водной глади Луары, моя мать сражалась в Шотландии, несмотря на ее предположение, что я никогда не вернусь туда, – с горечью думала Мария. – Но я хотела повидаться с ней! И была намерена это сделать, как только...»

Воспоминание об их последнем расставании, которое, в сущности, оказалось расставанием навсегда, было настолько нестерпимо тяжелым, что она снова громко разрыдалась.

Стоя за дверями, кардинал обратился к герцогу:

– Я же говорил тебе, что это известие будет для нее жестоким ударом.

Десять дней Мария оставалась в постели, предаваясь горю, не могла ни есть, ни разговаривать, ни спать.

Отчаянно страдая, она погружалась то в темную бездну полной безнадежности, то в состояние онемения и небытия. Ее четыре подруги, Марии, находились в соседней комнате, но она, казалось, их не узнавала.

На одиннадцатый день Мария начала постепенно прихо-

дить в себя, поправляться и собираться с силами, чтобы вернуться в привычный ей мир.

Она почувствовала, что нуждается в освежающей ванне и что очень голодна. Почти покаянно встретив Марию Ливингстон, она попросила заказать ей ванну из молока ослиц и подать пшеничной каши, сдобренной корицей с сахаром. К вечеру она окончательно пришла в себя.

Явившись к Марии, обрадованный кардинал выразил одобрение и, захлопав в ладоши, воскликнул:

– Слава богу, вы снова с нами!

– Да, но только часть меня, другая умерла вместе с моей матерью, – ответила она тихо. – Теперь расскажите мне обо всем остальном. Ведь со смертью моей матушки многое изменилось как внутри, так и вне меня.

По лицу кардинала было видно, что он колеблется. Чтобы выиграть время и подумать, он начал тереть рукой бритое лицо там, где еще недавно красовалась борода – он сбрил ее в порыве горестных переживаний.

– Я достаточно окрепла, чтобы выслушать любую весть, какой бы она ни была. – Ее голос звучал спокойно и уверенно.

Но кардинал, чуть улыбаясь, все же колебался.

– Я на самом деле приказываю вам сказать мне все!

Ну что ж, ведь она его королева, и он не мог ее послушаться.

– Ну, хорошо. Новость очень простая: все кончено. Мя-

тежники восторжествовали, и теперь Сесил как английский представитель находится в Эдинбурге для переговоров с французами о заключении договора от имени повстанцев. Договора о выводе французских войск. – По выражению ее лица он понял, какой это для нее удар. – Старый альянс больше не существует. В Шотландии отныне больше не будет ни французов, ни католиков. С нами там покончено.

– С нами?

– С французами. Вы же все еще там – королева, но только номинально. На деле страной правит от имени протестантов ваш братец бастард Джеймс Стюарт, а за его спиной – английская королева Елизавета, которая держит в своих руках бразды правления и контроль над своим новым вассальным протестантским королевством.

Утратив дар речи, Мария застыла с открытым ртом.

«Ну что ж, – подумал кардинал, испытывая неловкость от попытки найти себе оправдание, – она ведь сама потребовала сказать ей все».

– Парламентский комитет ратифицировал все эти перемены. А написать текст клятвы, в которой новообращенные шотландцы признают протестантскую веру, позвали господина Нокса. Он состряпал его за четыре дня.

Глава 18

Мария Стюарт сидела на скамье в саду, недавно разбитом в замке Шенонсо, и наблюдала за работой садовников. В этот осенний день весь окружающий мир, окрашенный в рыжевато-коричневые тона, казалось, купался в потоках золотистого света, что придавало всему какую-то особую прелесть, и сердце Марии невольно наполнялось радостным волнением.

Она едва заметила, как кончилось лето с его пышными букетами левкоев, васильков, маргариток, с трепетанием крыльев ярких бабочек и тянувшимися до десяти часов вечера томными светлыми сумерками. Но как могли они волновать и трогать сердце, если все их предназначение – всего лишь украшать жизнь, ничего в ней не меняя, даже в самые трудные моменты. Ее мать скончалась, ее королевство в руках еретиков. Даже останки матери не позволили вывезти из Шотландии, чтобы их можно было захоронить во Франции, на ее родине, и теперь прах ее, как заложник, находится в руках лордов Конгрегации. Но заложник чего? Неужели у них нет сочувствия даже к мертвой? Несмотря на залитый теплым, ласковым солнцем Франции день, Марию охватил озноб.

– Ты вернешься домой, мама, – пообещала она. – И будешь покоиться во Франции.

– Добрый день, ваше достойнейшее величество, – обра-

тился к ней садовник.

Она улыбнулась ему и кивнула. Только теперь она свыклась и стала как должное воспринимать обращение к ней как к королеве Франции. В первый год замужества ее смущал этот титул, и ей казалось, будто она всего лишь ждет, что вот-вот появится королева Екатерина Медичи. Когда же со словами «ваше величество» и «король Франции» обращались к Франциску, это казалось ей еще более странным. Она никак не могла изгнать из своего сознания образ покойного короля Генриха II, и, когда кто-нибудь произносил его титул, она всегда ожидала, что он вот-вот выйдет из-за колонны, смеясь над тем, какую он со всеми сыграл шутку.

Однако, появившись он действительно во дворце Шенонсо, он был бы шокирован, обнаружив, что его возлюбленной Дианы здесь больше нет, ибо ее изгнали и отправили в другой дворец, и увидев все то, что натворила здесь королева Екатерина, заложившая новый сад с другой стороны дворца. Именно здесь так усердно трудились садовники.

Хотя в саду Екатерины не было и не могло быть высоких деревьев или скульптурных фигур, созданных из искусно подрезанных кустов, как это было в старом саду, этот, новый, оформлялся по последней итальянской моде: со статуями, фонтанами и каналами. Со временем в нем, разумеется, будут и большие деревья. А пока отсутствию их Екатерина, хорошо умеющая ждать своего часа – не даром ее девиз гласил: «ненавидеть и ждать», – не придавала значения.

Между прочим, в ее саду можно было любоваться элегантными цветниками партера, изысканными геометрическими узорами в сочетании гальки и цветов, а также отражением в тихих водах каналов голубого неба и облаков; и все это великолепие представало на фоне изящного дворца, стоявшего, словно безмолвный свидетель, на берегу реки Шер.

Екатерина не желала здесь видеть никого, кроме Франциска. Но именно здесь она и устраивала торжественный праздник в честь Франциска и его невесты, приветствуя их сверкающими каскадами рассыпавшихся в небе и отражавшихся в реке фейерверков.

Когда Мария увидела приближающуюся к ней квадратную фигуру своей свекрови, целеустремленно двигавшуюся по одной из дорожек, проложенных вдоль канала, она поднялась ей навстречу, и они пошли вместе, отбрасывая перед собой тени от полуденного солнца. Тень Марии была тонкой и длинной, тень Екатерины – квадратной и короткой, ее голова едва доставала до плеча Марии, которая слегка наклонялась, чтобы лучше слышать монотонную речь свекрови. Вдоль всей дороги на пути двух королев садовники прекращали работу и кланялись им. Цветы, переливавшиеся оттенками драгоценных эмалей, – сине-лиловые ирисы, белые маттиолы и левкой, ярко-красные гвоздики и оранжево-желтые ноготки – создавали геометрически точные, аккуратные узоры.

Высказав кое-какие соображения относительно цветни-

ков и геральдики, Екатерина затем промурлыкала:

– Итак, вы и его величество, – она любила употреблять титул короля при каждом удобном случае, – отказываетесь ратифицировать Эдинбургский договор?

– Мы не отказываемся, мы его просто не подпишем, – ответила Мария.

Так ей посоветовали дядья, хотя в их советах не было никакой необходимости. Она вообще не собиралась, да и не могла подписать документ, лишавший ее права на английский трон. Это было невозможно. Как могла она подписать документ, аннулировавший то, что было ее истинным правом? Ведь она была законной наследницей Генриха VII, и ее право на престол не может вызывать сомнений. Она была готова признать Елизавету королевой де-факто, но ее дядья указали ей, что договор не делал никакого различия между «де-факто» и «де-юре». А сформулированное в нем положение «Отныне и на все времена» означает, что Мария не сможет наследовать престол даже в том случае, если Елизавета умрет бездетной.

Эдинбургский договор был весьма болезненным поражением для Шотландии, и Марию буквально тошнило от него. Джон Нокс и его бунтовщики-приспешники до смерти затравили ее мать, преследуя ее до тех пор, пока она не умерла от разрыва сердца, предоставив им полный контроль над страной. В результате родился Эдинбургский договор, отвергавший Францию и католицизм. Ну уж нет, она его не ратифи-

цирует!

Они приближались к фонтану в скале, шедевру великого паркового дизайнера Палисси. Уже было слышно журчание его струй, когда Екатерина сказала:

– Англичане будут давить на вас.

– Пускай! – ответила Мария, вскинув голову. – Они не владеют Шотландией, сколь бы сильно они ни хотели верить, что она принадлежит им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.